

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1885.

ДЕКАБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковского университета В. Надлера	813—863
Слово въ день памяти св. великомученицы Екатерины и Меркурія, св. мученицы царицы Августы и Меркурія Смоленскаго. Законоучителя 1-го Московскаго кадетскаго корпуса. Свящ. А. Смирнова	866—876
Церковно-религіозное состояніе запада и вселенная Церковь (окончаніе). Свящ. Т. Буткевича	877—912
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Безсмертіе души (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи В. Кудрявцева	517—574
Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи И. Ляницкаго.	575—593
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). И. К.	594—598
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Святейшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Амвросію, Епископу Харьковскому и Ахтырскому.—Отношеніе г. Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 22 ноября н. г. за № 13467 на имя Преосвященнаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Опредѣленія Святейшаго Синода.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1884 г. учебный годъ.—Списокъ лицъ, которымъ предоставлено право преподаванія церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ.—Епархіальныя навіщенія.—Резолюція Преосвященнаго Амвросія, Епископа Харьков. и Ахтырскаго.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, пзъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и пзвлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и пеканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія пзвѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редаціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Вьюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πιστεὶ νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Доволено цензурою. Харьковъ. Декабря 31 дня 1885 гола.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *)

XV.

Наши генералы и послѣ переправы черезъ Березину продолжали совѣщаться о способахъ дальнѣйшаго преслѣдованія великой арміи. Рѣшено было, что Дунайская армія будетъ преслѣдовать ее по пятамъ, что Витгенштейнъ будетъ тѣснить непріятели съ праваго фланга, тогда какъ самъ Кутузовъ намѣревался слѣдовать, по прежнему, болѣе южнымъ путемъ и держаться наравнѣ съ лѣвымъ непріятельскимъ флангомъ **). Напередъ можно было однако-же предвидѣть, что ни одна изъ нашихъ большихъ армій не въ состояніи будетъ настигнуть бѣгущаго безъ оглядки непріятели и что задача дальнѣйшаго преслѣдованія выпадетъ всецѣло на долю нашихъ легкихъ войскъ, и въ особенности казаковъ. Кутузовъ понималъ это лучше кого-либо другаго. Онъ по прежнему щадилъ по возможности силы своихъ солдатъ ***), подвигался впередъ мед-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 21.

***) Объ этихъ распоряженіяхъ см. у Богдановича, т. III, стр. 296—299 и у Попова, „Русская Старина“ 1877 года, ноябрь, стр. 265.

***) Себя лично Кутузовъ не щадилъ. Чтобы распоряженія его были приведены въ исполненіе съ успѣхомъ, онъ сдалъ начальство надъ своими войсками генералу Торماسову, а самъ, на переладныхъ, не смотря на утомленіе и нездоровье, поскакалъ къ Дунайскѣй арміи. Поповъ. стр. 365.

ленно и съ большими отдыхами, но поручилъ въ тоже время атаману Платову гнаться за непріятелемъ изо всѣхъ силъ, постараться обойти его и отрѣзать ему путь отступленія къ Вильнѣ *).

Въ то время, когда массы нашей арміи частью отдыхали на берегахъ Березины, частью подходили къ рѣкѣ, остатки Наполеоновскихъ полчищъ тянулись въ страшномъ безпорядкѣ по узкимъ деревяннымъ гатямъ и мостамъ отъ Зембина къ Молодечнѣ. Удивленіе Наполеона и его генераловъ росло по мѣрѣ того, какъ углублялись они въ эти опасныя дефілеы. Вокругъ нихъ тянулись безконечныя топкія болота, едва покрытыя сверху тонкою ледяною корою. Тамъ и сямъ виднѣлись верхушки жалкаго, низкорослаго лѣса. По этимъ страшнымъ пустынямъ вилась узкая дорога, построенная изъ хвороста и деревянныхъ бревенъ. Невозможно было подвигаться по этому первобытному пути иначе, какъ крайне медленно и съ большою осторожностію. Сложенныя кое-какъ бревна подымались и опускались, подобно клавишамъ инструмента, подъ каждою повозкою и орудіемъ; мосты, устроенныя на болѣе топкихъ мѣстахъ и черезъ рѣченки и ручьи, подламывались подъ тяжелыми фурами и орудіями; полотно дороги было такъ узко, что два экипажа не могли двигаться по немъ рядомъ. Легко себѣ представить, что случилось-бы съ непріятельскою арміею въ этихъ страшныхъ мѣстахъ, если-бы Чичаговъ раскопалъ заблаговременно хотя въ нѣсколькихъ мѣстахъ эти гати и сжегъ нѣсколько мостовъ. „Болота не были вполнѣ замерзшими“, говорятъ Жоинни, „и если-бы русскіе имѣли время сжечь Зембинскіе мосты, то все было-бы потеряно“ **). „Во время похода послѣ переправы“, говоритъ очевидецъ-французъ, „при переходѣ черезъ Зембинскій мостъ, который построенъ въ родѣ плотины изъ лѣсу на возлахъ и составляетъ единственный проходъ на значительномъ протяженіи черезъ болото, мы могли судить о той опасности, которой мы избѣжали. Ничего не могло быть легче для непріятеля, какъ истребить или сжечь

*) См. Богдановичъ. Т. III, стр. 298.

**) Жоинни. Жизнь Наполеона. Ч. II, стр. 236.

его“ *). „Достаточно было огня изъ казачьей трубы, чтобы сжечь всѣ эти мосты“, замѣчаетъ другой очевидецъ **), „и тогда всѣ наши подвиги при переправѣ черезъ Березину оказались-бы напрасными. Захваченные на этомъ пространствѣ между болотами и рѣкою, безъ продовольствія, при сильной снѣжной метели, великая армія и императоръ принуждены-бы были сдаться въ плѣнъ безъ боя“.

Но Наполеону и его арміи не было времени торжествовать по поводу своего спасенія изъ Зембинскихъ болотъ. Новый, страшный врагъ, врагъ стихійный, неумолимый, возсталъ противъ нихъ и отнималъ послѣднія надежды на спасеніе. До сихъ поръ великая армія страдала не столько отъ холоду, сколько отъ голода. Теперь роли перемѣнились: непріатели вступили въ такую страну, гдѣ не все было опустошено войною, гдѣ извѣстные классы населенія (поляки и жида) охотно снабжали ихъ продовольствіемъ, хотя верѣдко за страшныя деньги ***); но за то температура начала быстро падать и зима со всѣми своими ужасами обрушилась на великую армію. Уже въ послѣдній день переправы черезъ Березину термометръ упалъ ниже—10 гр., а затѣмъ морозъ усиливался съ каждымъ днемъ и часомъ и достигъ, наконецъ, до 27 гр. ****). Легко себѣ представить страшное дѣйствіе такого холода на людей, одѣтыхъ въ одни лохмотья и принужденныхъ проводить даже ночи на бивуакахъ подъ открытымъ небомъ. „Это не была уже та

*) Dumas, Souvenirs. Т. III, стр. 473—474.

**) Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 374 — 375. См. также Фезензанъ, Souvenirs Militaires. Описавъ Зембинскіе мосты, онъ замѣчаетъ: „испытывая всѣ эти неудобства движенія по узкимъ мостамъ, мы утѣшали себя мыслью, что было-бы, если-бы непріятель, обращая менѣе вниманія на защиту дороги въ Минскъ, позаботился болѣе о дорогѣ на Вильну. Стоило ему только сжечь одинъ изъ этихъ мостовъ, чтобы потопить насъ всѣхъ въ болотахъ“. Стр. 336, см. также Brandt. Т. I, стр. 479. „Французы, говоритъ этотъ почтенный свидѣтель,—прямо недоумѣвали, какъ не воспользовались русскіе этою мѣстностью, чтобы нанести арміи Наполеона послѣдній удар“.

***) См. Шамбре. Expedition de Russie. Т. III, стр. 99—100.

****) Шамбре говоритъ: „съ 3-го декабря холодъ вдругъ принялъ размѣры, неизвѣстные въ нашемъ климатѣ. 5-го числа термометръ показывалъ 20 гр. ниже нуля, 6-го 24 гр., 7-го 26, и увѣряютъ, что въ слѣдующіе затѣмъ дни онъ опустился на 30 гр. ниже нуля“. Expedition de Russie. Т. III, стр. 115.

смерть“, говоритъ очевидецъ, „которая представлялась намъ доселѣ въ столькихъ разнообразныхъ формахъ. Морозъ поражалъ свои жертвы съ быстротою молніи; онъ истреблялъ безъ различія, сильныхъ и слабыхъ, здоровыхъ и больныхъ. По сторонамъ дороги не валялись уже умирающіе; но зато, повсюду на дорогѣ и особенно вокругъ бивуаковъ, виднѣлись цѣлыя массы труповъ“ *).

Морозъ довершилъ разрушеніе великой арміи, но на ряду съ нимъ продолжали дѣйствовать съ страшною силою и другіе разрушительные элементы. Порядокъ, возстановленный хотя отчасти съ такими усиліями передъ Березиною, рушился окончательно и безповоротно уже при вступленіи на Зембинскую плотину. Войска двигались впередъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Офицеры, солдаты, деньщики, женщины, раненые сбились въ пеструю толпу **). Исчезли послѣдніе слѣды мундира. Кавалеристы тащились впередъ пѣшкомъ, ведя въ поводьяхъ своихъ измученныхъ лошадей. Гепералы и знатныя лица, потерявшія при переправѣ всѣ свои экипажи и запасы, очутились вдругъ въ положеніи голодныхъ, нищихъ бродягъ ***). Со слезами выпрашивали они у солдатъ кусокъ хлѣба или лошадиного мяса. Почти никто не оставался въ рядахъ; никто не отдавалъ приказаній, да и не кому было исполнять ихъ. Всѣ части войска, всѣ роды оружія смѣшались въ одну безобразную массу. Конные и обозы спѣшили какъ безумные впередъ, топтали и давили пѣшихъ. Императорская главная квартира, столь блестящая въ началѣ войны, стала неузнаваема въ эти дни. Гвардія шла въ безпорядкѣ; недовольство и мрачное отчаяніе виднѣлись на лицѣ каждаго солдата. Императоръ ѣхалъ въ каретѣ съ маршаломъ Бертье; за ними тянулись нѣсколько другихъ экипажей, тощихъ лошадей и муловъ, ускользнувшихъ отъ общей гибели. Адъютанты императора и маршала шли

*) Шамбре. Т. III, стр. 116. „Jamais, восклицаетъ онъ, l'armée n'éprouva un pareil désastre!“ Справедливость впрочемъ требуетъ замѣтить, что морозъ истреблялъ уже не армію, а лишь ея жалкіе остатки. Самъ Шамбре свидѣтельствуетъ, что уже три дня послѣ переправы черезъ Березину въ арміи насчитывалось всего лишь 8,800 вооруженныхъ.

***) См. Fzensac, Souvenirs Militaires, 338.

***) См. Шамбре. Expedition de Russie. Т. III, стр. 99.

пѣшкомъ, ведя въ поводьяхъ своихъ тощихъ коней; иногда, чтобы перевести духъ, они усаживались на запяткахъ экипажей. Подобно похоронной процессіи тянулось это шествіе среди мрачныхъ, еловыхъ лѣсовъ, „усугублявшихъ, замѣчаетъ очевидецъ *), ужасъ этой картины“ **).

А между тѣмъ преслѣдователи были уже близко. Едва только непріятельскій аррьергардъ миновалъ Зембинъ и сжегъ мосты, какъ казаки, легко пробравшіеся по мерзлымъ болотамъ, внезапно появились въ большомъ числѣ съ обѣихъ фланговъ и съ тылу. Они успѣли перехватить и переколоть нѣсколько отсталыхъ, но были прогнаны назадъ пушечными и ружейными выстрѣлами. Но за казаками двигался цѣлый отрядъ генерала Чаплица. Вскорѣ за Зембинымъ онъ ударилъ на непріятельскій аррьергардъ, взялъ семь пушекъ и четыреста пѣнныхъ ***). На другой день авангарды Чаплица и Платова вытѣснили маршала Виктора, прикрывавшаго съ остатками 9-го корпуса отступление великой арміи, изъ с. Плещеницъ, гнали его до Хотавичъ, отбили шесть орудій и взяли тысячу четыреста пѣнныхъ. 20 и 21 ноября послѣдовали два новыя нападенія, причемъ непріятель потерялъ около 2000 пѣнныхъ, 10 орудій и два штандарта ****).

Маршалъ Викторъ, еще такъ недавно покрывшій себя такою славою въ неравной борьбѣ съ Витгенштейномъ на берегу Березины, пришелъ теперь въ отчаяніе въ виду такого неотомимаго преслѣдованія со стороны русскихъ и страшныхъ потерь своего корпуса. Уже у Зембина заявлялъ онъ о невоз-

*) См. Fzensac, Souvenirs Militaires, стр. 314.

**) „Наша колонна, рассказываетъ Брандтъ, держалась тѣсно сомкнутою, но въ каждомъ привалѣ мы не досчитывались нѣсколькихъ людей. На разсвѣтѣ холодъ усиливался; мы встрѣтили въ темнотѣ нѣсколько пустыхъ пороховыхъ фуръ, въ нихъ везли раненыхъ. Изъ нѣкоторыхъ фуръ слышались раздрающія сердце крики раненыхъ покончить ихъ жизнь. Среди этихъ ужасовъ двигались мы впередъ. Каждую минуту наталкивались мы на мертвецовъ и умирающихъ. Офицеры и солдаты сидѣли изнеможенные на дорогѣ и ожидали, казалось, смерти. Со-ще взошло красное какъ кровь, холодъ былъ невыносимъ. Мы расположились бивкомъ близъ какой-то деревушки. Вокругъ горящихъ костровъ лежали живые и мертвые“ и т. д. Brandt. T. I, стр. 479.

*) См. Богдановичъ. Т. III, стр. 303.

**) См. Богдановичъ, тамъ-же.

возможности удерживать непріятеля съ своими войсками, понесшими страшныя потери въ сраженіи при Студянкѣ. Теперь, передъ Молодечною, онъ повторилъ свои заявленія и жалобы *); но императору было уже не до него и не до арьергарда великой арміи. Онъ убѣдился, наконецъ, что гибель этой арміи дѣло безповоротное и рѣшенное и не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія раздѣлить ея участь. Прибывъ въ Молодечну, онъ рѣшилъ бросить свои погибающія войска и поспѣшать во Францію, чтобы собрать тамъ новыя силы для продолженія борьбы.

Было-бы несправедливо порицать безусловно это рѣшеніе императора, считать отъѣздъ его изъ арміи безчестнымъ и недостойнымъ дѣломъ. Такіе упреки были-бы вполне основательными, если-бы Наполеонъ былъ только генераломъ, полководцемъ. Но онъ былъ прежде всего государемъ, главою великаго народа. Его поступки опредѣлялись не одними только военными, но и политическими соображеніями. Его отъѣздъ во Францію былъ одинаково необходимъ, — все равно, слѣдовало-ли продолжать войну, или заключить миръ. Ему необходимо было явиться какъ можно скорѣе во главѣ новой арміи въ Германіи, чтобы удержать въ повиновеніи своихъ недовольныхъ, колеблющихся союзниковъ. Его присутствіе необходимо было и во Франціи, гдѣ недовольство росло съ каждымъ днемъ, гдѣ безумная попытка Мале могла быть повторена съ болѣе большимъ успѣхомъ и болѣе искусными руками **).

Собираясь бѣжать изъ арміи, Наполеонъ счелъ однако-же необходимымъ предупредить свой народъ и Европу хотя нѣсколько о катастрофѣ, постигшей его въ Россіи. Сказать всю правду онъ не хотѣлъ, боясь, чтобы она не произвела слишкомъ подавляющаго впечатлѣнія на его приверженцевъ и не побудила его тайныхъ враговъ возстать открыто противъ него

*) См. подробное донесеніе Виктора маршалу Бертье отъ 5-го декабря/Шамбре. Т. III, стр. 121—123.

***) Такъ разсуждаетъ между прочимъ и Шамбре, но у Наполеона могли быть и другія болѣе злонстическія побужденія. Не говоря уже о желаніи спасти свою дорогую особу, онъ бросилъ армію и для того, чтобы имѣть потомъ возможность утверждать: „дѣла пошли-бы не такъ, еслибы я не принужденъ былъ оставить армію“. См. Бернгарди. Т. II, стр. 341.

Но онъ понималъ въ то-же время, что необходимо поднять завѣсу, приготовить умы, ублажаемые постоянными вѣстями о его новыхъ и новыхъ побѣдахъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ составить въ Молодечнѣ и отправить поспѣшно въ Парижъ знаменитый 29-й бюллетень.

До сихъ поръ во всѣхъ своихъ бюллетеняхъ Наполеонъ старался представить въ ложномъ свѣтѣ все положеніе дѣлъ и вызвать повсемѣстно надежды на счастливое окончаніе этого безпримѣрнаго похода. Напрасно стали-бы мы искать въ нихъ не только яснаго и опредѣленнаго изложенія хода военныхъ дѣйствій, но и указанія на важнѣйшіе рѣшающіе моменты. Вмѣсто этого мы, то и дѣло, встрѣчаемъ въ нихъ подробности, очевидно второстепенныя и желаніе во что-бы то ни стало скрыть истину. Такъ въ трехъ первыхъ бюллетеняхъ, посланныхъ изъ Москвы, мы встрѣчаемъ много подробностей о пожарѣ русской столицы и о тѣхъ громадныхъ запасахъ, которые найдены были въ ней *). 23-й и 24-й бюллетени, посланные также изъ Москвы, даютъ нѣсколько подробностей о позиціяхъ, занимаемыхъ французскою и русскою арміею. Въ первомъ изъ нихъ мы читаемъ кромѣ того слѣдующія слова: „Уже въ теченіи восьми дней у насъ солнце и теплѣе, нежели въ Парижѣ въ это время года; не замѣчаемъ, что мы такъ далеко на сѣверѣ“. „Погода все еще хорошая“, говорится во второмъ бюллетенѣ. „Первый снѣгъ показался 13-го октября, черезъ двадцать дней надо расположиться на зимнихъ квартирахъ“ **).

25-й бюллетень повѣствуетъ о сраженіи при Вилковѣ (Тарутинѣ), объ оставленіи Москвы и взрывѣ Кремля. „Погода“, говорится въ заключеніе, „все еще хороша, какъ во Франціи въ октябрѣ, быть можетъ, даже теплѣе; но въ первыхъ числахъ ноября наступятъ, вѣроятно, холода. Все показываетъ, что надо подумать о зимнихъ квартирахъ. Наша кавалерія особенно нуждается въ нихъ. Пѣхота оправилась въ Москвѣ и находится въ отличномъ состояніи“ ***). Въ 26 бюллетенѣ, отправ-

*) См. Шамбре. Т. III, стр. 103.

**) См. Шамбре. Т. III, стр. 104.

***) См. Шамбре. Т. III, стр. 105.

ленною изъ Боровска, 23 октября, Наполеонъ говоритъ о своихъ новыхъ планахъ. „Императоръ, сказано въ немъ, рассчитываетъ двинуться съ 24 октября, дабы достигнуть Двины и занять позицію, которая приблизитъ его на 80 лье къ Петербургу и Вильнѣ“. „Жители Россіи“, читаемъ мы тутъ-же, „не запомнятъ такой погоды, какъ та, которая стоитъ уже 20 дней. Это солнце, эти прекрасные дни напоминаютъ Фонтенебло. Армія находится въ богатой странѣ, могущей соперничать съ лучшими мѣстностями во Франціи и Германіи“ *).

27-й бюллетень, посланный изъ Вереи, заключаетъ въ себѣ рассказъ о сраженіи при Малоярославцѣ. Французы одержали, разумѣется, полную побѣду. „Послѣ битвы императоръ прибылъ въ Малоярославецъ, осмотрѣлъ позиціи непріятеля и отдалъ приказъ атаковать ихъ на другой день утромъ; но ночью непріятель отступилъ. Принцъ Экмюльскій (Даву) преслѣдовалъ его на разстояніи шести лье, затѣмъ императоръ остановилъ преслѣдованіе и повелѣлъ арміи двинуться на Верею“. Изобразивъ въ этихъ, совершенно непонятныхъ для всякаго непосвященнаго въ дѣло читателя, словахъ начало отступленія, бюллетень вновь распространяется о погодѣ. „Погода прекрасная, дороги отличныя, это конецъ осени: такая погода продолжится еще дней восемь, а за это время мы достигнемъ нашихъ новыхъ позицій“ **). По словамъ этого-же бюллетеня, русская армія почти не существуетъ, старая русская пѣхота уничтожена совершенно, остались одни рекруты, да донскіе казаки ***).

Прошло 15 дней послѣ публикаціи этого бюллетеня, великая армія достигла Смоленска въ совершенно разстроенномъ видѣ, но Наполеонъ имѣлъ наглость написать такую фантазію: „До 6 ноября стояла хорошая погода, по съ 7-го началась зима; мы потеряли около 3000 обозныхъ лошадей и сотню

*) См. Шамбре. Т. III, стр. 105.

**) Такимъ образомъ, изъ собственныхъ словъ Наполеона оказывается, что осень 1812 года была необычайно теплая и зима наступила поздно.

***) „Русская армія, сказано тутъ буквально, поддерживается только многочисленными подкрѣпленіями казаковъ, прибывающихъ постоянно съ Дону“. См. Шамбре. Т. III, стр. 106.

зарядныхъ ящиковъ. Отъ самаго Малоярославца мы не видѣли другихъ непріятелей кромѣ казаковъ; только подъ Вязмою тысячь двѣнадцать русской пѣхоты, поддерживаемыхъ тучею казаковъ, пытались перерѣзать дорогу между Даву и Евгениемъ, но были отброшены въ лѣса, потеряли шесть пушекъ и множество плѣнныхъ“ *).

Какъ ни тщательно скрывалъ Наполеонъ истину во всѣхъ своихъ бюллетеняхъ, но тревожные слухи о дѣйствительномъ положеніи арміи все-таки начали доходить до Франціи. Въ интересахъ самого Наполеона необходимо было теперь посигнать изображеніемъ послѣднихъ событій и притомъ въ невозможно выгоднѣйшемъ свѣтѣ. Эту несовсѣмъ легкую задачу Наполеонъ разрѣшилъ самымъ блистательнымъ образомъ въ своемъ 29 бюллетенѣ **).

И въ этомъ наглomъ произведеніи Бонапартовской лжи напрасно стали-бы мы искать истины. И въ немъ великій императоръ оказывается побѣдоноснымъ и непогрѣшимымъ. Онъ принужденъ былъ оставить Смоленскъ, единственно потому, что правое крыло великой арміи (т. е. Шварценбергъ, являющійся въ настоящемъ случаѣ козломъ отпущенія) оставило операціонную линію, проходящую черезъ Минскъ и избрало базою своихъ дѣйствій Варшаву ***). Дѣла подъ Краснымъ, на Березинѣ изображаются, разумѣется, въ бюллетенѣ, рядомъ блестящихъ побѣдъ великой арміи. Преслѣдованіе русскихъ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Великая армія страдаетъ исключительно отъ погоды и лишь отчасти отъ казаковъ. „Стужа, начавшаяся 7-го, внезапно усилилась: 15 и 16 было отъ 16 до 18 град. мороза. Дороги покрылись гололедицею; лошади погибали каждую ночь не сотнями, а тысячами; въ нѣсколько дней ихъ пало около 30000; кавалерія принуждена

*) См. Шамбре. Т. III, стр. 107.

**) См. полный текстъ бюллетеня у Шамбре. Т. III, стр. 209—217.

***) „Notre droite quitta la ligne d'operation de Minsk, et prit pour pivot de ses operations la ligne de Warsowie. L'empereure apprit à Smolensk, le 9 ce changement de ligne d'operation, et presuma ce que ferait l'ennemi. Quelque dur qu'il lui parût de se mettre en mouvement dans une si cruelle saison, le nouvel état des choses le necessitait“. Шамбре, стр. 209.

была спѣшиться; артиллерія и обозы остались безъ лошадей; пришлось бросить, либо истребить значительную часть орудій, зарядовъ и припасовъ. Армія, столь прекрасная 6 ноября (!), 14-го уже не имѣла почти вовсе ни кавалеріи, ни артиллеріи, ни обозовъ. Не имѣя кавалеріи, не было возможности и за версту высылать разъѣзды; безъ артиллеріи нельзя было дать сраженія; надлежало отступать, уклоняясь отъ боя, котораго мы не могли желать по недостатку зарядовъ. Необходимо было занимать довольно большое пространство, чтобы не позволить русскимъ обойти насъ, а мы не имѣли кавалеріи, которая развѣдывала - бы о непріятелѣ и поддерживала связь между нашими колоннами. Такія неудобства, вмѣстѣ съ чрезвычайно внезапно наступившею стужей, сдѣлали положеніе наше несноснымъ *). Непріятель, видя по дорогамъ слѣды ужасныхъ бѣдствій, обрушившихся на французскую армію, старался тѣмъ воспользоваться и окружалъ со всѣхъ сторонъ наши колонны казаками, которые, подобно арабамъ въ пустынѣ, захватывали наши обозы. Эта негодная конница **), которая можетъ производить только шумъ и не въ состояніи прорвать даже одной роты стрѣлковъ, сдѣлалась грозною въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какія мы были поставлены“ ***).

Обвинивъ въ бѣдствіяхъ арміи погоду и казаковъ, Наполеонъ не усумнился бросить тѣпъ и на многихъ изъ своихъ несчастныхъ сподвижниковъ. „Люди“, говорилось въ бюллетенѣ, „не одаренные отъ природы достаточною способностью переносить всѣ превратности судьбы и счастія, потеряли бодрость духа и думали только о катастрофахъ. Тѣже, которые стояли выше обстоятельствъ, сохранили свою веселость и обычные нравы и жили новою славою, преодолевая столь разнообразныя трудности“. Такъ отважился говорить Наполеонъ о тѣхъ сотняхъ тысячъ, которые пали, наконецъ, подъ невыносимую тяжесть катастрофы, виновникомъ которой былъ онъ одинъ. „Развѣ бѣдствія“, угнетавшія армію, замѣчаетъ Шамбре, „не превосходили мѣру силъ человѣческихъ? Развѣ не дрались

*) „Rendit notre situation fâcheuse“. Шамбре, Т. III, стр. 210.

**) Буквально: эта презрѣнная конница (cette méprisable cavalerie“).

***) „Le rendit redoutable, a la faveur des circonstances“.

всѣ съ рѣдкимъ мужествомъ до тѣхъ поръ, пока въ состояніи были нести оружіе? Вы знаете это,—поля при Красномъ, и вы опустошенные берега Березины! Развѣ войны, сражавшіеся при Малоярославцѣ, не изывали подъ тяжестью бѣдствій, когда пришлось имъ вновь драться подъ Краснымъ? А тѣ, которые дрались тутъ, не подверглись-ли потомъ одной общей участи? Страшныя бѣдствія, преслѣдовавшія армію, развѣ они не произвели одинаковаго дѣйствія на войска всѣхъ націй? И если гвардія выдерживала долѣе другихъ, то лишь единственно потому, что ей раздавали припасы и не заставляли идти въ арьергардъ *). Наконецъ, развѣ и тѣ люди, которые видѣли столько битвъ, которыхъ не могли потрясти никакія опасности, не пали подобно новичкамъ?“

Обвинивъ своихъ товарищей по оружію въ малодушіи, Наполеонъ имѣлъ въ концѣ концовъ наглость утверждать, что его армія вовсе не погибла, что она нуждается лишь въ отдыхѣ, восстановленіи дисциплины, снабженіи кавалеріи и артиллеріи лошадьми. Но что армія? Дѣло вовсе не въ ней. Только-бы остался живъ и невредимъ самъ императоръ. Тогда ничего не потеряно, тогда новыя арміи явятся сами собою. И 29-й бюлетень спѣшилъ успокоить міръ на этотъ счетъ. „Здоровье Его Величества“, возвѣщала онъ въ заключеніе, „никогда не было въ болѣе лучшемъ состояніи“ **). Спрашивается, можно-ли было относиться съ большею наглостью, не скажемъ къ общественному мнѣнію, а къ глубокому горю, обрушившемуся на французскую націю, къ трауру, облекшему половину европейскаго населенія?

Наполеонъ отнюдь не тревожился подобными сентиментальными соображеніями. Занятый мыслью о своемъ скоромъ отъѣздѣ, онъ думалъ остановиться на время въ Молодечнѣ, чтобы отдать на досугѣ свои послѣднія распоряженія. Кстати тутъ былъ прекрасный дворецъ графа Огинскаго, гдѣ можно было расположиться съ комфортомъ. Но русскіе не давали ему покою. Вскорѣ вдали раздались глухіе пушечные выстрѣлы.

*) „Его Величество, сказано между прочимъ въ бюлетенѣ, остался крайне доволенъ духомъ, господствовавшимъ въ гвардіи“. Шамбре. Т. III, стр. 216.

***) „La santé de sa Majesté n'a jamais été meilleure“.

То войска Чаплица и Платова атаковали вновь аррьергардъ Виктора. Наполеонъ бѣжалъ послѣдно дальше въ Беницу, а оттуда въ Сморгоны. Въ тылу его кипѣлъ между тѣмъ ожесточенный бой. Викторъ пытался удержаться передъ Молодечною, но Чаплицъ отбросилъ его къ мѣстечку съ потерей пятисотъ плѣнныхъ и восьми орудій. Викторъ отступилъ за рѣку Упу, сломалъ на ней мосты и вновь попытался остановить русскихъ, но на помощь къ Чаплицу уже подоспѣли отрядъ Ермолова и вся Дунайская армія. Войска наши нашли плотину въ лѣсу, въ трехъ верстахъ ниже Молодечны, переправились по ней рано утромъ и внезапно ударили на непріятеля. Пораженіе Виктора было полное. Войска его толпами бросали ружья и сдавались въ плѣнъ. Вся артиллерія Виктора, около 20 орудій, и болѣе двухъ съ половиною тысячъ плѣнныхъ достались побѣдителямъ. Аррьергардъ великой арміи, вновь сформированный послѣ Березины, былъ истребленъ окончательно. Самъ маршалъ Викторъ донесъ объ этой катастрофѣ, требуя, чтобы прикрытіе дальнѣйшаго отступленія великой арміи возложено было на другія войска *).

Кстати войска эти подходили на встрѣчу великой арміи. Изъ Вильны выдвинута была къ Ошмянамъ дивизія Луазона, состоявшая изъ свѣжихъ войскъ, почти исключительно нѣмцевъ и итальянцевъ. Въ то же самое время приблизились къ великой арміи и остатки баварскихъ войскъ подъ начальствомъ Вреде. Присоединивъ къ своимъ войскамъ эти слабыя подкрѣпленія, Наполеонъ призвалъ къ себѣ въ Сморгонахъ Мюрата, вице-короля, Бертье и всѣхъ маршаловъ **). Онъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи уѣхать немедленно-же въ Парижъ и тутъ же передалъ начальство надъ арміею Мюрату въ качествѣ своего намѣстника. Рѣчь, произнесенная при этомъ случаѣ На-

*) См. подробности у Богдановича. Донесеніе Виктора у Шамбре. Т. III, стр. 121.

***) Все намѣреніе оставить армію Наполеонъ, по словамъ Сегюра, сообщилъ прежде всего Дюроку и Дарю. Сегюръ рассказываетъ также, что Наполеонъ посвятилъ вслѣдъ затѣмъ отдѣльно каждому изъ маршаловъ въ свое намѣреніе и успѣлъ получить ихъ согласіе. Другіе свидѣтели ничего не знаютъ объ этихъ переговорахъ, да они вовсе и не соотвѣтствуютъ характеру Наполеона. См. Сегюръ Т. II, стр. 393.

полеономъ, въ высшей степени характерна. Понятно, что Наполеонъ не могъ скрывать отъ своихъ ближайшихъ сотоварищей страшной катастрофы, обрушившейся на него и на его армію; но въ высокой степени любопытно, что онъ старался прежде всего оправдать въ глазахъ ихъ самого себя, свалить всю вину на обстоятельства и на другихъ второстепенныхъ лицъ *).

„Я оставляю васъ, говорилъ онъ, но лишь для того, чтобы возвратиться къ вамъ съ тремястами тысячъ солдатъ. Надо во-время приготовиться ко второй кампаніи, ибо въ первый разъ нельзя было окончить войны одною кампаніею. И кто-же виноватъ въ этомъ? **) Пятнадцать дней спустя послѣ открытія военныхъ дѣйствій, миръ долженъ-бы былъ быть подписанъ въ Вильнѣ, но Багратионъ съ своими сорока тысячами русскихъ успѣлъ ускользнуть изъ нашихъ рукъ, и вы знаете, кто виновенъ въ этой ошибкѣ! ***) Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Смоленскъ былъ обойденъ, захваченъ въ распахъ, и ни одинъ русскій солдатъ не былъ въ состояніи закрыть передъ нами его ворота. Этотъ великій ударъ могъ-бы разомъ склонить Петербургскій кабинетъ къ миру, но дали время Невѣровскому достигнуть Смоленска, соединиться съ Раевскимъ и съ двумя большими русскими арміями. Тѣмъ не менѣе мы взяли Смоленскъ, и Барклай-де-Толли принужденъ былъ проходить подъ огнемъ нашихъ орудій, чтобы достигнуть Московской дороги, но по непостижимому умопомраченію, герцога Абрантскій ****) не хотѣлъ занять рѣшающей позиціи. Петербургъ отданъ былъ въ жертву ничтожной Шведской патрули, но вдругъ Бернадотъ возмечталъ сдѣлаться императоромъ вмѣсто меня. Наконецъ, Москва падаетъ въ наши руки; на этотъ разъ вѣрный залогъ мира. Но интриги англичанъ превращаютъ ее въ пень. Тогда я беру на себя роль непріятеля, я обращаюсь съ

*) Текстъ рѣчи см. у Фена, Manuscrit de 1812. Т. II, стр. 421—424.

**) „Et pourtant à quoi cela a-t-il tenu?“

***) Извѣстно, что Наполеонъ ввѣнилъ въ этомъ воецѣло брата своего Иеронима, короля Вестфальскаго.

****) Маршалъ Жюно. Онъ дѣйствительно не подкрѣпилъ въ сраженіи при Валутиной горѣ, во-время, маршала Нея, и тѣмъ далъ возможность Барклаю ограничить нападеніе французовъ.

словами примиренія; но императоръ Александръ уже не тотъ человѣкъ, какимъ былъ онъ въ Тильзитѣ, когда просилъ мира у меня. Мы рѣшились отступить, и наши резервы были расположены такимъ образомъ, что всякая непріятельская армія, осмѣлившаяся стать на нашемъ пути, должна была быть уничтожена. Но вы знаете исторію нашихъ несчастій, и какъ мало виновны въ нихъ русскіе. Они могутъ сказать о себѣ, подобно АфинянамъThemistocles: „Мы-бы погибли, если-бы не потерялись“. Нашъ единственный побѣдитель — это холодъ; его преждевременная жестокость обманула даже самихъ туземцевъ *). Контръ-марши Шварценберга довершили дѣло. И такъ безумная дерзость поджигателя, противоестественная зима (!), подлая интрига, тупыя притязанія, кое-какія ошибки, быть можетъ, измѣна, и постыдныя тайны, которыя выйдутъ безъ сомнѣнія на свѣтъ **), — вотъ что привело насъ въ наше теперешнее положеніе. Видано-ли когда-либо, чтобы столь выгодные шансы были разстроены столь непредвидѣнными случайностями? Русская кампанія останется тѣмъ не менѣе славною, самую трудною и наиболѣе почетною изъ всѣхъ, упоминаемыхъ въ новой исторіи“.

Окончивъ свою рѣчь, Наполеонъ передалъ Мюрату инструкцію, опредѣлявшую дальнѣйшій ходъ отступленія великой арміи. При чтеніи этой инструкціи невольно приходитъ въ голову, что составляя ее, Наполеонъ началъ уже разыгрывать въ ней ту комедію, которую продолжалъ онъ потомъ на островѣ Св. Елены. Игнорируя тотъ основной фактъ, что его армія уже не существуетъ, онъ предписываетъ Мюрату собрать армію въ Вильнѣ, держаться въ этомъ городѣ и занять зимнія квартиры. Въ случаѣ наступленія русскихъ и невозможности оставаться впереди Нѣмана, правое крыло должно прикрывать Гродно и Вѣршаву, а остальные войска стать на лѣвомъ берегу Нѣмана, занимая Ковно въ видѣ мостоваго укрѣпленія. Наполеонъ предписываетъ вслѣдъ затѣмъ собрать большіе запасы провіанта въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Варшавѣ,

*) Любопытно сравнить эти слова съ совершенно противоположными показаніями въ 26-мъ бюллетенѣ. См. выше стр. 820.

***) Трудно вонять, о какихъ тайнахъ говорить тутъ Наполеонъ.

Торнѣ, наиболѣе-же цѣнныя вещи отправить въ Данцигъ. Не ограничиваясь этими, вовсе не соотвѣтствовавшими обстоятельствамъ, распоряженіями, Наполеонъ приказывалъ даже формировать въ Ковнѣ литовскія ополченія и назначалъ для реорганизаціи своихъ корпусовъ такіе пункты, какъ Варшаву, Олиту, Гродно *). Трудно повѣрить, чтобы Наполеонъ вѣрилъ хотя минуту въ возможность и исполнимость подобныхъ предписаній. Онъ хотѣлъ только обмануть ими свѣтъ, онъ хотѣлъ показать ими всѣмъ и каждому, что онъ оставилъ армію далеко не въ отчаянномъ положеніи, и что дѣйствительная катастрофа произошла послѣ его отъѣзда. Мюрать въ этомъ случаѣ принесенъ былъ въ жертву. Уже на островѣ св. Елены Наполеонъ имѣлъ безстыдство диктовать въ свои мемуары слѣдующія строки: „Если-бы императоръ остался при войскахъ, или передалъ команду принцу Евгенію, то армія никогда-бы не отступила за Вильну, одинъ резервный корпусъ стоялъ въ Варшавѣ, другой въ Кенигсбергѣ; но они позволили перепугать себя нѣсколькимъ казакамъ и ночью въ беспорядкѣ очистили Вильну. Только съ этого момента начались великія потери этой кампаніи, и все несчастіе заключалось въ томъ, что сила обстоятельствъ требовала одновременнаго пребыванія императора и въ Парижѣ, и при арміи. Онъ не предвидѣлъ, да и не могъ предвидѣть того безумнаго образа дѣйствія, которому слѣдовали въ Вильнѣ“. Изъ тѣхъ-же мемуаровъ мы узнаемъ, къ нашему величайшему изумленію, что великая армія состояла въ моментъ отъѣзда Наполеона изъ 80,000 человѣкъ, что гвардія была нетронута вовсе и наоборотъ русская армія состояла всего лишь изъ 50,000 человѣкъ *).

Позабывшись на всякій случай такъ осмотрительно на счетъ своей репутаціи какъ великаго полководца, Наполеонъ, уѣзжая изъ Сморгонъ, принялъ въ то же время всѣ мѣры для обезпеченія своей личной безопасности во время пути. Дивизія Луазона, выдвинутая къ Ошмянамъ, должна была

*) Инструкция Мюрату см. Шамбре. Т. III, стр. 109—111.

**) См. Мемуары Наполеона. Т. II, стр. 114. Шамбре, разбирая это мѣсто, замѣчаетъ: „это уже не только ложь, но и черная клевета“. Чтобы ее опровергнуть, достаточно вспомнить, что говорилъ Наполеонъ спустя нѣсколько дней послѣ отъѣзда изъ Сморгонъ въ Вильнѣ своему министру Маре.

гарантировать его отъ покушеній со стороны казаковъ. Онъ ѣхалъ сначала въ каретѣ, въ сопровожденіи Коленкура, сзади слѣдовали въ саняхъ Дюрокъ и Мутонъ; на козлахъ кареты помѣстился польскій уланскій капитанъ Вовсовичъ, долженствовавшій служить вмѣсто переводчика. Наполеонъ пустился въ путь incognito; считая дорогу совершенно безопасною, онъ взялъ съ собою лишь небольшой отрядъ Неаполитанской кавалеріи *).

Уже на первыхъ станціяхъ Наполеонъ, самъ не зная того, подвергался однако-же два раза самымъ серьезнымъ опасностямъ, и только счастливый случай спасалъ его каждый разъ отъ гибели. Дивизія Луазона, выступивъ изъ Вильны, согласно данному предписанію, заняла Ошмяны и расположилась, вслѣдствіе сильнаго холода, въ самомъ мѣстечкѣ. Русскій партизанъ, полковникъ Сеславинъ, пробравшись впередъ, проселочными путями, подошелъ поздно вечеромъ къ городу съ гусарскимъ полкомъ, казаками и орудіемъ и внезапно ворвался въ Ошмяны. Войска Луазона, имѣвшія на своей сторонѣ громадное численное превосходство, немедленно-же отбросили его назадъ. Сеславинъ отступилъ, совершенно не зная, что къ Ошмянамъ подъѣзжаетъ въ это время Наполеонъ въ сопровожденіи небольшого конвоя **).

Наполеонъ прибылъ благополучно въ Ошмяны, разминувшись, какъ-бы чудомъ, съ русскими партизанами. Тутъ онъ нашелъ всю дивизію Луазона. Она состояла изъ семи французскихъ баталіоновъ, двухъ баталіоновъ неаполитанцевъ и десяти баталіоновъ нѣмецкихъ войскъ. Императоръ остановился въ одномъ изъ лучшихъ домовъ и гренадерскія роты нѣмецкихъ полковъ откомандированы были занять почетный караулъ. Маіоръ 113 французскаго полка Лали обратился къ нѣмецкимъ офицерамъ съ такими словами: „господа! теперь настала минута!“ ***) Ненависть къ тирану была такъ распространена въ это время между германскими войсками, что всѣ присутствующіе тотчасъ-же поняли слова маіора. Все столпилось

*) См. Сегюръ. Т. II, стр. 393. Солгъкъ, стр. 457—436.

**) См. Богдановичъ. Т. III, стр. 310.

***) „Maintenant! Messieurs, ce serait le moment“.

вокругъ него, рѣшено было покончить съ Наполеономъ. Условились, что старѣйшій изъ участвующихъ капитановъ долженъ ворваться въ домъ, заколоть въ дверяхъ мамелюка и убить затѣмъ самого Наполеона. Заговорщики думали потомъ повести свои войска съ распущенными знаменами и съ музыкою на встрѣчу къ русскимъ и возвѣстить имъ гибель тирана. Ничто не могло, повидимому, воспрепятствовать исполненію замысла. 113 полкъ состоялъ почти весь изъ Сардинцевъ, можно было рассчитывать на его содѣйствіе. Сеславинъ былъ недалеко отъ города съ своимъ отрядомъ. Но одно дѣло составлять заговоръ, и другое приступать къ его исполненію. Капитанъ С... *), долженствовавшій заколоть Наполеона, вдругъ вспомнилъ, что дѣло, на которое онъ собирается идти, — убійство, что оно не согласно съ честью нѣмецкаго дворянина и офицера. Онъ полагалъ, что Лани, сдѣлавшій предложеніе, долженъ принять на себя его исполненіе. Лани съ своей стороны отказывался, говоря, что онъ не командуетъ ротой, что у него нѣтъ въ распоряженіи людей. Пока оба офицера спорили между собою, стараясь свалить одинъ на друга задуманное дѣло, въ дверяхъ вдругъ показался Коленкуръ. Онъ ударилъ въ ладони и крикнулъ съ нетерпѣніемъ: „Ну, почему мы не ѣдемъ?“ **). Вслѣдъ затѣмъ подѣхала къ крыльцу карета и сани Наполеона. Императоръ, весь закутанный въ шубу, сѣлъ въ экипажъ. Лошади тронулись. Минута, говоритъ очевидецъ, была потеряна ***).

Изъ Опшьянъ Наполеонъ прибылъ благополучно въ Мѣдники, гдѣ его встрѣтилъ Маре, его министръ иностранныхъ дѣлъ. Наполеонъ усадилъ съ собою министра въ карету, поспѣшно продолжалъ путь и уже въ 10 часовъ утра 24-го ноября прибылъ въ Вильну. Не желая показываться кому-либо на глаза, императоръ объѣхалъ городъ и остановился въ Ковенскомъ предмѣстьи въ пустомъ домѣ, всѣ строенія вокругъ котораго

*) Онъ былъ Саксенъ-Веймарскій капитанъ.

***) Eh bien! pourquoi ne partons-nous pas.

***) Весь этотъ рассказъ мы находимъ у Бергарда. Онъ былъ переданъ ему непосредственнымъ участникомъ. См. Бергарди, Записки Толля. Т. II, стран. 343—344.

истреблены были недавнимъ пожаромъ. Во всемъ домѣ была лишь всего одна нетопленная комната, да кухня *). Тутъ въ этой жалкой обстановкѣ, провелъ около двухъ часовъ повелитель полуміра въ интимной бесѣдѣ съ своимъ министромъ. Разговоръ вращался вокругъ мотивовъ, побудившихъ императора спѣшить обратно во Францію, общаго положенія дѣлъ и положенія великой арміи. „Что касается до арміи“, замѣтилъ Наполеонъ, „то она уже не существуетъ; нельзя назвать арміею толпы бродягъ, блуждающихъ въ разныхъ направленіяхъ и разыскивающихъ пищу и пристанище. Изъ нихъ можно-бы было еще составить армію, если-бы на какомъ-либо изъ ближайшихъ пунктовъ можно было достать хлѣба, снабдить обувью и одеждою людей, которые не въ состояніи идти босикомъ по гололедицѣ, при двадцати градусахъ мороза. Но моя военная администрація ничего не предвидѣла, а мои приказанія не были исполнены“. Маре возразилъ, что этотъ послѣдній упрекъ не совсѣмъ справедливъ, что въ Вильнѣ собраны громадныя запасы всякаго рода **), что одного живаго скота заготовлено тутъ на 36 дней для ста тысячъ человѣкъ, что запасено также громадное количество пива и водки и что въ Виленскихъ цейхгаузахъ находится тридцать тысячъ паръ башмаковъ, множество аммуничныхъ вещей и 27,000 ружей. Императоръ слушалъ съ возрастающимъ удивленіемъ показанія своего министра; очевидно онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о Виленскихъ запасахъ. „Вы возвращаете мнѣ жизнь“ ***), вскричалъ онъ съ радостью. „Оставайтесь-же здѣсь до пріѣзда Мюрата и маршала Бертье, прикажите имъ моимъ именемъ держаться въ Вильнѣ, по-крайней мѣрѣ 8 дней, возстановить физически и нравственно солдата и сдѣлать его способнымъ продолжать отступление не въ столь жалкомъ видѣ“. „Скажите имъ“, добавилъ Наполеонъ, „что таковы мои желанія и что я рассчита-

*) Наполеонъ расположился въ комнатѣ, свита его помѣстилась въ кухнѣ. См. Шамбре. Т. III, стр. 112.

**) Всѣ свѣдѣнія о запасахъ см. у Шамбре. Т. III, стр. 217—218. Онъ заимствовалъ ихъ изъ подлинной докладной записки, представленной Наполеону Маре.

***) „Vous me rendez la vie!“

ваю, что они будутъ исполнены“ *). Садясь въ экипажъ, императоръ еще разъ обратился къ своему министру: „я увѣренъ, что вамъ удастся убѣдить короля Неаполитанскаго создать здѣсь новую базу для отступленія. Скажите ему, что отъ этого зависитъ спасеніе арміи, скажите ему, что я рассчитываю на него“ **).

На пути къ Варшавѣ Наполеонъ бросилъ свою карету въ Вилковишкахъ и пересѣлъ на сани, предложенныя ему польскимъ паномъ Вибскимъ ***). Вообще, поляки и въ это время продолжали относиться съ величайшимъ подобострастіемъ къ своему мнимому освободителю. Они все еще не хотѣли вѣрить въ возможность страшной катастрофы, совершавшейся на ихъ глазахъ; они все еще продолжали слѣпо вѣрить въ звѣзду императора. Между тѣмъ Наполеонъ прибылъ въ Варшаву 28 ноября. Избѣгая и тутъ всякихъ оффиціальныхъ встрѣчъ и пріемовъ, онъ остановился въ гостинницѣ „Англія“ и приказалъ позвать къ себѣ президента совѣта министровъ герцога Варшавскаго, графа Потоцкаго, министра финансовъ Матушевича, еще нѣсколькихъ польскихъ сановниковъ и посланника своего де Прадта. Наполеонъ обратился къ собравшимся съ такими словами: „Не удивляйтесь, видя меня здѣсь, — я былъ не въ силахъ воевать съ стихіями. Я потерялъ всю мою кавалерію, почти всю артиллерію и всѣ обозы; въ двѣ ночи пало три тысячи лошадей. Я убѣдился, что французы могутъ еще воевать при морозѣ въ семь градусовъ; нѣмцы не переносятъ болѣе пяти. Меня будетъ судить потомство. Я сдѣлалъ промахъ, оставшись двѣ лишніе недѣли въ Москвѣ. Меня провели, увѣряя, что бояре примутъ мою сторону, и что крестьяне прибѣгутъ ко мнѣ, чтобы освободиться отъ рабства. Все это ложь! я нашелъ, что поселяне вѣрили своему государю, что дворянство преисполнено усердія къ правительству. Ничего невозможно сдѣлать съ этимъ дикимъ, суевѣр-

*) Dites-leurs, que telles sont mes intentions, et que je compte qu'elles seront remplies“.

***) Dites-lui que le salut de l'armée est là; dites-lui, que je compte sur lui“.
Обо всей этой бесѣдѣ см. Шамбре. Т. III, стр. 113—114.

***), Шамбре называетъ его M. Wibiski. Т. III, стр. 114.

нымъ народомъ. Казаки—это дьяволы! Я поручилъ королю Неаполитанскому начальство надъ арміею, а самъ ѣду въ Парижъ, чтобы приготовиться къ новой кампаніи. О князѣ Шварценбергѣ не знаю ничего. Я надѣялся найти его здѣсь, полагая, что онъ охраняетъ герцогство Варшавское. Но вы сами должны содѣйствовать восстановленію вашего отечества, добавилъ императоръ, обращаясь къ полякамъ. Нужно сдѣлать послѣднее усиліе, набрать вновь войска, и въ особенности какъ можно болѣе легкой кавалеріи. Если не заключимъ мира, то я возвращусь къ вамъ весною съ новою арміею. У меня достанетъ людей на вашу защиту. Впрочемъ надѣюсь, что Австрія и Пруссія рѣшительнѣе станутъ на мою сторону“ *).

*) Де-Прадтѣ рассказываетъ, что Наполеонъ говорилъ, кромѣ приведенныхъ въ текстѣ словъ, еще и многое другое, въ высокой степени характерное для него: „Мы пришли къ нему въ 3 часа; онъ всталъ изъ-за стола. Поздоровавшись съ министрами, онъ замѣтилъ: „Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Вы полагаете, что я счастливо избѣгъ страшныхъ опасностей? Ни малѣйшихъ! Возбужденіе—это моя жизнь; чѣмъ болѣе безпокойства, тѣмъ лучше чувствую я себя. Только лѣнливые короли откармливаются въ своихъ дворцахъ; я чувствую себя лучше всего на конѣ и въ лагерѣ. Вы, кажется, здѣсь очень поражены. Пустяки! армія моя великолѣпная, у меня 120000 человекъ. Я повсюду разбивалъ русскихъ; нигдѣ не рѣшались они противостать мнѣ; это уже не прежніе солдаты Эйлау и Фриланда. Въ Вальфѣ наши должны удержаться; я собираюсь привести 300000 человекъ. Успѣхъ внушить отвагу русскимъ; я дамъ имъ два или три сраженія на Одерѣ и черезъ шесть мѣсяцевъ буду опять на Нѣманѣ. Я сдѣлаю на тронѣ гораздо больше, нежели во главѣ моихъ армій; правда, я оставляю ихъ не охотно, но необходимо наблюдать за Пруссіею и Австріею, и повторяю, на тронѣ я сдѣлаю гораздо болѣе, нежели во главѣ армій. Все это пустяки, несчастье—слѣдствіе климата; на сторонѣ непріятеля нѣтъ ни малѣйшей заслуги; я былъ его повсюду. Мени хотѣли отрѣзать на Березинѣ, но у меня были отличныя войска и пушки, позиція была превосходная, болота на 1500 саженой и рѣка“. Онъ повторилъ это два раза. Затѣмъ онъ говорилъ много о сильныхъ и твердыхъ душахъ, о слабыхъ умахъ, приблизительно о томъ-же, что писалъ онъ въ 29-мъ бюллетенѣ. Потомъ онъ продолжалъ: я продѣлывалъ совсѣмъ не такія дѣла. При Маренго я былъ разбитъ до шести часовъ вечера, а на другое утро я былъ господиномъ Італіи. При Эслингенѣ я сдѣлался повелителемъ Австріи. Этотъ эрцгерцогъ думалъ поймать меня, онъ что-то писалъ объ этомъ, не помню—что. Я не могъ помѣшать Дунаю подняться въ теченіи ночи на 16 футовъ. Да, безъ этой случайности наступилъ-бы конецъ Австрійской монархіи; но въ небесахъ было написано, что я долженъ жениться на Австрійской эрцгерцогинѣ; точно также не моя вина, что въ Россіи зимою мерзнетъ. Каждое утро мнѣ говорили, что ночью я потерялъ 10000 лошадей, ну что-жъ! Туда и дорога! Наши норманскія лошади далеко не такъ выносливы, какъ русскія; онѣ не могутъ выдер-

Окончивъ эту странную рѣчь въ которой, кромѣ обычнаго самохвальства, было, однакоже, нѣсколько болѣе правды, нежели обыкновенно и сдѣлавъ совершенно не исполнимое распоряженіе о немедленномъ-же наборѣ десяти тысячъ казаковъ въ предѣлахъ герцогства Варшавскаго, Наполеонъ поспѣшно продолжалъ свой путь. Онъ остановился еще на нѣсколько часовъ въ Дрезденѣ, гдѣ бесѣдовалъ съ вѣрнѣйшимъ изъ своихъ вассаловъ, королемъ Саксонскимъ, и уже 7 декабря прибылъ въ Парижъ, два дня спустя послѣ обнародованія 29-го бюллетеня.

Завоеватель ускользнулъ на этотъ разъ отъ гибели. Вмѣстѣ съ нимъ исчезла и всякая надежда на конечное прекращеніе

жать 9 градусовъ холода; тоже самое и люди; посмотрите на баварцевъ, изъ нихъ не осталось почти ни одного. Быть можетъ, будутъ говорить, что я оставался слишкомъ долго въ Москвѣ. Можетъ быть, но погода стояла прекрасная: зима наступила необыкновенно рано; я ожидалъ мѣра. 5-го октября я отправилъ Лористона, чтобы завязать переговоры. Я намѣревался идти въ Петербургъ.... Наши должны удержаться въ Вильнѣ. Я оставилъ тамъ короля Пеноллитанскаго.... Да, да, политическая сцена обширна; кто ничѣмъ не рискуетъ, ничего не выиграетъ. Отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ. Русскіе показали себя. Императоръ Александръ любящъ; у нихъ громадная толпа казаковъ. Да, въ этой націи есть нѣчто. Коронные крестьяне преданы правительству. Дворянство сѣло на коня. Мы предлагали освободить крѣпостныхъ; я не хотѣлъ объ этомъ слышать; они-бы перерѣзали всѣхъ. Это было-бы мерзко; я велъ правильную войну съ императоромъ Александромъ; но кто-бы повѣрилъ, что они могли когда-нибудь совершить такое дѣло, какъ сожженіе Москвы. Теперь они приписываютъ его намъ; но это ихъ дѣло. Оно сдѣлало-бы честь Риму". Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ говорить министрамъ о необходимости организовать какъ можно скорѣе казачій корпусъ. Тщетно представляли ему министры печальное положеніе своей страны, онъ упорно стоялъ на своемъ мнѣніи. Я позволилъ себѣ вмѣшаться въ разговоръ, когда рѣчь зашла о снисхожденіи къ пуждамъ герцогства. Онъ согласился на выдачу въ видѣ займа двухъ или трехъ милліоновъ серебряной піемонтской монеты, и двухъ милліоновъ бумажныхъ денегъ. Онъ возвѣстилъ насъ о скоромъ прибытіи дипломатическаго корпуса (изъ Вильны). „Все это шпионы, замѣтилъ онъ; я не хотѣлъ и слышать о нихъ въ моей главной квартирѣ. Они только и знаютъ, что пишутъ“ „донесенія своимъ дворамъ“. Такъ длился разговоръ около трехъ часовъ. Огонь потухъ, мы всѣ начинали мерзнуть, но императоръ, изволнованный своею рѣчью, не чувствовалъ холода. На предложеніе идти черезъ Силезію, онъ отвѣчалъ: А! А! Пруссакя. Наконецъ, повторивъ еще два или три раза: „отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ“, спросилъ, знаютъ-ли его? и добавивъ, что впродолженіе ему это безразлично, увѣривъ нѣсколько разъ министровъ въ своемъ покровительствѣ и посоветовавъ имъ мужаться, онъ объявилъ, что намѣренъ ѣхать далѣе. Я повторилъ мое заявленіе, что въ теченіи моего посольства я не пре-

борьбы, на умиротвореніе несчастнаго европейскаго человѣчества. Новыя грозныя тучи начали скопляться на далекомъ западѣ. Наполеонъ дѣйствительно собралъ новыя страшныя силы для возобновленія борьбы; но эти силы не въ состояніи были уже предохранить отъ конечнаго истребленія остатки полумилліонныхъ полчищъ, заведенныхъ завоевателемъ въ Россію.

Когда вѣсть объ отъѣздѣ Наполеона распространилась по арміи; то негодованіе большинства офицеровъ и солдатъ не знало предѣловъ. Многіе изъ нихъ разразились громкими проклятіями на своего, еще такъ недавно обожаемаго повелителя. „Онъ бѣжитъ, какъ бѣжалъ изъ Египта“, восклицали они; „онъ оставляетъ насъ, предавъ насъ гибели“ *). Были однако и такіе, впрочемъ весьма немногіе, которые утѣшали себя и другихъ тщетными надеждами. „Императоръ уходитъ“, говорили они, „для того, чтобы вернуться къ намъ опять. Онъ явится съ новою арміею и если не спасетъ насъ, то по крайней мѣрѣ отомститъ за насъ. Нѣкоторые“, замѣчаетъ очевидецъ, „качали головою, слушая эти рѣчи и замѣчали, что они въ свою очередь очень желали-бы поступить также, какъ императоръ“ **). Особенно характерно выражались чувства польскихъ солдатъ, возлагавшихъ въ началѣ кампаніи такія надежды на императора. „Французы спѣли свою пѣсенку“, замѣтилъ старый польскій унтеръ-офицеръ. „Молодцы стали неузнаваемы. При видѣ казацкой шапки, они бѣгутъ какъ без-

поберегъ ничѣмъ, что могло служить его интересамъ. Я и министры выразили наши почтительнѣйшія и искреннѣйшія пожеланія добраго здоровья и счастливаго пути. „Никогда не чувствовалъ я себя лучше! и если-бы во мнѣ сидѣлъ самъ дьяволъ, то мнѣ было-бы еще здоровѣе“. Это были его послѣднія слова. Онъ усѣлся въ свои скромныя сани и скрылся изъ виду“.

Извѣстно, что книга де-Прадта „Исторія моего посольства въ Польшу“, скорѣе памфлетъ, нежели исторія, но кто-же станетъ отрицать, что рѣчи, приписываемыя здѣсь Наполеону, дышатъ духомъ великаго плебея-завоевателя, что они не могли быть вымышлены никѣмъ другимъ. Къ тому-же Огинскій свидѣтельствуетъ, что Потоцкій и Матушевичъ повторили ему въ 1815 г. слово въ слово все то, что записано у де-Прадта. См. Де-Прадтъ. *Geschichte der Gesandtschaft in Polen*, стр. 211 и слѣдующія. Огинскій *Denkwürdigkeiten*. Т. III, стр. 305.

*) „Il fuit comme en Egypte! Il nous abandonne après nous avoir sacrifiés“! Шамбре. Т. III, стр. 114.

***) Fezensac, *Souvenirs Militaires*, стр. 343.

умные. Это чистый стыдъ. Да и самъ, господинъ императоръ поспѣшилъ убраться по добру по здорову“.— „Что ты говоришь, прервалъ его при этихъ словахъ офицеръ“.— „Да что? Императоръ убрался съ своими маршалами поставилъ насъ здѣсь разхлѣбывать кашу“.— „Но откуда взялъ ты это, какъ можешь ты рассказывать подобныя вещи!“— „Господинъ, отвѣчалъ солдатъ, всѣ французы знаютъ уже объ этомъ и ругаются на пропалую“. Офицеръ старался убѣдить солдата, что императоръ вѣроятно поспѣшилъ впередъ, въ Вильну, чтобы приготовить тамъ все къ приему арміи. „Какъ разъ“, возразилъ солдатъ, „нѣтъ онъ передалъ команду Мюрату“ *).

При такомъ тяжеломъ настроеніи, въ безотрадномъ сознаніи, что они погибли, что они брошены на жертву своимъ безжалостнымъ повелителемъ, пришлось совершать солдатамъ великой арміи послѣднюю часть отступленія. Преслѣдованіе русскихъ продолжалось съ прежнею силою. Послѣ дѣла при Молодечнѣ, 22 ноября, маршалъ Викторъ писалъ Бертье: „войска мои находятся въ такомъ жалкомъ состояніи, что я принужденъ избѣгать всякой встрѣчи съ русскими. Наши ведеты въ виду русскихъ; вѣроятно и сегодня меня будутъ тѣснить столь же сильно, какъ и вчера; полагаю, что его величеству (Мюрату) слѣдовало-бы отъѣхать отъ насъ далѣе“ **). Слова Виктора не замедлили оправдаться. Уже у Беницы, въ то время какъ беспорядочныя толпы великой арміи спѣшили по дорогѣ отъ Сморгонь къ Ошмянамъ, Чаплицъ настигъ французскій аррьергадъ и обратилъ его въ бѣгство съ потерей тысячи двухъ сотъ человѣкъ и семи орудій. Французы надѣялись найти въ Ошмянахъ обильныя магазины, но партизанскій отрядъ Кайсарова явился въ мѣстечко раньше ихъ и сжегъ всѣ запасы.

*) Весь этотъ въ высшей степени характерный разговоръ сообщаетъ Брандтъ. Имя унтеръ-офицера Василенко. См. *Aus dem Leben des Generals der Infanterie von Brandt*. Т. I, стр. 491. Фезензакъ замѣчаетъ по поводу отъѣзда Наполеона: „Это событіе было новымъ несчастіемъ для арміи. Уваженіе къ генію императора внушало всѣмъ довѣріе; страхъ передъ нимъ удерживалъ всѣхъ къ предѣлахъ долга. Послѣ его отъѣзда всякій началъ поступать по своему, и приказы, отдаваемые королемъ Неаполитанскимъ, не исполнялись никѣмъ“. *Souvenirs Militaires*, стр. 345.

***) Шамбре. Т. III, стр. 120.

Между тѣмъ Чаплицъ вновь атаковалъ Виктора и совершенно разсѣялъ весь его отрядъ, захвативъ три тысячи плѣнныхъ и всю артиллерію изъ 25 орудій *).

Мюратъ, подходившій уже въ это время къ Вильнѣ, приказалъ составить новый арьергардъ изъ дивизіи Луазона и баварскихъ войскъ Вреде. Приказъ этотъ отданъ былъ въ то время, когда отъ дивизіи Луазона оставалась только одна тѣнь. Войска Луазона выступили изъ Вильны въ составѣ 10,000 человѣкъ, но страшный холодъ, а еще болѣе разлагающее вліяніе остатковъ великой арміи уменьшили ея въ теченіе нѣсколькихъ дней до трехъ тысячъ человѣкъ **).

Несравненно ужаснѣе русскихъ свирѣпствовали въ жалкихъ толпахъ бѣглецовъ морозъ, голодъ и отсутствіе всякаго порядка. Всѣ ужасы, всѣ страданія предшествующихъ переходовъ были ничто въ сравненіи съ этими послѣдними днями агоніи великой арміи. Въ эти дни термометръ понижался нерѣдко до 27 градусовъ, и малѣйшее дуновеніе вѣтерка пронизывало до мозга костей всякое живое существо. „Холодъ проникалъ черезъ кожу, мускулы, кости, говоритъ очевидецъ, до самаго мозжечка. Поверхность кожи становилась бѣла какъ снѣгъ, а члены хрупки, какъ алебастръ. Удароподобный припадокъ поражалъ нерѣдко, внезапно, все тѣло, и трупъ еще дышавшій, дѣлался неподвижнымъ. Тогда можно было отламывать отъ него руки и ноги безъ малѣйшаго усилія, и живой мертвецъ не чувствовалъ при этомъ никакой боли“ ***). „Мы выступили на слѣдующій день“, рассказываетъ другой очевидецъ. „Былъ жестокой холодъ. На половинѣ перехода мы принуждены были остановиться у брошеннаго бивуака. По всей дорогѣ лежали замерзшіе. Мы видѣли, какъ люди, начинавшіе

*) Богдановичъ. Т. III, стр. 315.

**) „La seule division Loison, qui prit l'arriere-garde à Oszmiana, et qui était alors forte de dix mille hommes, perdit par le froid sept mille hommes en trois jours“. Шамбре. Т. III, стр. 116.

***) См. Вильсонъ, Geheime Geschichte des Feldzug, von 1812 in Russland; стр. 296. „То было страшное время, о которомъ говоритъ Фень: „Рука примерзаетъ къ оружію, слезы леденѣютъ на щекѣ; деревенкешь, застылаешь, шатаешься изъ стороны въ сторону. Горе тому, кто упадетъ на землю!“ См. Manuscrit de 1812. Т. II, стр. 419.

замерзать, шли сначала невѣрными шагами, затѣмъ начинали шататься, какъ пьяные изъ стороны въ сторону и, наконецъ, валились на землю“ *). Проходившіе мимо спѣшили раздѣть мерзлыхъ, и прежде всего стащить съ нихъ обувь. Ужасенъ былъ видъ этихъ голыхъ мертвецовъ; пальцы ихъ ногъ, нерѣдко обнаженные отъ мяса, вызывали невольное чувство отвращенія. Остававшіеся въ живыхъ надѣвали на себя по двѣ, по три шинели, или рвали ихъ на клочки и обматывали себѣ ими ноги. Странно, что не смотря на долгій путь, на ужасный опытъ, люди эти были на столько непрактичны, что не умѣли предохранить себя отъ дѣйствія холода, даже въ томъ случаѣ, если у нихъ были на это средства. Они могли-бы взять урокъ у любой крестьянки. Въсто того чтобы закутать шею, лицо и уши, они обматывали себѣ ноги сотнями платковъ и тряпокъ и тѣмъ крайне затрудняли движеніе. Многіе закрывали себѣ грудь платками вмѣсто того, чтобы предохранить отъ мороза уши и носъ. Также непрактично вели они себя и на бивуакахъ **). Какъ безумные тѣснились они къ разведеннымъ кострамъ, подвергая свои полузамерзшіе члены губельному вліянію жара. Одни сгорали живьемъ, другіе, заснувъ у огня, не просыпались и тогда, когда огни давно уже погасли, а ихъ товарищи двинулись далѣе въ путь ***). „Я никогда не забуду одинъ изъ нашихъ бивуаковъ; воспоминаніе о немъ наводитъ еще и теперь на меня ужасъ. Вблизи деревушки, наполненной солдатами, мы замѣтили нѣсколько ярко горящихъ костровъ, вокругъ нихъ валялись мертвецы. Мы страшно устали, было уже поздно и мы порѣшили сдѣлать тутъ приваль. Мертвецы были оттащены въ сторону, живые заняли мѣста у огня, и мы расположились, во возможности, удобно. Высокій плетень, такъ казалось, намъ по крайней мѣрѣ, защищалъ насъ отъ ледянаго вѣтра. Онъ весь былъ заметенъ снѣгомъ. Мимо насъ проходило много солдатъ. Всѣ завидовали нашему

*) „Умирающіе умоляли проходившихъ положить трупы ихъ товарищей на ихъ замерзшіе члены, чтобы вызвать тѣмъ теплоту, развивающуюся отъ антонова огня“. См. Вильсонъ, стр. 297.

**) Aus dem Leben d. Generals von Brandt. T. I, стр. 489.

***) Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. T. II, стр. 409.

удобному бивуаку, нѣкоторые останавливались немножко отдохнуть, другіе пытались пристроиться къ намъ. Усталость взяла мало-по-малу свои права. Многіе заснули, другіе предались своимъ думамъ; болѣе крѣпкіе таскали дрова и поддерживали пламя. Всю ночь шелъ снѣгъ, холодъ былъ очень силенъ. Согрѣешь одну сторону, надо грѣть другую; поддержишь одну ногу у огня, надо придвигать другую. Настало наконецъ утро и мы собрались въ походъ. Но изъ нашего небольшого отряда не хватало 13 человекъ, и все раненыхъ! Сердце разрывалось у меня отъ жалости. Надо намъ было проходить мимо плетня и тутъ только мы замѣтили, что это былъ не плетень, а груда труповъ, наваленныхъ другъ на друга и занесенныхъ снѣгомъ. Тутъ были люди всѣхъ націй: французы, швейцарцы, итальянцы, поляки, нѣмцы; всѣхъ ихъ можно было различить по мундирамъ. Многіе изъ нихъ раскинули свои руки; казалось, что они хотѣли схватить насъ. „Смотри, капитанъ“, сказалъ одинъ солдатъ, „они протягиваютъ къ намъ руки. Не бойтесь, скоро придемъ къ вамъ!“ Эта ужасная картина долго преслѣдовала меня: она была страшнѣе самыхъ кровавыхъ боевыхъ сценъ“ *).

Но вотъ эти толпы полузамерзшихъ мертвецовъ близки, по видимому, къ конечной спасительной цѣли своего странствования. Вильна уже близка! шепчутъ они между собою. Напрягаются послѣднія силы, какъ безумные спѣшатъ они впередъ. Мерзлые, то и дѣло, валятся на дорогу, но никто не обращаетъ на нихъ вниманіе. „Мы проходимъ мимо несчастныхъ, не обнаруживая ни малѣйшаго чувства состраданія. Кажется, послѣднее человѣческое чувство умерло въ нашей груди. Изрѣдка слышатся слова: „Несчастный! ахъ, если-бы я былъ на твоёмъ мѣстѣ“. Но вообще всѣ шли молча, какъ будто въ похоронной процессіи; только визгъ и стоны умирающихъ прерывали гробовую тишину“ **).

*) „Вскорѣ мы встрѣтили другую еще болѣе страшную сцену. Въ одной деревнѣ, совершенно сожженной, уцѣлѣла на половину большая постройка. Въ ней и вокругъ ея мертвецы и обгорѣлые трупы валялись цѣлыми грудями: то было настоящее поле смерти, запахъ горѣлаго мяса зачумлялъ весь воздухъ въ окрестности“. Aus dem Leben d. Generals v. Brandt. T. I, стр. 485.

***) См. Brandt, стр. 492.

Но вотъ она и Вильна! Десять часовъ были мы въ пути и ощущали невѣроятную усталость. Холодъ былъ невыносимъ. Я узналъ послѣ, что морозъ доходилъ до 20 градусо́въ. Мы спѣшимъ войти въ городъ, но каково-же было наше удивленіе, когда вооруженные люди останавливаютъ насъ у воротъ и объявляютъ намъ, что входъ разрѣшается только стройнымъ отрядамъ. Толпа останавливалась и росла съ минуты на минуты. Тотъ, кто попадалъ въ нее, не въ состояніи былъ уже выбраться. Солнце начинало садиться; становилось все холоднѣе и холоднѣе. То и дѣло прибывали новыя массы. Умирающіе и мертвецы мѣшались съ живыми. Мы рѣшились, наконецъ, пробраться въ городъ окольными путями“ *).

Мюрать и другія французскія власти окончательно потеряли голову въ эти минуты. Русскіе гнались за ними по пятамъ. Новый арьергардъ разбитъ былъ Чаплицомъ еще при Мѣдвикахъ. У Рукойновъ, близъ самой Вильны, произошла новая схватка. Пушечные выстрѣлы были слышны въ самомъ городѣ. Ней, вновь принявшій начальство надъ арьергардомъ, пытался задержать наступленіе русскихъ. Ему удалось выбить Сеславина, успѣвшаго проникнуть въ самый городъ, но съ минуты на минуту нужно было ожидать прибытія новыхъ русскихъ силъ. Французскіе начальники должны были понять, что они не въ состояніи держаться въ Вильнѣ и сутки. Къ чему же, думали они, вводить порядокъ при раздачѣ припасовъ? Развѣ для того, чтобы припасы всецѣло достались русскимъ!

Появленіе жалкихъ отрепьевъ Наполеоновской арміи было настоящимъ сюрпризомъ для литовской столицы. Всю осень въ Вильнѣ кипѣла самая оживленная жизнь. Пребываніе знатныхъ французскихъ сановниковъ и дипломатическаго корпуса привлекло сюда массу польско-литовской знати и проходивцевъ всякаго рода. Знатные паны тѣснились съ подобостра-

*) Brandt, стр. 492. Фезензакъ говоритъ: „Прибывъ къ воротамъ, я нашелъ такую-же толпу и такой-же безпорядокъ, какъ и при переправѣ черезъ Березину. Не принято было никакихъ мѣръ для возстановленія порядка. Все тѣснилось и давило другъ друга у воротъ, а между тѣмъ, тутъ-же съ боку, были совершенно свободные входы, которыхъ никто не зналъ и нѣкто не указывалъ.“
Souvenirs Militaires, стр. 339.

стіемъ въ переднихъ и въ пріемныхъ Маре. Вечеринки, балы, пикники слѣдовали одни за другими. Знатныя и красивыя дамы плясали до упада мазурку и расточали щедро свои ласки французскимъ, польскимъ и инымъ кавалерамъ. Шампанское лилось рѣдкою. Поляки праздновали все новыя и новыя побѣды великаго Наполеона и предавались сладкимъ мечтамъ о будущемъ величіи вновь возстановленной Рѣчи—Посполитой. Жиды и шулера великолѣпно обдѣлывали свои дѣла. Неслыханный развратъ и неслыханный блескъ водворились въ литовской столицѣ. Ничто не предвѣщало, повидимому, близкой бѣды невѣроятной катастрофы. Французскія власти заботливо держали всѣхъ и cadaго въ полнѣйшемъ невѣдѣніи на счетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ *). Да они не были, впрочемъ, особенно виноваты въ этомъ случаѣ. Извѣстія изъ главной квартиры Наполеона получались очень рѣдко, да и тѣ, которыя получались, не заставляли предполагать чего-либо особенно непріятнаго. Пришло извѣстіе объ оставленіи Москвы, объ отступленіи великой арміи, но тутъ-же было объявлено, что армія не отступаетъ, а совершаетъ искусный маневръ, что она приближается къ Петербургу и грозитъ покореніемъ второй столицѣ русскаго царства. Уже толпы бѣглецовъ приближались къ Вильнѣ, а въ городѣ все еще ничего не знали о катастрофѣ великой арміи. Не принято было ровно никакихъ мѣръ на случай непріятельскаго нашествія; не только магазины, но и казна, состоявшая изъ одиннадцати милліоновъ франковъ, осталась въ городѣ.

26-го ноября жители Вильны были поражены неожиданнымъ зрѣлищемъ. Сначала разнесся по городу слухъ, что прибылъ король Неаполитанскій съ своею главною квартирою, а затѣмъ въ улицы города хлынули со всѣхъ сторонъ толпы какихъ-то оборванныхъ страшилищъ, утратившихъ послѣдніе слѣды человеческого образа. Распоряженіе Мюрата не допускать въ городъ безоружныхъ и разрозненныхъ, до тѣхъ поръ пока не войдутъ войска, сохранившія хотя какой-нибудь порядокъ, не имѣло никакого смысла, такъ какъ такихъ войскъ въ дѣй-

*) Шамбре. Т. III, стр. 125 и 227.

ствительности не было почти вовсе. Въ дивизіи Луазона, войскахъ Вреде и старой гвардіи оставалось въ строю не болѣе четырехъ тысячъ человекъ. Въ остальныхъ пяти армейскихъ корпусахъ можно было набрать человекъ триста вооруженныхъ *). И эти 4300 человекъ должны были удерживать русскихъ на высотахъ передъ Вильною, охранять ворота и конвоировать особу короля Неаполитанскаго и другихъ знатныхъ лицъ! Ясно, что при такихъ обстоятельствахъ никто не могъ и не хотѣлъ задерживать несчастныхъ безоружныхъ бѣглецовъ подъ стѣнами города. Вскорѣ они наполнили собою всѣ улицы Вильны. Водворился невообразимый хаосъ. Мѣстами невозможно было протискаться сквозь массы повозокъ, лошадей, груды брошеннаго багажа, черезъ сплошныя толпы вооруженныхъ и безоружныхъ людей. „Вильна“, говоритъ очевидецъ, „совершенно не походила на всѣ тѣ города и поселенія, которые приходилось намъ видѣть до сихъ поръ. Тѣ города были сожжены и лежали въ развалинахъ, жители бѣжали изъ нихъ; тѣ, которые не успѣли бѣжать, принуждены были раздѣлять съ нами наши страданія. Божественное проклятіе, казалось, поразило смертью всю природу вокругъ насъ. Въ Вильнѣ всѣ дома сохранились въ цѣлости, жители были заняты своими обычными дѣлами. Все показывало, что мы находились въ богатомъ и населенномъ городѣ. Но среди этого изобилія бродили наши полузамерзшіе, умирающіе отъ голода солдаты. Одни изъ нихъ покупали на вѣсь золота самую незатѣйливую пиццу, другіе выпрашивали у прохожихъ кусокъ хлѣба. Не съ состраданіемъ, а съ ужасомъ смотрѣли жители на жалкіе остатки нашей, еще недавно столь грозной арміи.

*) Въ старой гвардіи насчитывалось 600 пѣхотниковъ и 800 кавалеристовъ: вся молодая гвардія состояла изъ 100 пѣшихъ солдатъ; въ корпусѣ Вреде и дивизіи Луазона состояло подъ ружьемъ 2300 пѣшихъ и 200 конныхъ солдатъ; въ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 9-мъ корпусахъ было всего лишь триста вооруженныхъ солдатъ. Эти цифры говорятъ краснорѣчивѣ всякихъ описаній о страшномъ разгромѣ арміи Наполеона. Вспомнимъ, что передъ началомъ войны въ старой и молодой гвардіи насчитывалось одной пѣхоты 41,000 человекъ, что въ 1-мъ корпусѣ было подъ ружьемъ 68,000 челов., во 2-мъ 34000, въ 3-мъ 35000, въ 4-мъ 42000, а въ 9-мъ 31000 человекъ одной пѣхоты. См. Шамбре. Т. I, таб. численности французскихъ войскъ при началѣ войны. Т. III, стр. 131.

Многіе изъ поляковъ, видимо, поражены были печалью; они знали, что вмѣстѣ съ нами погибаютъ ихъ національныя надежды. Сторонники русскихъ торжествовали, осыпали насъ даже насмѣшками. Жиды спѣшили воспользоваться случаемъ, чтобы содрать съ насъ послѣднія деньги. Лавки, постоянные дворы, трактиры и кофейни были сначала открыты, но вскорѣ хозяева не въ состояніи были удовлетворить массы покупателей и опасаясь грабежа, спѣшили закрыть свои заведенія *). Французскія власти пытались производить правильную раздачу изъ магазиновъ, но приближеніе русскихъ и усиливающейся беспорядокъ скоро заставили ихъ прекратить свою дѣятельность. Припасы розданы были только одной гвардіи. Солдаты остальныхъ корпусовъ могли брать сами изъ брошенныхъ на произволъ судьбы магазиновъ все, что пожелаютъ; но лишь немногіе, болѣе крѣпкіе и не окончательно растерявшіеся, успѣли застать провіантомъ и одеждою. Страхъ передъ приближающимися казаками былъ такъ великъ, что тысячи оборванныхъ и голодныхъ бѣглецовъ думали лишь объ одномъ, какъ-бы поскорѣ бѣжать изъ Вильны. Услышавъ пушечныя выстрѣлы, они какъ безумные спѣшили впередъ, бросая свои послѣдніе пожитки, забывая о пищѣ. Наоборотъ, другіе, пораженные полнѣйшею апатіею, забирались въ дома и дворы и ни за что не хотѣли идти далѣе **).

Необходима была сильная душа и желѣзное сердце, чтобы не потерять голову среди этого хаоса, среди этого моря неслыханныхъ бѣдствій. У короля Неаполитанскаго не было ни того, ни другаго. Храбрый до бѣшенства на полѣ брани, Мюрать, человекъ нервный, легкомысленный и не далекій, потерялся окончательно въ этотъ страшный день. Марсѣ сообщилъ ему приказаніе Наполеона держаться какъ можно долѣе въ Вильнѣ, но Мюрать хорошо понималъ, что онъ не въ состояніи выполнить этого приказа. Его занимала лишь мысль о собственномъ спасеніи, и онъ всецѣло отдался ей. Уже 27-го ноября, вечеромъ онъ выѣхалъ изъ города со всѣмъ своимъ

*) См. Fezensac, Souvenirs Militaires, стр. 351—352. Намбре. Т. III, стр. 125.

**) По свидѣтельству Фезензака они заявляли прямо, что не могутъ болѣе сражаться и намѣрены оставаться въ Вильнѣ. Souvenirs Militaires, стр. 353.

штабомъ въ Ковенское предмѣстье и остановился въ кофейной на такъ называемой Погуляевкѣ. Вокругъ него расположилась бивуакомъ старая гвардія *). Обезпечивъ себя лично, Мюратъ началъ раздавать приказанія, внушенные ему чувствомъ безконечнаго страха, сознаниемъ полной и безповоротной гибели. Онъ приказалъ Нею составить аррьергардъ изъ дивизіи Лаузона, отряда Вреде и всѣхъ одиночныхъ людей, способныхъ носить оружіе и защищать съ ними подступы къ Вильнѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ люди и обозы выйдутъ изъ города. Нею долженъ былъ отправить кромѣ того изъ города армейскую кавалерію и артиллерію, взорвать всѣ лишніе зарядные ящики и уничтожить ружья **). Предписано было также раздать безъ всякихъ административныхъ формальностей и замедленій провіантъ, одежду и обувь изъ магазиновъ всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ („потому, сказано было въ предписаніи, „что положеніе непріятеля не позволяетъ намъ оставаться въ Вильнѣ“) ***). Сваливъ на плечи маршала всѣ эти неисполнимые приказы, Мюратъ послѣдно выѣхалъ изъ Ковенскаго предмѣстья въ каретѣ. Вице-король, Даву, Лефевръ, Мортье и Бессьеръ сопровождали его верхами. Гвардія составляла что-то въ родѣ конвоя главной квартиры. Вслѣдъ за нею повалили въ дикомъ безпорядкѣ толпы безоружныхъ и отсталыхъ.

Само собою понятно, что маршалъ Нею не въ состояніи былъ исполнить приказаній Мюрата. Онъ могъ держаться подѣ Вильною только въ теченіи нѣсколькихъ часовъ до тѣхъ поръ, пока онъ имѣлъ дѣло съ едними казаками. Едва лишь показались регулярныя русскія войска съ артиллеріею, какъ маршалъ принужденъ былъ очистить Вильну ****). Некогда было думать объ истребленіи магазиновъ, зарядныхъ фуръ и ору-

*) См. Шамбре. Т. III, стр. 126—127.

**) Приказанія Нею были посланы въ особомъ письмѣ, подписанномъ маршаломъ Вертье. Письмо напечатано у Шамбре. Т. III, стр. 127—128.

***) Эти послѣднія предписанія даны были графу Даву, онъ долженъ былъ также позаботиться о вывозѣ казны. См. Шамбре. Т. III, стр. 129—130.

****) „Адъютанты Виленскаго губернатора явились съ приказомъ, чтобы 2-й и 3-й корпусы взяли за оружіе и выступили на помощь аррьергарду. Въмѣсто корпусовъ они нашли нѣсколько полужамерзшихъ, больныхъ, безоружныхъ солдатъ безъ офицеровъ и генераловъ“. Fezensac, Souvenirs Militaires, стр. 353.

жія. Невозможно было дожидаться, пока всѣ безоружные и отсталые выйдутъ изъ города. Множество генераловъ, масса офицеровъ и 20000 рядовыхъ, по большей части больныхъ и неспособныхъ идти далѣе, остались въ Вильнѣ *). Хаосъ возросъ до послѣдней степени, когда войска Нея выходили изъ Вильны. Даже жида почувствовали въ себѣ въ этотъ моментъ приливъ воинскаго мужества. Они бросались на отсталыхъ и безоружныхъ, обирали ихъ до - чиста и убивали самымъ звѣрскимъ образомъ **). Рассказываютъ, что они успѣли даже отрѣзать и захватить въ плѣнъ одинъ баталіонъ гвардіи. Въ этомъ фактѣ выразилась вся глубина паденія великой арміи ***).

Солдаты Наполсона воображали, что съ Вильною окончатся ихъ страданія, что преслѣдованіе русскихъ прекратится за этимъ городомъ, но они жестоко ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Судь Божій не совершился еще окончательно, чаша бѣдствій не была еще выпита ими до дна. Въ шести верстахъ отъ Вильны находится такъ называемая Поварская гора. Дорога подымается тутъ на весьма значительную высоту; по бокамъ ея тянутся лѣса, изрѣзанные оврагами. Массы обледѣнлаго снѣга покрывали этотъ подъемъ, — и тщетно пытались вскарабкаться на него плохо подкованныя лошади. Выбившись изъ силъ, онѣ падали на землю или катились внизъ по ледяной горѣ ****). Вскорѣ весь путь прегражденъ былъ остановившимися и опрокинутыми повозками и фурами, дохлыми и издыхающими лошадьми. А между тѣмъ все новья и новья массы людей и повозокъ подходили къ подъему. На разстояніи нѣсколькихъ верстъ дорога была покрыта вооруженными и безоружными людьми, орудіями, санями, повозками, экипажами. „Вдругъ, говоритъ очевидецъ, вся эта хаотическая масса оста-

*) „Wilna contenait, au moment ou Ney l'abandonna, environ vingt mille personnes, blessées, malades ou mutilées par le froid“. Шамбре, Т. III, стр. 133. Такую-же цифру находимъ мы у Фезензака.

**) Fezensac, Souvenirs Militaires, стр. 355.

***) Это извѣстіе мы находимъ въ письмѣ Штейна изъ Вильны отъ 12 января 1813 г. См. Перлъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 265.

****) Шамбре замѣчаетъ, что было-бы очень легко мпповать эту опасную гору, повернувъ на Повотрокскую дорогу, но что не было дано на этотъ счетъ никакихъ приказовъ или указаній. Т. III, стр. 132.

новилаcь. Передъ нами волновалось цѣлое море людей и лошадей“ *). Образовалась такая-же невѣроятная давка, какъ и на берегахъ Березины **). Многие пытались обойти и объѣхать ледяной подъемъ, но попадали при этомъ въ оврагъ и увязали въ снѣгу. На этой горѣ и у ея подошвы брошена была послѣдняя артиллерія великой арміи. Тутъ-же оставлены были почти всѣ обозы, императорскіе экипажи и армейская казна. Тутъ распрощались французы и съ послѣдней частью Московской добычи, съ знаменами и трофеями, которые тащили они съ такимъ трудомъ до этого роковаго мѣста. Завидѣвъ богатую добычу, безоружные солдаты великой арміи съ жадностью бросились на нее. Они разбивали ящики и упакованныя фуры, забирали золото и серебро и спѣшили далѣе. „То было страшное зрѣлище“, замѣчаетъ очевидецъ. „Люди полумертвые отъ голода и стужи тащили, напрягая послѣднія силы, мѣшки съ деньгами. На русскихъ снѣгахъ разбросаны были всевозможные предметы роскоши, изобрѣтенные въ Парижѣ“ ***). Мюратъ и маршалы также не въ состояніи были взобраться на гору. Они бросили свои экипажи и лошадей и съ трудомъ взобрались на высоту пѣшкомъ окольною тропинкою черезъ лѣсъ. Мюратъ отдалъ еще одинъ невыполнимый приказъ: жечь повозки и навьючивать на лошадей казну, собственное серебро императора и другія наиболѣе цѣнныя вещи. Никто не думалъ выполнять этого приказа. Грабежъ продолжался до тѣхъ поръ, пока на мѣсто катастрофы нахлынули казаки. Грабители, не успѣвшіе укрыться въ лѣсу, пали подъ казацкими пиками или попались въ плѣнъ. Часть армейской казны, двадцать восемь орудій, обозы, собственные экипажи Наполеона, множество больныхъ и раненыхъ офицеровъ достались въ добычу Донцамъ ****).

*) Aus dem Leben des Generals von Brandt. T. I. стр. 495.

**) „Это была настоящая Березина съ тою лишь разницею, что звѣрство негодяевъ и грабителей обнаружилось при этомъ еще съ большою силою“. Aus dem Leben d. Generals v. Brandt, стр. 495.

***) Fezensac, Souvenirs Militaires, стр. 356; другія подробности см. у Лабона, стр. 417—419.

****) Лабонъ увѣряетъ, что тутъ-же брошенъ былъ крестъ съ Ивана Великаго, стр. 418.

Едва только войска Нея ушли изъ Вильны, какъ передовой нашъ отрядъ подъ начальствомъ Чаплица вступилъ въ городъ. Почти одновременно съ ними прибыли въ столицу Литвы и передовые отряды главной арміи подъ начальствомъ генерала Бороздина, генераль-адъютанта Кутузова, полковника Сухозанета и подполковника Тетенборна. Войска наши заняли такъ поспѣшно городъ, что французы не успѣли зажечь его, по своему обыкновенію. Кромѣ массы плѣнныхъ въ Вильнѣ найдена была громадная добыча. Въ самомъ городѣ, въ окрестностяхъ и въ арсеналахъ захвачено было сто сорокъ непріятельскихъ орудій. Въ магазинахъ оказалось четырнадцать тысячъ четвертей ржи, пять тысячъ четвертей муки и огромные склады коммисаріатскихъ запасовъ *). Самъ фельдмаршалъ Кутузовъ прибылъ въ Вильну 30 ноября. Въ замкѣ его встрѣтилъ Чичаговъ, передалъ строевой рапортъ и поднесъ ключи Вильны. Свиданіе между главнокомандующимъ и адмираломъ было въ высшей степени холодно. Кутузовъ замѣтилъ Чичагову, что экипажи съ посудой и прочими вещами, отобранные у него французами, могутъ быть возвращены ему обратно. Чичаговъ отвѣчалъ съ ѣдкостью: „Неужели вы полагаете, что мнѣ не на чемъ ѣсть. Напротивъ, я могу васъ снабдить всѣмъ, даже и въ томъ случаѣ, если вы пожелаете давать обѣды“ **).—Польская ватура сказывалась между тѣмъ во всемъ своемъ блескѣ. Поляки, осаждавшіе передъ тѣмъ передвія Маре, спѣшили преклониться передъ побѣдителями. Кавалеры и дамы истощались въ любезностяхъ передъ старымъ фельдмаршаломъ и его офицерами. Низкая лестъ и подобострастіе не знали предѣловъ; паны превратились вдругъ въ ярыхъ русскихъ патріотовъ и озлобленныхъ враговъ Бонапарте. Польскіе поэты на перерывъ воспѣвали подвиги Кутузова; въ театрѣ сіяло на сценѣ ярко освѣщенное изображеніе фельдмаршала, съ надписью: „Спасителю отечества“ ***).

Понятно, что стоянка въ Вильнѣ при такихъ обстоятельствахъ была крайне обольстительна для стараго фельдмаршала,

*) Всѣ эти и другія подробности у Богдановича. Т. III, стр. 322—23.

**) Записки князя Голицына.

***), Богдановичъ. Т. III, стр. 324.

удрученнаго годами и болѣзнями, перенесшаго столько лишений и трудовъ въ теченіи этого безпримѣрнаго похода. Самъ Кутузовъ шутилъ, говоря, что Вильна можетъ сдѣлаться для него Капуею: онъ думалъ дать войскамъ своимъ продолжительный отдыхъ въ литовской столицѣ, но самая сила обстоятельствъ и воля императора Александра заставляли его идти впередъ. Невозможно было, однако-же, спѣшить впередъ массами, совершенно истомленными быстрыми и трудными переходами. Да и не было въ этомъ, повидимому, надобности. Достаточно было однихъ казаковъ и легкихъ войскъ, чтобы закончить преслѣдованіе, чтобы довершить уничтоженіе непріятеля. Кутузовъ такъ и распорядился. Остановивъ на время массы своей арміи, онъ двинулъ вслѣдъ за бѣгущимъ врагомъ казачій отрядъ Плѣтова и авангардъ Дунайской арміи.

Разстояніе отъ Вильны до Ковно равняется ста верстамъ. Французы бѣжали такъ поспѣшно, что прошли это разстояніе въ три дня. „Мы спѣшили впередъ“, говоритъ очевидецъ, „не обращая вниманія ни на нашу усталость, ни на скользкую почву подъ нашими ногами“ *). Многие, выбившись изъ послѣднихъ силъ, ложились или садились на дорогѣ, предпочитая смерть отъ мороза или казацкой пикн дальнѣйшимъ страданіямъ похода. Наконецъ, бѣглецы завидѣли Ковно и широкую полосу Нѣмана, покрытую льдомъ. Въ Ковно были такіе-же громадныя магазины, какъ и въ Вильнѣ, но понятно, что тутъ не было уже и рѣчи о правильной раздачѣ припасовъ. Некому было уже отдавать неисполнимые приказы. Мюратъ находился уже въ это время въ состояніи невмѣняемости. Онъ вздумалъ было критиковать образъ дѣйствій Наполеона въ присутствіи маршаловъ и генераловъ, но Даву заставилъ его умолкнуть, замѣтивъ, что люди, возвышенные Наполеономъ, не имѣютъ права порицать его, что теперь нѣтъ времени для напрасныхъ жалобъ, что надо думать лишь о спасеніи остатковъ арміи **). Рѣшено было немедленно-же очистить Ковно и поручить Нею защищать городъ до послѣдней воз-

*) Fezensac, Souvenirs Militaires, стр. 357.

***) Подробности этого разговора, быть можетъ, не вполне достоверны, см. у Сегюра. Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 437—438.

возможности. Самъ Мюратъ выѣхалъ изъ Ковно уже 1-го декабря и поспѣшилъ далѣе въ Кенигсбергъ. Его сопровождали 1500 человекъ, уцѣлѣвшихъ изъ старой гвардіи, и четыре орудія.

Пока маршалы совѣщались о спасеніи арміи, а Мюратъ хлопоталъ о своей дорогой особѣ, солдаты, добравшіеся до Ковно, хозяйничали по своему въ городѣ. Всѣ магазины и склады были тотчасъ-же разбиты и разграблены. Съ особенною жадностью набрасывались солдаты на бочки съ спиртомъ и ромомъ. Привыкнувъ пить въ большомъ количествѣ слабую водку, они истребляли теперь еще въ большомъ количествѣ эти крѣпкіе напитки. Напившись до безумія, они разбивали бочки, ромъ наполнялъ магазины и текъ ручьями по улицамъ. Сотни солдатъ напивались до смерти, другіе впадали въ безсознательное состояніе и замерзали на самыхъ улицахъ города. Съ меньшимъ ожесточеніемъ опустошали грабители и склады съѣстныхъ припасовъ, и тутъ сотни и тысячи дѣлались жертвами своей неумѣренности. Эти люди, обреченные на истребленіе, гибли теперь отъ избытка, такъ какъ прежде погибали отъ недостатка. Болѣе предусмотрительные забирались въ комиссаріатскіе склады и спѣшили запастись обувью и одеждою. Солдаты одѣвались поспѣшно въ первое попавшееся имъ подъ руки платье. Одни совершали процедуру переодеванія въ магазинахъ, другіе среди улицъ *). Но и здѣсь въ средѣ бѣглецовъ нашлось множество такихъ, которые не думали ни объ одеждѣ, ни о запасахъ пищи. То были самые слабые, обезумѣвшіе отъ паническаго страха. Привыкнувъ машинально тащиться за передовыми, они плелись впередъ и теперь, захвативъ или выпросивъ у кого-нибудь кусокъ сухаря или глотокъ водки. Это были уже не солдаты и не люди, а стадо барановъ, ошеломленныхъ страхомъ. Черезъ Нѣманъ можно было пройти совершенно свободно по льду, а эти несчастные толпились изо всѣхъ силъ къ мосту, давили и сталкивали другъ друга въ рѣку **).

Между тѣмъ Ней собирался защищать городъ отъ прибли-

*) Всѣ эти подробности см. у Фезензака, стр. 361—362.

**) Fezensac, Souvenirs Militaires, стр. 362.

жающихся русскихъ. Въ распоряженіи маршала было нѣсколько сотъ нѣмецкихъ солдатъ, изъ дивизіи Луазона и отряда Вреде, и двадцать орудій. Онъ поставилъ орудія на Алексотенскихъ высотахъ, господствовавшихъ надъ городомъ и призвалъ къ себѣ на помощь своихъ старыхъ сослуживцевъ изъ третьяго армейскаго корпуса. Изъ всѣхъ людей этого корпуса уцѣлѣла какая-нибудь сотня офицеровъ и солдатъ. Они считали свою задачу поконченною, а теперь ихъ приглашали защищать Ковно или, лучше сказать, похоронить себя подъ его развалинами. Никто изъ этихъ храбрецовъ не медлитъ, однакоже, ни минуты, послѣдовать зову своего геройскаго начальника. „Съ изумленіемъ, говоритъ одинъ изъ нихъ, смотрѣть я на непоколебимый героизмъ Ней, я считалъ за счастье быть призваннымъ поддержать его въ его послѣднихъ усиліяхъ“ *).

Въ десять часовъ утра 1 декабря явились передъ Ковно казаки Платова и открыли тотчасъ-же огонь изъ восьми полевыхъ орудій, привезенныхъ ими на саняхъ. Уже первые выстрѣлы сбили одно французское орудіе. Новобранцы Луазона, пораженные паническимъ страхомъ, бросились бѣжать, оставивъ свои пушки, бросая ружья. Тщетно пытались остановить ихъ офицеры. Одинъ изъ нихъ, истощивъ всѣ усилія, застрѣлился въ отчаяніи. Казаки врываются уже въ городъ. Въ эту критическую минуту явился на укрѣпленіяхъ маршалъ Ней. Онъ вырвалъ ружье у одного изъ бѣглецовъ и съ горстью солдатъ 29-го пѣхотнаго полка, бросился на непріятеля. Его примѣръ, его громкія слова остановили бѣгущихъ. Сопротивленіе возобновилось съ удвоенною силою и казаки принуждены были податься назадъ **). Тогда Платовъ послалъ два казачьихъ полка въ обходъ непріятельской позиціи. Приближался уже вечеръ и Ней не видѣлъ возможности держаться далѣе у Алексотена. Онъ приказалъ зажигать городъ и переправился съ остатками своего отряда черезъ Нѣманъ по льду.

„Мы выступили изъ Ковно, говоритъ очевидецъ, среди мертвецовъ и умирающихъ. Мы различали при свѣтѣ бивуачныхъ

*j Fezensac, Souvenirs Militaires, стр. 359.

**j См. Шамбре. Т. III. стр. стр. 136—137; Фезензакъ, стр. 362—363.

костровъ, еще горѣвшихъ на улицахъ, нѣсколькихъ изъ нашихъ солдатъ. Они смотрѣли намъ вслѣдъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Имъ говорили, что они попадутъ въ руки непріятеля, они склоняли головы и жались ближе къ огнямъ. Жители выходили на улицы и нагло посматривали на насъ. Одинъ изъ нихъ запаса ружьемъ, я вырвалъ его у него изъ рукъ. Нѣсколько солдатъ, тащившихся до сихъ поръ, пали мертвые на Нѣманскомъ мосту въ тотъ моментъ, когда оканчивалось, повидимому, ихъ страдальческое странствованіе. Мы перешли въ свою очередь черезъ рѣку и обращая назадъ наши взоры къ ужасной, покидаемой нами странѣ, поздравляли себя съ счастіемъ выйти изъ нея, а еще болѣе съ честью выйти изъ нея послѣдними“ *).

Но бѣглецамъ предстояло еще одно страшное испытаніе. По той сторонѣ Нѣмана, на пути къ Гумбинену, дорога подымается на значительную высоту. Едва только приблизились къ этому мѣсту войска Нея, какъ навстрѣчу имъ бросились разрозненные солдаты, имѣвшіе обыкновеніе идти впереди колонны. Перепуганные, обезумѣвшіе отъ страха, они кричали, что на горѣ они встрѣтились съ казаками. Въ тотъ-же самый моментъ раздался гулъ пушечнаго выстрѣла и непріятельское ядро легло въ самую середину французской колонны. Не подлежало сомнѣнію, что казаки, перебравшись черезъ Нѣманъ по льду, успѣли занять вершину горы и преградили путь бѣглецамъ. Это послѣднее нападеніе, самое непредвидѣнное изъ всѣхъ, произвело на солдатъ наиболѣе потрясающее впечатлѣніе. Мнѣніе, что русскіе, ни въ какомъ случаѣ, не перейдутъ черезъ Нѣманъ, было глубоко вкоренено въ армію“. Всѣ считали себя по ту сторону моста въ полной безопасности, какъ будто Нѣманъ былъ для нихъ тою рѣкою дровинъ, которая отдѣляла адъ отъ земли. Легко представить себѣ, какой ужасъ объялъ ихъ, когда они убѣдились, что ихъ преслѣдуютъ и по той сторонѣ, что непріятель отрѣзалъ имъ даже путь отступленія своею артиллеріею **). Генералы Мар-

*) Fezensac, Souvenirs Militaires, стр. 363—364.

***) См. Fezensac, гдѣ всѣ подробности объ этомъ послѣднемъ сраженіи 1812 г. стр. 364—366.

шандъ и Ледрю пытались составить что-то въ родѣ баталіона изъ остатковъ 3-го корпуса и изъ разрозненныхъ и хотѣли пробиться силою черезъ проходъ; но ружья солдатъ не хватили такъ далеко, а идти впередъ они не рѣшались. „Пришлось отказаться отъ дальвѣйшихъ попытокъ и оставаться неподвижно подъ огнемъ артиллеріи, ибо всякій шагъ назадъ подвергъ-бы атакѣ казаковъ. Такое безвыходное положеніе подломило послѣднія силы тѣхъ, которые боролись еще до сихъ поръ съ судьбою. Два офицера, подававшіе во время отступленія примѣръ всему моему полку, говоритъ очевидецъ, чувствовали, что силы ихъ истощились окончательно. Они заявили мнѣ, что, не будучи въ состояніи идти дальше и сражаться и не желая попасть въ руки казаковъ, они рѣшили возвратиться въ Ковно и отдаться въ плѣнъ. Я пытался отговорить ихъ всѣми силами отъ ихъ намѣренія. Я напоминалъ имъ о томъ чувствѣ чести, которое проникало ихъ, о томъ мужествѣ, которое доказано было ими столько разъ, о той привязанности, которую они имѣли всегда къ полку, — все напрасно! Въмѣсто всякаго отвѣта, они обняли меня со слезами и возвратились въ Ковно“ *)

Среди всеобщаго отчаянія и унынія, одинъ только маршалъ Ней не потерялъ спокойствія и присутствія духа. Его рѣшимость и находчивость спасли еще разъ и въ послѣдній разъ аррьергардъ великой арміи. Онъ рѣшился двинуться внизъ по Нѣману, выйти на Тильзитскую дорогу и добраться до Кенигсберга окольными путями. Онъ понималъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ оставляетъ остатки арміи безъ аррьергарда, но ему не оставалось иного выбора, если онъ желалъ спасти товарищей отъ смерти и плѣна. Наступившая темнота ночи способствовала выполненію его плана. Незамѣтно отъ казаковъ бѣглецы свернули съ дороги и пробирались вдоль берега Нѣмана на разстояніи десяти верстъ. Затѣмъ они повернули на-лѣво въ лѣса. Они бѣжали такъ поспѣшно въ теченіи цѣлаго дня и ночи, что многіе солдаты, выбиваясь изъ силъ, падали на пути. Преслѣдованіе казаковъ однако-же пре-

*) Фезензакъ. Souvenirs Militaires, стр. 365.

кратилось. Бѣглецы добрались до неопустошенной страны, они могли уже доставать за деньги припасы и все необходимое. Но настроеніе населенія было самое враждебное. Остатки великой арміи принуждены были искать себѣ убѣжища въ той самой Пруссіи, которая испила до дна чашу бѣдствій, поднесенную ей великимъ, безжалостнымъ завоевателемъ. Любопытство, не чуждое злорадства, выражалось на лицахъ жителей. Они выражали сожалѣніе по поводу страшныхъ бѣдствій, обрушившихся на великую армію, но въ этомъ сожалѣніи было болѣе ироніи, нежели искренности. Замѣтивъ паническій страхъ, нападавшій на бѣглецовъ при одномъ словѣ „казаки“, они, то и дѣло, пугали ихъ разказами о приближеніи казаковъ. Такъ смотрѣли на бѣглецовъ люди болѣе образованные, умѣвшіе скрывать свои настоящія чувства. Откровеннѣе относились къ нимъ простые поселяне. Они сторонились отъ этихъ страшилищъ, распространявшихъ вокругъ себя нестерпимое зловошіе и заразу, тамъ, гдѣ они шли массами. Но горе тѣмъ изъ бѣглецовъ, которые, отставъ отъ товарищей, попадались въ руки поселянамъ. У нихъ отбирали оружіе и прогоняли отъ дворовъ, какъ чумныхъ, угрозами и побоями. Протестантскіе пасторы также не старались скрывать своихъ чувствъ. „Вась постигъ справедливый судъ Божій!“ говорили они французамъ и ихъ союзникамъ. „Вы понесли достожджное наказаніе за грабежи и звѣрства, произведенныя вами въ дружественныхъ и союзныхъ вамъ странахъ“. Служители алтаря высказывали въ этихъ словахъ не свое личное мнѣніе, а мнѣніе народныхъ массъ, доведенныхъ до отчаянія неслыханными бѣдствіями эпохи *).

Но куда-же дѣлись вожди великой арміи. „Вырвавшись изъ окаянной Россіи“, разсказываетъ генераль Дюма, „я отдыхалъ на своей квартирѣ въ Вильковишкахъ, какъ вдругъ вошелъ ко мнѣ человекъ въ коричневомъ сюртукѣ, съ длинною бородою и красными сверкающими глазами. Вы не узнаете меня?

*) Фезензакъ, передающій эти подробности, замѣчаетъ: „Я могу засвидѣтельствовать, что мы не особенно обижались такимъ приемомъ. Мы были счастливы, что находили припасы и могли проводить ночи въ теплыхъ комнатахъ и забывали все остальное. Souvenirs Militaires, стр. 367.“

спросилъ онъ. „Нѣтъ! Кто вы? — „Я аррьергардъ великой арміи, маршалъ Ней“. Дѣйствительно, при немъ не было никого кромѣ генерала Жерара“ *). Воины, спасенные имъ отъ гибели, числомъ нѣсколько сотъ человѣкъ, разбрелись уже по разнымъ городамъ Пруссіи.

Мюрать, послѣ бѣгства изъ Ковно, спокойно продолжалъ свой путь, будучи увѣренъ, что онъ находится подъ прикрытіемъ аррьергарда Ней. Каково-же было его удивленіе и ужасъ, когда онъ узналъ отъ одного изъ своихъ офицеровъ, посланныхъ имъ къ маршалу, что аррьергардъ разсѣянъ непріателемъ, что самъ маршалъ съ горстью солдатъ скрылся гдѣ-то въ лѣсахъ. Съ этого момента Мюрать такъ ускорилъ свое бѣгство, что прискакалъ въ Кенигсбергъ одинъ изъ первыхъ **). Вслѣдъ за нимъ пришли въ старую столицу Пруссіи вооруженные остатки великой арміи. То были 450 пѣшихъ солдатъ старой гвардіи и 600 конныхъ. Отъ молодой гвардіи не осталось и слѣдовъ. Въ остальныхъ корпусахъ великой арміи уцѣлѣло лишь по нѣсколько офицеровъ и солдатъ, сопровождавшихъ знамена. Вся артиллерія великой арміи, дотащившаяся до Кенигсберга, состояла изъ девяти орудій ***). Вслѣдъ за вооруженными начали приходить въ городъ толпы безоружныхъ и отсталыхъ. Одинъ видъ этихъ страшилищъ, одѣтыхъ въ самые невѣроятные костюмы и страшныя лохмотья, вызывалъ ужасъ и отвращеніе. Почти всѣ они съ трудомъ передвигали ноги, у многихъ были отморожены члены тѣла и лице. Казалось, что всѣ они обречены были на смерть и что ихъ летворное вліяніе распространяетъ повсюду заразу и гибель. Вездѣ, куда ни приходили эти несчастные, приносили они съ собою ядовитыя міазмы. Госпитали въ Кенигсбергѣ и другихъ городахъ Пруссіи быстро наполнялись больными и умирающими. Въ одномъ Кенигсбергѣ лежало въ госпиталяхъ около десяти тысячъ солдатъ. Тифъ свирѣпствовалъ между ними съ неслыханною силою. Почти всѣ, пораженные имъ, дѣлались жертвами смерти. Отъ солдатъ и изъ госпиталей зараза бы-

*) Souvenirs du General Dumas. T. II, стр. 484.

**) Fezenzac, Souvenirs Militaires, стр. 368.

***) Шамбре. Т. III, стр. 138.

стро распространялась среди населенія. Повсюду процентъ заболѣванія и смертности былъ самый ужасный. Никогда холера и чума не производили такихъ повальныхъ опустошеній. Вездѣ по пути бѣгства великой арміи свирѣпствовалъ этотъ страшный бичъ, не было недостатка и въ благородныхъ жертвахъ. Генералы — Ларибуссеръ и Эбле, герои Березинской переправы, сдѣлались жертвами эпидеміи. Погибли всѣ понтоны, строившіе мосты черезъ страшную для французовъ рѣку, за исключеніемъ двѣнадцати человекъ. Лишь немногіе счастливцы переносили страшную болѣзнь; въ числѣ ихъ былъ и знаменитый докторъ великой арміи, Ларрей, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ проводившій цѣлые дни въ госпиталяхъ.

Оставшіеся въ живыхъ и не тронутые заразою спѣшили вознаграждать себя за невѣроятныя лишенія и страданія похода. Ресторации и кофейни Кенигсберга не могли удовлетворить жадности потребителей. Лавки, особенно съ припасами, подвергались настоящей осадѣ. Въ гостиницахъ и на постоянныхъ дворахъ невозможно было найти пріюта даже за большія деньги. Офицеры проводили дни и ночи за столомъ. Многіе изъ нихъ дѣлались жертвами своей неумѣренности. Въ Кенигсбергѣ осталась послѣдняя часть Московской добычи. Ея было еще такъ много, что на покупку ея пошли почти всѣ наличныя деньги Кенигсберцевъ *). Въ то время какъ солдаты и офицеры, уцѣлѣвшіе отъ непримѣрнаго погрома великой арміи, или умирали въ госпиталяхъ, или спѣшили сбыть свою послѣднюю добычу, Мюратъ и оставшіеся при немъ генералы подводили итогъ страшнымъ потерямъ арміи и пытались организовать новую вооруженную силу изъ ея жалкихъ остатковъ и изъ свѣжихъ войскъ, оставленныхъ въ предѣлахъ герцогства Варшавскаго и Пруссіи. Назначены были сборные пункты для всѣхъ армейскихъ корпусовъ, приняты самыя строгія мѣры противъ всѣхъ уклонявшихся отъ возвращенія въ ряды **). Результатъ всѣхъ этихъ усилій былъ, однакоже, самый неутѣшительный. Какой-нибудь десятокъ тысячъ

*) Fezenzac, Souvenirs Militaires, стр. 368.

***) Объ этихъ мѣрахъ см. Шамбре. Т. III, стр. 139—140 и Фезензакъ, стр. 368—369.

человѣкъ,—не болѣе, изъ всей громадной арміи Наполеона, въ томъ числѣ, правда, весьма значительное количество офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, могли стать вновь въ ряды; все остальное или погибло, или находилось въ плѣну у русскихъ.

Никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ начало сознавать себя человѣчество, исторія не заносила на свои страницы ничего, что могло-бы уподобиться великой катастрофѣ 1812 года. Наполеонъ ввелъ съ собою въ предѣлы Россіи около 640,000 человекъ *), изъ этого числа ушло обратно за Вислу, считая въ томъ числѣ вспомогательные корпуса австрійцевъ, пруссаковъ и саксонцевъ, около 80,000; все остальное, около 560,000, сдѣлалось жертвою похода. И какую жертвою? Полагаютъ, что около 190,000 человекъ были взяты въ плѣнъ; но можно сказать утвердительно, что изъ этого количества сдѣлалось жертвою болѣзней и лишеній всякаго рода по-крайней мѣрѣ половина. 370,000 погибли отъ меча, голода, мороза, болѣзней, усталости. Въ сравненіи съ этими ужасными результатами блѣднѣютъ потери, причипенныя всѣми другими войнами.

Что-же было причиною такой безпримѣрной въ лѣтоисяхъ исторіи катастрофы? Слѣдуетъ-ли искать ее въ однихъ ошибкахъ Наполеона, или-же необходимо въ ней усматривать дѣйствіе иныхъ болѣе высшихъ, нечеловѣческихъ силъ? Такая постановка вопроса не существуетъ, разумѣется, для историка, пытающагося объяснить все причинами естественными, не видящаго, не признающаго въ дѣлахъ человѣческихъ ничего кромѣ человѣческаго. Но существуетъ и иная, болѣе высшая точка зрѣнія. Не одни личности единичныя, не одни темныя массы народа шептали тогда въ священномъ ужасѣ: „пѣтъ, это не дѣло рукъ человѣческихъ, это дѣло Самого Всевышняго“. Такою-же мыслью высказывала и наиболее развитая, лучшая часть европейскаго человѣчества. Судь Божій на ледяныхъ поляхъ положилъ предѣлъ грубому, пошлomu невѣрію, охватившему своими волнами всю Европу еще со времени Воль-

*) Шамбре такъ опредѣляетъ количество войскъ Наполеона передъ началомъ войны: 491,953 ч. пѣхоты, 96,579 ч. кавалеріи, 21,526 ч. артиллеріи. Итого 610,038 ч. Къ нимъ присоединились еще 37,100 ч. Число лошадей доходило до 187,121.

тера и особенно великой революціи. Поклоненіе грубой физической силѣ, презрѣніе ко всему идеальному, высшему, божественному, потерпѣло вмѣстѣ съ Наполеономъ смертельный ударъ на снѣжныхъ поляхъ Россіи. Наполеонъ былъ долгое время кумиромъ европейскаго человѣчества; онъ замѣнилъ для него мѣсто христіанскаго Бога, онъ свергнулъ съ алтаря республиканскую богиню разума. И все толпилось у подножія трона этого страшнаго мнимаго бога, все ожидало отъ него спасенія и жизни. Но ожиданія не оправдались! Владычество всемогущаго императора повергло европейское человѣчество въ бездну неслыханнаго несчастія. Достояніе цѣлыхъ націй приносилось въ жертву ненасытной алчности безконтрольнаго повелителя. Войны, одна чудовищнѣе другой, вспыхивали по его мановенію. Онъ гналъ на поля битвъ цѣлыя поколѣнія, цвѣтъ европейскихъ народовъ. „Я могу расходовать въ мѣсяць“, говорилъ онъ своимъ покорнымъ, трепещущимъ вассаламъ, „по 25000 солдатъ“ *). И онъ расходовалъ, и расходовалъ безъ конца. Но въ его дѣлахъ было что-то другое, болѣе ужасное, болѣе демоническое, нежели это чудовищное кровопролитіе. Онъ выступалъ поборникомъ революціонной идеи равенства, онъ хотѣлъ нивелировать европейское человѣчество, сгладить всѣ различія между классами и націями Европы,—различія, созданныя природою и исторіею. Онъ не признавалъ народности, какъ не признавалъ религій, хотя и пользовался тою и другою идеею для достиженія своихъ ужасныхъ цѣлей. Онъ возстановлялъ католичество во Франціи, но старался превратить его въ тоже время въ чисто полицейское учрежденіе. Онъ льстилъ самымъ дурнымъ инстинктамъ французамъ и толковалъ при случаѣ о славной и великой націи; но въ душѣ онъ относился къ французской націи съ такимъ-же глубокимъ презрѣніемъ, какъ и ко всѣмъ остальнымъ. „Мы возможно управлять лишь тѣмъ способомъ, какой примѣняю я“, говорилъ онъ императору Александру,—„желѣзною палкою“. Идеи свободы, научной истины, гуманности были столь-же ненавистны Напо-

*) Такъ говорилъ онъ своему союзнику, королю Саксонскому, передъ отъѣздомъ въ Россію, когда тотъ замѣтилъ ему, что предстоящая война поглотитъ, вѣроятно, много жертвъ.

леону, какъ идеи религіи и національности. Онъ гналъ и преслѣдовалъ ихъ повсюду, какъ пустую и вредную идеологию.

Но никто не посягалъ еще безнаказанно на лучшую, идеальную часть человѣческаго достоинства. Чѣмъ чудовищнѣе развивался деспотизмъ Наполеона, чѣмъ безжалостнѣе топталъ онъ погами все, что привыкло чтить сердце человѣческое, тѣмъ съ большею силою пробуждались въ терзаемыхъ имъ милліонахъ неискоренимыя чувства религіи и народности. Вѣра въ Бога начала пробуждаться по мѣрѣ того, какъ падала и исчезала вѣра во все человѣческое. Люди перестали философствовать и начали вновь молиться. Любовь къ народности пробудилась съ неодолимою силою съ того момента, когда великій повелитель осудилъ на уничтоженіе самую ея идею. Религіозно-народное настроеніе сдѣлалось вдругъ преобладающимъ, господствующимъ и въ массахъ, и въ ея вождяхъ *).

Въ самый моментъ этого возрожденія, вышедшаго изъ глубины небывалаго, всеобщаго бѣдствія, Наполеонъ задумалъ свое предпріятіе на Россію. Этотъ походъ долженъ былъ подвинуть далеко впередъ покореніе міра, онъ долженъ былъ довершить завоеваніе Европы и создать базу для подчиненія Азіи, для сокрушенія могущества Великобританіи. Наполеонъ хорошо разсчиталъ всѣ шансы своего гигантскаго предпріятія; онъ ошибся лишь въ двухъ отношеніяхъ: въ характерѣ императора Александра и въ характерѣ народа русскаго. Онъ считалъ Александра человѣкомъ ловкимъ, хитрымъ, но въ тоже время слабымъ и матеріалистомъ. Онъ не сумѣлъ подмѣтить идеальныхъ основъ характера своего противника; онъ не подозрѣвалъ, что ему приходится имѣть дѣло съ идеологомъ самаго опаснаго свойства **). Онъ никогда не думалъ, что этотъ „великій актеръ“ сумѣетъ почерпнуть неизсякаемыя силы изъ глубины своего собственнаго я. Наполеонъ хорошо

*) Религіозно-народное настроеніе пробудилось одновременно и съ одинаковою силою, хотя и въ различныхъ формахъ, и въ Испаніи, и въ Сѣверной Германіи въ то самое время, когда Наполеонъ уничтожалъ монархіи Карла V и Фридриха Великаго и отсылалъ римскаго епископа папшиномъ во Францію.

***) Подъ идеологами Наполеонъ понималъ всѣхъ тѣхъ людей, которые руководились не эгоизмомъ, а какими-бы то ни было принципами и нравственными идеями.

понялъ, что Александръ въ эпоху Тильзита и Эрфурта былъ вольнодумцемъ и поборникомъ идей просвѣтителей-революціонеровъ; но онъ не замѣтилъ, да и не могъ замѣтить, что это волюндумство вовсе не исключало въ Александрѣ возможности крутаго и рѣзкаго поворота совершенно въ иную сторону. Наполеонъ рассчитывалъ сломить сопротивление императора русскаго двумя, тремя энергическими ударами; онъ никогда не думалъ, что самая глубина несчастія можетъ вызвать въ душѣ его противника непреодолимая нравственные силы; онъ отвернулся-бы съ усмѣшкою невѣрія, если-бы ктонибудь сказалъ ему, что силы эти дасть Александру религія. Вотъ почему Наполеонъ относился съ такимъ недоувѣріемъ къ стойкости Александра, вотъ почему онъ ждалъ отъ него такъ долго и упорно покорности и мирныхъ предложеній. Когда-же эти ожиданія не сбылись, когда Александръ обнаружилъ дѣйствительно небывалую стойкость, когда ни взятіе Смоленска, ни пораженіе при Бородинѣ, ни сдача и пожаръ Москвы, не могли сломить энергіи императора: тогда Наполеонъ началъ искать причинъ такого непонятнаго для него явленія въ обстоятельствахъ и вліяніяхъ чисто внѣшнихъ, и прежде всего въ интригахъ, проискахъ и подкупахъ англичанъ. Англичане подкупили приближенныхъ и министровъ Александра, они-же подожгли Москву, они запутали окончательно въ своихъ сѣтяхъ русскаго царя и зажгли въ сердцѣ его непримиримую ненависть къ прежнему союзнику и другу *).

Что касается русскаго народа, то Наполеонъ ошибался въ его характерѣ уже по той простой причинѣ, что онъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть никакого правильнаго представленія объ этомъ народѣ. Наполеонъ зналъ, что высшіе классы русскаго общества говорятъ и думаютъ по-французски, что они заражены до мозга костей вольтеріанствомъ и атеизмомъ; онъ зналъ далѣе, что въ Россіи нѣтъ вовсе третьяго класса, что мѣсто его занимаетъ сословіе чиновниковъ и мелкихъ дворянъ; онъ слышалъ, наконецъ, что масса русскаго населенія томится подъ

*) Мысль о подкупахъ и интригахъ англичанъ сдѣлалась, наконецъ, у Наполеона настоящею *idée fixe*; въ ней одной готовъ онъ былъ видѣть причины всѣхъ своихъ неудачъ и несчастій.

тяжелымъ ярмомъ крѣпостнаго рабства, что она пресмыкается въ грубомъ невѣжествѣ и дикомъ суевѣрїи. Зная все это, Наполеонъ былъ глубоко убѣжденъ, что его вторженіе въ Россію потрясетъ всѣ основы русскаго общества и вызоветъ тамъ полный соціальный переворотъ. Онъ полагалъ, что его вторженіе вызоветъ прежде всего глубокую рознь между сословіями, что въ средѣ знатныхъ фамилій вайдутся въ случаѣ надобности такія, которыя не прочь будутъ занять при его содѣйствїи мѣсто царствующей династіи, что они будутъ рукоплескать раздробленію имперїи и возстановленію удѣльнаго порядка. Считая высшій классъ русскаго общества неспособнымъ къ какому-бы то ни было порывамъ патріотизма, Наполеонъ думалъ въ тоже время привлечь на свою сторону массу обѣщаніемъ свободы, уничтоженіемъ крѣпостнаго рабства. Наполеонъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о тѣхъ нравственныхъ силахъ, которыя составляли всю внутреннѣйшую сущность жизни русскаго простонародья. Онъ не зналъ, что для русскаго крѣпостнаго мужика существовали болѣе высокіе жизненные моменты, нежели грубое суевѣріе и тупая ненависть къ барамъ. Онъ не подозрѣвалъ той глубины живаго религіознаго чувства, которое проникало cadaго сѣраго человѣка на Руси; онъ не зналъ, въ какой неразрывной связи находится это чувство съ неискоренимою привязанностью къ родному, русскому, съ восторженною преданностью къ русскому царю, въ лицѣ котораго народъ чтилъ не только воплощеніе самого себя, но и верховнаго представителя Самого Бога на землѣ. Наполеонъ могъ-бы собрать свѣдѣнія объ этихъ существеннѣйшихъ свойствахъ русской массы, онъ могъ догадываться, заключать о нихъ изъ поучительнаго примѣра Испанїи; но императоръ собиралъ свои свѣдѣнія о Россїи и русскомъ народѣ изъ самыхъ мутныхъ и пристрастныхъ источниковъ. Его агенты высшаго и низшаго разбора могли давать ему лишь поверхностныя свѣдѣнія о высшихъ и столичныхъ сферахъ; а поляки, изъ среды которыхъ выходили его безчисленные шїоны, были самыя плохіе судьи о русскомъ простонародьѣ. Для поляковъ русскіе крѣпостные мужики были тѣ-же польскіе хлопы, вся внутренняя жизнь которыхъ исчерпывалась, дѣйствительно, грубымъ суевѣріемъ

и тупою ненавистью къ панамъ, въ которыхъ все было извращено и убито вѣковымъ рабствомъ, двойною эксплуатаціе пановъ и жидовъ. Такихъ хлоповъ можно было дѣйствительно привлечь на свою сторону обѣщаніемъ свободы; и поляки успѣли увѣрить Наполеона, что русскіе мужики—полнѣйшее подобіе польскихъ хлоповъ.

И такъ Наполеонъ двинулся на Россію, заблуждаясь вполне и на счетъ характера русскаго императора, и на счетъ характера русскаго народа. Онъ шелъ въ глубокомъ убѣжденіи, что на его сторонѣ не одно только чисто военное, но и нравственное превосходство. Онъ былъ увѣренъ, что вооруженныя силы Россіи не устоятъ предъ его гениемъ и предъ его страшными полчищами, а за устраненіемъ, за истребленіемъ этихъ силъ, онъ не видѣлъ въ Россіи никакихъ иныхъ элементовъ, способныхъ оказывать ему дальнѣйшее сопротивление. Всѣ дальнѣйшія военныя и политическія ошибки Наполеона вытекали сами собою изъ этихъ основныхъ заблужденій, являлись ихъ прямыми и естественными слѣдствіями. Наполеонъ ввелъ въ Россію такія колоссальныя полчища, именно потому, что онъ надѣялся покончить войну однимъ ударомъ, сломить въ двѣ, три недѣли упорство слабохарактернаго Александра. Когда этотъ первый расчетъ не удался, когда русскія арміи успѣли ускользнуть отъ погрома, Наполеонъ смѣло двинулся въ глубину Россіи, полагая, что занятіе древней столицы потрясетъ до глубины души Александра, рассчитывая, что русскій народъ массами повалитъ за нимъ, увлекаемый обѣщанною свободою и щедрою раздачею фальшивыхъ ассигнацій. Вступая въ Россію, Наполеонъ не принялъ кромѣ этихъ ровно никакихъ другихъ мѣръ для привлеченія на свою сторону русскаго простонародья; напротивъ онъ дѣлалъ все, чтобы возстановить противъ себя этотъ народъ, чтобы озлобить, довести его до изступленія. Собралъ свои разноплеменные полчища со всѣхъ концовъ Европы, включивъ даже въ составъ своего войска тысячи штрафованныхъ и преступниковъ *), онъ ни мало не заботился объ установленіи и поддержаніи въ ихъ

*) Вся дивизія Дюрутта, входившая въ составъ 7-го армейскаго корпуса, состояла изъ штрафованныхъ солдатъ.

средѣ строгой, неумолимой дисциплины. Дикій безпорядокъ, хищническіе инстинкты распространены были въ великой арміи еще до начала кампаніи. Еще до вступленія въ предѣлы Россіи, разноплеменные воины Наполеона свирѣпствовали, подобно татарамъ, въ дружественныхъ, союзныхъ странахъ; уже тогда привыкли они жить на счетъ проходимои ими страны, предаваться безнаказанно грабежу и мародерству. Ворвавшись въ Россію, полчища Наполеона дали полную волю своимъ буйнымъ, разбойническимъ инстинктамъ. Уже въ Литвѣ довели они до отчаянія мирное, апатическое населеніе края своими грабежами и неистовствомъ. Наполеонъ, увѣренный въ скоромъ окончаніи кампаніи, не принималъ никакихъ серьезныхъ мѣръ противъ возростающаго зла, смотрѣлъ съ равнодушіемъ, какъ цѣлая половина его арміи превратилась въ разбойниковъ и мародеровъ. Безпорядокъ въ средѣ арміи, грабежи и неистовства возросли до высшей степени, когда Наполеонъ вступилъ въ старо-русскія области, гдѣ населеніе, отвыкшее уже давно отъ непріятельскихъ нашествій, встрѣтило его и безъ того съ ненавистью и ужасомъ. Народъ повсюду бѣжалъ отъ французовъ, а Наполеонъ вмѣсто того, чтобы успокоить населеніе, не только позволялъ своимъ солдатамъ грабить и жечь города, деревни, мѣстечки, но и ругаться самымъ возмутительнымъ образомъ надъ народною русскою святынею. Грабежъ, истребленіе, жестокости, святотатство росли съ страшною быстротою по мѣрѣ того, какъ непріятельскія полчища подвигались далѣе въ глубь Россіи. Они достигли своего апогея въ Москвѣ, гдѣ ужаснѣйшіе примѣры самого возмутительнаго и безсмысленнаго святотатства подавали солдатамъ маршалы, генералы и самъ императоръ. Самый пожаръ Москвы, имѣющій такое роковое значеніе въ исторіи этой войны, никогда бы не принялъ такихъ колоссальныхъ, всепожирающихъ размѣровъ, если бы въ арміи Наполеона оставалась еще какая-нибудь дисциплина. Наполеонъ продолжалъ жить своими иллюзіями и заблужденіями до тѣхъ поръ, пока возрастающее озлобленіе русскаго народа и неожиданная твердость императора Александра не открыли ему наконецъ глаза. Но было уже поздно! Страшныя силы, съ которыми нахлынулъ онъ на

Россію, растаяли уже въ то время на половину. Наполеонъ знаетъ хорошо это самъ, а наступающая зима внушала ему самыя мрачныя опасенія. Ни о чемъ онъ не говорилъ въ то время такъ подробно и обстоятельно въ своихъ бюллетеняхъ, какъ о теплой, прекрасной погодѣ. Но понимая и видя все, Наполеонъ продолжалъ обманывать себя въ одномъ важнѣйшемъ вопросѣ. Онъ уже пересталъ рассчитывать на возмущеніе русскихъ крѣпостныхъ противъ своихъ господъ, на разложеніе русскаго общества; пожаръ Москвы и страшная народная война, кипѣвшая вокругъ его, показали ему уже ясно, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Но онъ продолжалъ еще заблуждаться на счетъ характера императора Александра, — и въ силу этого заблужденія сдѣлалъ, быть можетъ, величайшую ошибку въ своей жизни. Не дождавшись мирныхъ предложеній со стороны русскаго государя, онъ задумалъ самъ протянуть ему руку примиренія въ качествѣ великодушнаго побѣдителя. Ему казалось, что старый знакомый Тильзита и Эрфурта растаетъ, какъ воскъ передъ огнемъ, передъ его ласковымъ словомъ; что онъ ждетъ только перваго шага съ его стороны, чтобы возобновить старую дружбу. Александръ остался глухъ къ словамъ и просьбамъ всесильнаго обольстителя, и съ этого момента участь Наполеона была рѣшена. Потрясенный невѣроятною, невысказанною неудачею, Наполеонъ теряетъ равновѣсіе духа, никогда не покидавшее его въ прежнее время. Его гений какъ-будто оскудѣваетъ, а взглядъ, прежде столь ясный и безошибочный, меркнетъ и ослабѣваетъ. И онъ начинаетъ колебаться, впадать въ ошибки одну за другой. Онъ разрушаетъ стѣны священнаго кремля и еще усиливаетъ этимъ звѣрскимъ дѣломъ противъ себя и безъ того уже страшную ненависть русскихъ. Онъ тащитъ съ собою изъ Москвы колоссальную добычу и осуждаетъ тѣмъ свою армію на медленность и неповоротливость, когда все спасеніе зависѣло отъ быстроты и подвижности. Онъ думаетъ обмануть Кутузова сложными и искусственными маневрами, но опускаетъ тѣмъ драгоценное время и даетъ противнику возможность предупредить его въ Малоярославцѣ. Еще разъ открывается передъ нимъ спасительная возможность, но онъ опускаетъ ее въ какомъ-то не-

понятномъ ослѣпленіи. Кутузовъ открываетъ ему путь въ Калугу, а онъ поворачиваетъ на старую Смоленскую дорогу, добровольно ведетъ свою армію въ страшную, безславную могилу. Его геній вспыхиваетъ еще по временамъ яркимъ и ослѣпительнымъ блескомъ; на поляхъ Краснаго, на берегахъ Березины онъ является вновь величайшимъ мастеромъ военнаго искусства; но неутомимое преслѣдованіе раздраженнаго непріятеля и озлобленной народной массы, враждебныя стихіи и возрастающій беспорядокъ въ собственной арміи берутъ верхъ надъ отчаянными усиліями его военнаго генія. Онъ отказывается отъ надежды остановиться въ Смоленскѣ, стать твердою ногою на Двинѣ и угрожать Петербургу, онъ теряетъ вѣру въ возможность спасти свою армію, онъ думаетъ лишь о собственномъ спасеніи, ради его напрягаетъ онъ послѣднія силы своихъ умирающихъ солдатъ. Онъ достигаетъ этой чисто личной цѣли, но его „великая армія“ исчезаетъ съ лица земли.

Историкъ, не преслѣдующій иныхъ цѣлей кромѣ истины, но привыкшій отводить въ тоже время первое мѣсто моментамъ чисто нравственнымъ, идеальнымъ, никогда не будетъ колебаться на счетъ дѣйствительныхъ причинъ катастрофы, постигшей Наполеона въ 1812 году. Такой историкъ отнесется съ должнымъ уваженіемъ къ мнѣнію лицъ компетентныхъ въ сферѣ военной науки. Онъ согласится съ Клаузевицомъ, что время и пространство играли выдающуюся роль въ кампаніи 1812 года; онъ скажетъ вмѣстѣ съ Берпгарди, что Наполеонъ сдѣлалъ страшную ошибку подъ Бородинымъ, не пустивши въ дѣло свои послѣдніе резервы, старую гвардію, не довершивши пораженія русской арміи; онъ допуститъ вмѣстѣ съ другими писателями, что пожаръ Москвы, флапговое движеніе Кутузова съ Рязанской на Калужскую дорогу и многія другія, подробно разобранныя нами въ свое время, обстоятельства, способствовали гибели великой арміи, но онъ не усмотритъ ни въ одномъ изъ этихъ моментовъ первенствующаго значенія, а всецѣло припишетъ его тѣмъ двумъ основнымъ причинамъ, на которыя указано нами выше.

Народъ и царь русскіе лишь потому устояли въ безпримѣрной борьбѣ съ непобѣдимымъ, лишь потому могли испровер-

гнуть его съ высоты величія, что въ рѣшительный моментъ они оказались сильнѣе его духомъ. Они ополчились противъ всесильнаго завоевателя во имя религіи и народности; они вступили въ борьбу съ твердымъ упованіемъ на помощь Всевышняго. И это упованіе не обмануло ихъ. Помощь Всемогущаго спасла ихъ вопреки всѣмъ громаднымъ преимуществамъ противника, вопреки ихъ собственной розни, ихъ временному ослѣпленію и малодушію. Государь имѣлъ неосторожность довѣриться въ самомъ началѣ войны смѣшному педанту Фулю, но педантизмъ жалкаго теоретика заставилъ насъ вступить вопреки нашей волѣ на единственно спасительный путь отступленія. Безумные слѣпцы вопили противъ измѣны осторожнаго Барклая, но непоколебимая твердость этого вождя спасла насъ отъ неизбежной катастрофы и сохранила отъ гибели нашу армію. Безумство общественнаго мнѣнія заставило Кутузова отважиться на неравный Бородинскій бой,—и Наполеонъ, къ удивленію всѣхъ знавшихъ его, не обнаружилъ въ этомъ роковомъ сраженіи своей обычной рѣшимости. Мы оплакивали потерю и сожженіе Москвы, какъ величайшее національное несчастіе, а между тѣмъ въ этомъ несчастіи заключалось спасеніе наше и цѣлаго міра. Мы негодовали на медленность Кутузова, но эта медленность дала намъ возможность явиться на нашей западной границѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Во всю кампанію мы ждали спасенія отъ искусственныхъ плановъ нашихъ стратеговъ, но спасеніе это совершилось помимо и нерѣдко вопреки этимъ планамъ.

Громадное большинство людей той славной и страшной эпохи отнеслось къ небывалой катастрофѣ именно также, какъ будетъ смотрѣть на нее историкъ будущаго. Когда слухъ о гибели Наполеоновыхъ полчищъ пронесся по освобожденной Россіи и изнывающей еще подъ игомъ рабства Европѣ, то одна общая мысль мелькнула въ умахъ всѣхъ, сильныхъ и слабыхъ, образованныхъ и простыхъ: „Нѣтъ это не дѣло рукъ человѣческихъ, а дѣло Всемогущаго, это судъ Божій, а не судъ человѣческой; не силами человѣческими, а силами небесными побѣжденъ непобѣдимый, ниспровергнутъ тиранъ и мучитель изнывающаго человѣчества“. Остановимся-же подроб-

нѣе на существеннѣйшей части нашей задачи. Посмотримъ, какое впечатлѣнiе произвели событiя второй половины кампанiи на умы современниковъ, какъ отразилось влiянiе суда Божiя на ледяныхъ поляхъ въ душѣ императора Александра,—въ душѣ, очищенной уже несчастьемъ и освѣщенной яркимъ лучемъ Божественной истины.

В. Хадлеръ.

(Продолженiе будетъ).

.

С Л О В О

въ день памяти св. великомученицы Екатерины и Меркурія, св. мученицы парицы Августы и Меркурія Смоленскаго *).

Примите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день мотъ, и вся содѣяше стати. (Ефес. VI, 13).

Великъ сонмъ свѣтлыхъ и добропобѣдныхъ христіанскихъ мучениковъ. Кровью ихъ Церковь украсилась какъ порфиною и виссономъ. Не много дней въ церковномъ году, чтобы не прославлялась память какого-либо св. мученика, или мученицы. Такъ и нынѣ Церковь воспоминаетъ четверицу мучениковъ: св. великомученицу Екатерину и Меркурія, св. мученицу царицу Августу и Меркурія Смоленскаго, прославляя ихъ, какъ *добрыхъ воиновъ Иисуса-Христовыхъ, пребывшихъ вѣрными Господу даже до смерти* и получившихъ отъ Него *вѣнцы побѣдныя*.

Читая сказанія о подвигахъ св. мучениковъ, невольно проникаешься благоговѣйнымъ изумленіемъ къ нимъ. Смотришь-ли на самое вступленіе ихъ въ подвигъ и предварительныя истязанія, и не знаешь, чему болѣе дивиться, богатству-ли ихъ кротости, или силѣ ихъ дерзновенія. Представляешь-ли себѣ прельщенія, угрозы и самыя разнообразныя мученія изобрѣтательной злобы, приходишь въ трепетъ предъ непобѣдимымъ безстрашіемъ и мужествомъ. Присутствуешь-ли мысленно при

*) Прознесено въ церкви 1-го Московскаго кадетскаго корпуса.

концѣ подвига, — невольно преклоняешься предъ этою неистощимостію силъ, предъ непоколебимымъ терпѣніемъ и постоянствомъ.

Откуда, спрашивается, брали силу мученики и исповѣдники Христовы съ такимъ терпѣніемъ и мужествомъ переносить столь жестокія мученія? Что возбуждало и подкрѣпляло ихъ въ столь великихъ подвигахъ? Простое, безотчетное одушевленіе новою вѣрою? Но мы знаемъ, какъ непрочна и ненадежна религіозное возбужденіе безъ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій и правилъ, — знаемъ и то, что на сторонѣ гонителей первыхъ христіанъ были сложившіяся вѣками, твердо усвоенныя и обнимавшія всѣ стороны быта вѣрованія языческія. — Живость чувства первыхъ послѣдователей христіанства? Но намъ извѣстно, что такъ называемая религія сердца даетъ одинъ пустоцвѣтъ и не приводитъ къ совершенію великихъ дѣлъ; извѣстно и то, что противъ энтузіазма первыхъ христіанъ былъ ярый фанатизмъ язычниковъ, вооруженный огнемъ и мечомъ, опиравшійся на науку и литературу. — Примѣръ другихъ, самыхъ первыхъ мучениковъ? Но не видимъ-ли, какъ нерѣдко въ обществахъ — сплошь христіанскихъ и давно уже именующихся таковыми, при отсутствіи гоненій за вѣру, безъ всякихъ видимыхъ причинъ и поводовъ измѣняютъ вѣрѣ, а во времена мучениковъ язычниковъ было еще несравненно болѣе, чѣмъ христіанъ; гордый Римъ и ученая Греція поклонялись еще идоламъ, и христіане во всякомъ случаѣ должны были идти противъ общаго примѣра. Такъ поверхностный взглядъ на дѣло оазывается недостаточнымъ для объясненія подвиговъ св. мучениковъ. Эти воображаемыя причины доблести мучениковъ могутъ имѣть мѣсто во всякой другой религіи, но однакъ онѣ нигдѣ и никогда не произвели такихъ дѣйствій, какія мы видимъ въ одномъ христіанствѣ. Остается предположить другой, болѣе глубокой и неистощимый источникъ силъ, проявившихся въ мученическихъ подвигахъ, а не тотъ, которымъ любятъ объяснять великія явленія христіанскаго духа приверженцы такъ называемыхъ естественныхъ причинъ.

Братія христіане! Въ нынѣшнемъ апостольскомъ чтеніи св. Церковь напоминаетъ намъ о подражаніи св. мученикамъ,

внушая, что и жизнь каждаго христіанина есть неизбѣжная и неустанная борьба со врагами спасенія, что въ ней, особенно въ важныя ея минуты—*въ день мотъ*, требуется напряженіе всѣхъ силъ и употребленіе всѣхъ спасительныхъ средствъ, доступныхъ христіанину. Поучимся же у славныхъ и добродѣльныхъ мучениковъ, гдѣ находятъ эти силы и средства и какъ располагать ими, *чтобы имѣть возможность противустать въ день злой и, все преодолѣвъ, устоять.*

Хотя нынѣ нѣтъ открытыхъ гоненій за религіозныя убѣжденія, хотя каждый можетъ свободно исповѣдовать христіанскую вѣру, но однакожь скажемъ-ли, что и нынѣ не можетъ постигнуть христіанина *день мотъ*. Онъ можетъ быть для него, какъ для члена Церкви, общества, государства, и какъ тяжелое, опасное стеченіе событій въ личной его жизни. Если напимѣръ распространяется невѣріе и нечестіе, если глумятся надъ истинами вѣры, надъ ея святынею и служителями, клеветуютъ на православіе, возбуждаютъ различныя сомнѣнія касательно его истинности и спасительности, то не есть-ли это тяжелое испытаніе для христіанина? Не подвергается-ли онъ опасности остаться одинокимъ или въ числѣ немногихъ и послужить предметомъ укоризнъ и насмѣшекъ за свое несочувствіе хулителямъ? Не грозитъ-ли это ему постепенною утратою религіозныхъ убѣжденій и даже совершеннымъ охлажденіемъ къ вѣрѣ? Если распространяются пороки и развращеніе, если господствуетъ въ обществѣ смѣшеніе нравственныхъ понятій, когда обѣляются гнусныя преступленія и пороки, придумываются для нихъ невинныя названія, изыскиваются мнимо-естественныя объясненія, то—требованіями природы, то—житейскаго благоразумія, когда инья изъ нихъ возводятся даже въ добродѣтель, чуть не въ подвигъ,—какъ тогда долженъ чувствовать себя истинный христіанинъ, какой мракъ, какая мгла должны окружать его, и легко-ли ему пребывать въ этой атмосферѣ? Если возникаютъ опасности для государства, для его цѣлости и самобытности, если появляются въ немъ нестроенія и междуусобія, если расхищаются и пропадаютъ втупѣ благіе плоды, прибрѣтенные кровію лучшихъ гражданъ, если *совѣтъ нечестивыхъ дерзновенно возстаетъ на пограніе власти*

Богомъ установленная,—то не есть-ли это по истинѣ *лютый день* для вѣрнаго сына Церкви и отечества? А сколько *лютыхъ* дней можетъ быть въ личной, частной жизни христіанина? Лишенія, бѣды, напасти, прираженія злой клеветы, разрывъ дорогихъ связей, цѣлый рядъ жизненныхъ испытаній и несчастій,—развѣ они не способны возмущать духъ христіанина и даже подвергать опасности его душевное состояніе? Но что все это въ сравненіи съ тѣмъ *лютымъ днемъ*, когда внезапно найдетъ на насъ страшный часъ смерти! Какъ много нужно охраны христіанину, чтобы смерть его не была *лута* и могла провести безопасно чрезъ *всю митарства лютаго міродержца къ тихому и блаженному пристанищу!*

Побѣдоносно выдти изъ столь тяжелыхъ испытаній христіанія можетъ однимъ путемъ, тѣмъ самымъ, какимъ вышли и св. мученики; найти силы и оружія для этой борьбы можетъ только тамъ, гдѣ и они находили. Прежде чѣмъ принять жребій мученической смерти за Христа, св. мученики пережили всѣ тѣ подготовительныя степеня испытаній, которыя для насъ наиболѣе удобоподражаемы въ ихъ подвигахъ. Эти испытанія перѣдко были для нихъ такъ тяжелы, что они нетерпѣливо желали и ждали смерти со всеѣми ея ужасами, какъ скорого избавленія отъ прискорбной необходимости жить въ *мірѣ неотркомъ и развращенномъ*. Злостраданія въ ихъ частной, личной жизни были тѣмъ тяжелѣе, что перѣдко въ лицѣ самыхъ близкихъ родныхъ они должны были видѣть ожесточенныхъ враговъ по вѣрѣ, что помимо своей тяжкой участи должны были терзаться душою за духовную гибель своихъ присныхъ. Всему этому однакожъ они противустали и, все преодолевъ, устояли. Почему? Потому что сильны были, по слову апостола, *оружіями Божиими*, потому, что *облеклись въ броню правды, препоясали чресла своя истиною, покрылись щитомъ вѣры, возложили на главы свои шлемъ спасенія, держали всегда въ рукахъ своихъ и въ сердцѣ мечъ духовный — глаголь Божій* (Ефес. VI, 13—17). Какой вредъ могли нанести имъ клевета и несправедливость, если внутренно они сознавали себя правыми, если имѣли чистую совѣсть и были безупречны во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ? Могла-ли

смутить ихъ ложь язычества, глумленія надъ ихъ убѣжденіями, насмѣшки надъ ихъ святыней, если они владѣли чистою истинною, которую цѣнили и хранили, какъ *драгоценную жемчужину* и которою неизмѣнно руководились во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ?—Какую силу могли имѣть противъ нихъ *всѣ разяженныя стрѣлы лукаваго и усердныхъ его служителей*, если они имѣли вѣру твердую, какъ адамантъ? Что могли сдѣлать противъ ихъ вѣры всѣ усилія ея противниковъ, если они свободно располагали мечемъ *духовнымъ — живымъ и дѣйственнымъ Словомъ Божиимъ, которое проходило въ нихъ до раздѣленія души-же и духа, членовъ-же и мозговъ?* (Евр. IV, 12). Какую власть надъ ними могли имѣть всѣ личныя и родственныя привязанности или утрата оныхъ, лишенія, бѣды, напасти, если они проникнуты были всепобѣждающею любовію ко Христу? Ихъ одушевляла вѣра; но это не было простое, безотчетное одушевленіе. То было состояніе людей *изъ тьмы перешедшихъ къ свѣту*, послѣ всяческой лжи язычества обрѣтшихъ истину; *взамѣнъ шаткихъ и противорѣчивыхъ вѣрованій, воспріявшихъ твердыя и согласныя убѣжденія*; то было состояніе людей *рожденныхъ свыше* (Іоан. III, 3), нашедшихъ въ вѣрѣ полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ духовныхъ потребностей, когда подъ вліяніемъ вѣры претворяется все существо человѣка,—разумъ невольно *плѣняется въ послушаніе ея* (2 Кор. X, 5), сердце желаетъ только того, *еже жити со Христомъ* (Филип. I, 21), воля *соуслаждается Закону Христову* (Рим. VII, 22) и въ немъ одномъ находитъ истинное направленіе къ добру и противовѣсь злу. Удивительно ли, что для нихъ религіозныя убѣжденія были дороже жизни, что, владѣя этимъ *сокровищемъ*, они сознавали себя *правыми* при всѣхъ нападкахъ несправедливости и клеветы, ощущали въ душѣ *миръ* при всѣхъ проявленіяхъ вражды и злобы,—*радость о Дусѣ Святы* (Римл. XIV, 17) при всѣхъ истязаніяхъ и мученіяхъ тѣлесныхъ?—Имъ на самомъ дѣлѣ была присуща живость чувства первыхъ послѣдователей христіанской вѣры; но это чувство не было въ нихъ мимолетной искрой, способной погаснуть при первомъ дуновеніи, но было тѣмъ сильнымъ огнемъ, который при бушующемъ вѣтрѣ по-

лучаетъ еще большую силу и возгарается наконецъ въ неугасимое пламя. Начавшись ровнымъ, спокойнымъ горѣніемъ вѣры и любви къ Богу, получая въ нихъ неистощимую пищу для себя, огонь этотъ сохранялся въ *сотнильникахъ душихъ ихъ* во все время, назначенное для горѣнія, къ концу срока проявляя еще болѣе яркое пламя. То было состояніе людей *тщаніемъ не лънивыхъ, духомъ горящихъ, Господеви работающихъ* (Рим. XII, 11). Удивительно-ли, что противъ нихъ оказались безсильными *всѣ разжесныя стрѣлы лукаваго?*—Ихъ несомнѣнно поддерживалъ и подкрѣплялъ примѣръ *Начальники вѣры* и самыхъ первыхъ его послѣдователей; но это не было той стихійной силой, которая дѣйствуетъ только по закону необходимости, это не было дѣйствіемъ слѣпаго подражанія, которое иногда безотчетно увлекаетъ массы. То было сознательнымъ, строго обдуманномъ и оправданнымъ дѣйствіемъ людей, для которыхъ цѣли были ясны, жертвы вождѣнны, примѣры предшественниковъ священны и достолюбезны. Сладко имъ было страдать за святѣйшее имя Христово и по Его примѣру, потому что и при жизни не было для нихъ ничего выше, какъ исповѣдывать Христа и руководиться Его примѣромъ,—вождѣнно было раздѣлить участь своихъ собратьевъ, потому что и во всю жизнь они *разумѣвали другъ друга только въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ* (Евр. X, 24). Слѣдуя словамъ Спасителя (Мат. X, 23), они не вызывались самовольно на страданія, но иногда благо разумно избѣгали ихъ, постепенно подготавливая себя къ подвигу,—чтобы, когда наконецъ придетъ нештатіе, *день мотъ, имѣтъ возможность всему противустать и, все преодолѣвъ, устоятъ*. Нужны-ли примѣры и доказательства? Для этого намъ нѣтъ нужды изслѣдовать исторію всѣхъ пострадавшихъ за Христа, а достаточно только вспомнить о нѣкоторыхъ подвигахъ прославляемыхъ нынѣ Церковію св. мучениковъ. Вотъ безбожный царь Максиминъ особымъ посланіемъ созываетъ со всей своей области мудрѣйшихъ философовъ и ученыхъ состязаться о вѣрѣ съ св. великомученицею Екатериною. Являются цѣлыхъ пятьдесятъ противниковъ—число, повидимому, не соразмѣрное съ силой сопротивленія, которое могла оказать имъ честная дѣва; одинъ изъ нихъ от-

крыто похваляется, что онъ и его собратія безъ труда загра-
 дятъ уста неопасной противницѣ, чѣмъ преждевременно при-
 водить въ великое веселіе царя. Кто-бы устоялъ противъ столь
 сильныхъ въ глазахъ міра ратоборцевъ? Кто-бы не увлекся
 (не всѣ-же способны вникать въ сущность дѣла) однимъ чи-
 сломъ и именемъ столькихъ ученыхъ, при столь торжественной
 обстановкѣ, въ присутствіи самого царя? На кого-бы не по-
 дѣйствовали хитросплетенныя рѣчи знаменитыхъ философовъ и
 витій, и развѣ мы не видимъ, какъ часто онѣ затуманиваютъ
 истину и вводятъ въ заблужденіе многихъ? Но мужественная
 исповѣдница, отъ природы отличавшаяся рѣдкимъ умомъ, ко-
 торый развила многостороннимъ образованіемъ, — подкрѣплен-
 ная, по обѣщанію Христову, *премудростію свыше, ей-же не*
возмогутъ противитися или отвѣтити вси противляющіяся
 (Мук. XXI, 15), поражаетъ противниковъ собственнымъ ихъ
 оружіемъ и не только поражаетъ, но и приводитъ въ послу-
 шаніе вѣрѣ Христовой и къ мученической смерти за нее.
 Столь-же мужественно отражаетъ св. Екатерина и прельщенія
 царя, которыми онъ надѣялся уловить ее, не успѣвъ покорить
 словесами своихъ мудрыхъ. Царь съ клятвою обѣщаетъ раздѣ-
 лить съ ней свое царство, всѣ утѣхи и сладости земныя. Ка-
 кія *широкія врата и пространныя пути* открывались предъ
 юной дѣвой! Но она не захотѣла пойти ими, какъ многія-бы
 на ея мѣстѣ почли для себя за честь и счастье пойти. Пред-
 почтя *путь узкій и прискорбный*, она дерзновенно избличила
 невѣрнаго и сластолюбиваго царя, чѣмъ и навлекла на себя
 наконецъ жестокія мученія, приобрѣтшія ей честь и славу св.
 великомученицы. Хотѣли побѣдить ее средствами и орудіями,
 но на самомъ дѣлѣ побѣда осталась за нею. Вѣрно стоя на
 стражѣ своего и другихъ спасенія, она не только претерпѣла
 великія мученія, но побѣдила и покорила Христу и мудрецовъ
 языческихъ, и воеводу съ двумястами воиновъ, и наконецъ
 саму супругу царя Августу, всѣхъ ихъ содѣлавъ мучениками.
 Желаете-ли видѣть, какъ поступали исповѣдники Христовы въ
 день лютей для государства, Церкви и отечества? Вотъ при-
 мѣръ также одного изъ прославляемыхъ нынѣ Церковію муче-
 никовъ, и притомъ нашего соотечественника. Дикія полчища

Батяя надвигаются на Россію и значительная часть ихъ приближается къ городу Смоленску, все истребляя на своемъ пути. Вождемъ татаръ былъ воинъ исполнскаго роста, наводившій ужасъ на всѣхъ русскихъ. Народъ усердно молится въ храмахъ, да отвратитъ Господь гнѣвъ Свой. Въ это лютое время одинъ изъ воиновъ, находившійся на службѣ у князя Смоленскаго и отличавшійся воинскою доблестію, въ тайвѣ видѣніи получаетъ отъ Богоматери, предъ древнею иконою которой, именуемой *Одигитрія*, т. е. путеводительница, особенно усердно молился, — повелѣніе сразиться съ испономъ и обѣщаніе помощи свыше. Витязь успешно исполняетъ порученіе, убиваетъ исполина и множество татаръ, а остальные, устрешенные смертію начальника и видѣніемъ моліеносныхъ мужей и жены въ сіяніи неизреченномъ, поспѣшно удаляются отъ города, не сдѣлавъ ему никакого вреда; славный-же витязь, смертельно раненый, находитъ въ себѣ еще настолько силъ, чтобы дойти до города, и въ молитвѣ за Смоленскъ предаетъ душу свою Богу. Кто этотъ витязь и при помощи-ли одной только воинской доблести онъ одержалъ свою побѣду и сдѣлался избавителемъ Смоленска? Исторія передаетъ немного свѣдѣній о немъ; но впрочемъ достаточно, чтобы удалить всякое сомнѣніе, какимъ оружіемъ онъ былъ особенно силенъ. По древнему преданію онъ былъ славянинъ изъ Моравіи, переселился въ Россію и вступилъ на службу князя Смоленскаго, чтобы свободно исповѣдывать православную вѣру, которую тѣснили на его родинѣ, и—что особенно важно — былъ не только храбрый воинъ, но и втайнѣ строгій подвижникъ. Вотъ гдѣ истинная причина успешности его подвига! Благодарные жители Смоленска, похоронивъ своего избавителя, повѣсили надъ гробницею его оружіе, которое и донынѣ хранится въ соборѣ въ назиданіе потомкамъ.

Слушатели христіане! *Оружія Божіи, которыми можно противустать въ день лютыи, все преодолѣвъ, стоятъ, столь-же сильны и дѣйственны и въ настоящее время, какъ и во времена мучениковъ.* Но св. мученики самымъ дѣломъ показали свое искусство владѣть и расплгаться ими. Можемъ-ли мы тоже сказать о себѣ? Воспринять-ли нами духъ истиннаго

христіанства, какъ ими былъ воспринятъ? Крѣпки-ли мы духомъ вѣры, надежды и любви къ Богу, какъ они были крѣпки? Возгрѣваемъ-ли въ себѣ благодатныя силы, какъ они возгрѣвали? Дорожимъ-ли союзомъ съ Церковію, въ которой находятся всѣ средства нашего освященія и спасенія, какъ они дорожили? Какъ много, къ прискорбію, нынѣ между нами людей, именуемыхъ христіанами и притомъ православными, которые относятся къ вѣрѣ съ изумительною холодностію и безразличіемъ! Многіе-ли даже между людьми образованными знаютъ, какъ слѣдуетъ, чистую истину Христову? Не довольствуется-ли большинство только слабой пищей, свойственной дѣтскому и отроческому возрастамъ, или, если не могутъ заглушить въ себѣ стремленія къ истинѣ, то не ищутъ-ли ее въ *кладенцахъ сокрушенныхъ*? Откровенная *исповѣдь* одного знаменитаго писателя нашего представляетъ въ этомъ случаѣ поучительный примѣръ. Чѣмъ по большей части ограничивается наша религіозность? Не отбываніемъ-ли только религіозныхъ повинностей, внѣшнимъ формальнымъ исполненіемъ извѣстныхъ обрядовыхъ требованій? Что-же и удивительнаго, если не получается отъ такого отношенія къ вѣрѣ и Церкви благихъ плодовъ въ жизни такихъ христіанъ? Половинное служеніе Богу не можетъ дать того, что достигается только всецѣлымъ служеніемъ Ему, — одна внѣшность и форма не могутъ дать того, что исходитъ только отъ духа и жизни. Можно-ли-же съ такой слабой подготовкой надѣяться *противустать* *въ день лютъ*? Не повторяется-ли вслѣдствіе этого тоже явленіе, которое было въ первые вѣка Церкви, въ промежутки между гоненіями, когда ослабѣвала вѣра и упадала жизнь христіанъ, такъ что далеко не всѣ выдерживали наступавшее потомъ гоненіе? Какъ выдержать тяжелыя испытанія за вѣру и правду тотъ, кто даже среди мира Церкви старается дружить съ міромъ, противнымъ духу христіанства, боясь его ненависти или малодушно угождая ему, чтобы не подвергнуться сей ненависти? Такъ, слушатели христіане, оружія Божія сильны и дѣйственны, но, чтобы намъ *имѣть возможность при помощи ихъ противустать въ день лютъ и, все преодолѣвъ, устоять*, соотвѣтственно велики должны быть наша готовность и усердіе пользоваться ими и наше

искусство владѣть ими. Пригоденъ-ли въ минуту опасности воинъ, если онъ, имѣя самое усовершенствованное оружіе, будетъ несвѣдущъ, нерадивъ, безпеченъ, неспособенъ къ перенесенію трудовъ и лишеній и неподготовленъ къ безстрашной встрѣчѣ со врагомъ? Не можетъ-ли случиться, что, застигнутый въ расплохъ, онъ не въ состояніи будетъ даже отыскать свое оружіе? Тоже должно сказать и о христіанинѣ, если онъ не приучилъ себя къ брани духовной и не воспринялъ искусства пользоваться оружіями Божіими.

Господь, *не оставляющій человека искустися паче, еже мощи* (1 Кор. X, 13), подкрѣплялъ нерѣдко св. мучениковъ и исповѣдниковъ особеннымъ дѣйствіемъ Своей благодати. Безъ сомнѣнія и нынѣ Онъ не оставляетъ Свою помощь истинныхъ подвижниковъ добродѣтели. *Дивный во святыхъ Своихъ* мученикахъ, нынѣ торжествующихъ на небеси, Онъ нерѣдко являлъ чрезъ ихъ посредство Свое заступленіе подвизающимся въ Церкви воинствующей на землѣ. Такъ св. великомученикъ Θεодоръ Тиронъ, явившись въ пощномъ видѣніи епископу Антиохіи, вразумилъ чрезъ него Антиохійскихъ христіанъ, какъ имъ слѣдовало поступить, когда императоръ Юліанъ отступникъ повелѣлъ кроплять идоложертвенною кровію продаваемые на рынкѣ съѣстные припасы. Такъ воспоминаемый нами Церковію св. великомученикъ Меркурій, по молитвѣ предъ нимъ св. Василія Великаго, своимъ невидимымъ заступленіемъ даже совершенно избавилъ христіанскій міръ отъ дальнѣйшаго поруганія надъ нимъ нечестиваго отступника въ то время, какъ послѣдній, отправившись въ походъ противъ персовъ, въ случаѣ удачи его намѣревался въ конецъ истребить христіанство. Не разъ видала подобное заступленіе и наша русская земля. Кому неизвѣстно напр., что свв. страстотерпцы Борисъ и Глебъ невидимо помогли родичу своему, славному витязю Александру Невскому, въ его борьбѣ противъ враговъ вѣры и отечества, — что *истинный воинъ Христа Бога*, св. преподобный Сергій помогъ своими видѣніями и откровеніями русскимъ воинамъ при взятіи Казани, и позднѣе — доблестнымъ защитникамъ Троицкой лавры во время осады ея отъ поляковъ? Но, слушатели христіане, то были чрезвычайныя нужды вѣры и Церкви, когда

недостаточно было однихъ усилій доблестныхъ защитниковъ ихъ, и Господь являлъ Свое сильное заступленіе. *Вѣсть Господь благочестивыя отъ напасти избавляти* (2 Петр. 11, 9). Будемъ-ли искушать Господа и просить Его всесильной помощи во всѣхъ даже доступныхъ нашимъ собственнымъ силамъ дѣлахъ для нашего спасенія? Согласно-ли это съ истиннымъ назначеніемъ нашимъ и съ волею Божіею о насъ? Гдѣ-же былъ бы тогда подвигъ, гдѣ была-бы заслуга? Когда будетъ нужно, Господь поможетъ намъ, но надо быть того достойнымъ. *Лице Господне на праведныя и уши Его въ молитвы ихъ* (Пс. XXXIII, 16). Не поможетъ и святыня тамъ, гдѣ люди окажутся ея недостойными. Спасла-ли святыня кивота Господня израильтянъ въ войнѣ съ филистимлянами, когда они прибѣгли къ ней, какъ къ оружію противъ враговъ, предварительно отступивъ отъ Бога? Не только не спасла, но и навлекла на нихъ праведный гнѣвъ Божій за неблагоговѣйное отношеніе къ ней. Небреженіемъ о себѣ человѣкъ можетъ дойти до того, что и самая молитва его становится въ грѣхъ. Услышалъ-ли Господь Саула даже въ трудное для него время, когда тотъ прогнѣвалъ Его своимъ непослушаніемъ? Не только не услышалъ, но и совершилъ надъ нимъ праведный судъ Свой.

Посему, слушатели христіане, если желаемъ не только именоваться, но и быть истинными христіанами, сынами свѣта, подвижниками добра, искусными борцами противъ враговъ спасенія, безопасными въ опасностяхъ на пути къ нему, достойными всесильной помощи Божіей *въ день лютъ*, для сего должны со всѣмъ тщаніемъ возгрѣвать *данныя намъ Божественныя силы яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3), укрѣплять ими свои естественныя силы, восходя *отъ силы въ силу* и неуспынно бодрствуя на стражѣ своего и другихъ спасенія. Это и значить возлагать на себя оружія Божія. Такъ именно жили, дѣйствовали и доблестно умирали мученики Христовы.

Молитвами и заступленіемъ ихъ *да пощадитъ насъ въ день лютъ Господь Богъ вездѣ Сый и вся исполняяй!*

Священникъ Александръ Смирновъ.

ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОЕ СОСТОЯНІЕ ЗАПАДА

И

ВСЕЛЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

(Окончаніе *).

III.

Ходъ дальнѣйшаго развитія въ западной церкви,—такъ начинаетъ авторъ излагаемыхъ нами писемъ свое третье письмо,—находитъ свое объясненіе въ исходномъ пунктѣ самаго движенія, въ чувствѣ національнаго эгоизма въ ущербъ христіанскому принципу, каковое преобладаніе и привело къ отдѣленію западной церкви.

Этотъ исходный пунктъ содержитъ уже въ зародышѣ догматъ о папской непогрѣшимости. Ибо если *de facto* въ самомъ корнѣ однажды былъ признанъ принципъ эгоизма, то развитіе этого зародыша до послѣдней степени, очевидно, было только требованіемъ логической послѣдовательности.

Обособленіе въ католической Церкви нашло свое выраженіе даже въ коллективной формѣ. Большая часть христіанскаго міра, вся западная церковь, отдѣлилась отъ вселенскаго общества, поставивши національный частный интересъ выше охраненія интересовъ вселенской Церкви. Въ этомъ направленіи съ строгою логическою послѣдовательностію протестантизмъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ далѣе и также поставилъ себя на почву личнаго индивидуализма. Поэтому можно сказать, что пу-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 22.

темъ противувселепскаго, индивидуалистическаго направленія и отрицанія историко-церковнаго принципа протеставтство сказало только послѣднее слово католичества.

Какъ скоро всеобще вселенское начало уже болѣе не считается охранителемъ христіанской истины,—подчиненіе авторитетному велѣнію частной церкви является дѣломъ совершенно неестественнымъ. Индивидуальное мнѣніе тогда составляетъ единственный критерій для сужденія объ истинности Св. Писанія и его правильномъ, отъ всякаго церковнаго преданія освобожденномъ истолкованіи. Или вселенскій принципъ, или полный индивидуализмъ мнѣній; на строгой логической почвѣ въ этомъ отношеніи середины нѣтъ.

Но всякое выдѣленіе изъ органическаго цѣлаго составляетъ часть на мѣсто цѣлаго организма и такимъ образомъ разрушаетъ его общую гармонію. Между тѣмъ, какъ въ физической, такъ и въ духовной жизни истинное слѣдуетъ искать въ гармоническомъ соединеніи различныхъ жизненныхъ принциповъ. Каждое выдѣленіе даннаго принципа, хотя-бы онъ былъ даже и истиннымъ, необходимо ведетъ къ односторонности и и чрезъ это вызываетъ ложное, т. е. неистинное отношеніе къ жизни. Отрѣшенная отъ вселенскаго цѣлаго, западная церковь во всей своей дальнѣйшей жизни и въ ходѣ всего своего духовнаго развитія должна была носить на себѣ слѣды разрушенной гармоніи, должна была впасть въ односторонность.

Односторонность эта весьма рѣзко проявляется въ ученіи о *наивысшемъ авторитетѣ* Церкви въ дѣлахъ вѣры и въ *отношеніи Церкви къ государству*.

„Съ конфессіональнымъ установленіемъ ученія о Церкви“,—говоритъ Тиршъ (Protestantismus u. Katholicismus 1846),—въ неразрывной связи находится также и положеніе о *наивысшемъ авторитетѣ* въ дѣлахъ вѣры и нравовъ“. Это такимъ образомъ есть самый главный пунктъ. Съ другой стороны вопросъ о наивысшемъ церковномъ авторитетѣ находится въ прямой связи съ вопросомъ о *видимой и невидимой Церкви*.

Что касается понятій видимой и невидимой Церкви, то не только нельзя утверждать существованія ихъ въ христіанской

духовной жизни, но и ихъ внутренней связи между собою. Между тѣмъ на западѣ вслѣдствіе односторонняго развитія названнаго понятія рѣзко противопоставляются одно другому.

Понятіе видимости католическая церковь довела до безмѣрнаго, можно сказать, исключительнаго значенія. Мѣстная церковь должна быть видимымъ установленіемъ, а такъ какъ въ католичествѣ мѣстная церковь (римская) поставила себя на мѣсто вселенской, на мѣсто *Una Sancta*, — то для католичества послѣдняя стала также и абсолютно *видимою*. Равнобѣсіе между реальнымъ видимымъ и духовнымъ принципомъ вслѣдствіе этого было нарушено въ такой степени, что католическая церковь приняла характеръ теократіи, т. е. религіозно-свѣтскаго учрежденія во главѣ съ религіозно-свѣтскимъ повелителемъ. „На западѣ, говоритъ Тирншъ, церковь достигла могущества не только равносильнаго государственной власти, но и возвышающагося надъ нею, и, сосредоточиваясь въ папѣ, развила до идеи теократіи, недостижимо возвышающейея надъ свѣтскими отношеніями... Теократія, выработанная по ветхому завѣту, въ папствѣ усилилась до наивысшей степени“. На мѣсто вселенскаго принципа *общества* равноправныхъ мѣстныхъ церквей явился принципъ религіозной *монархіи* съ неограниченнымъ повелителемъ во главѣ. И этотъ личный абсолютизмъ съ теченіемъ времени въ католической церкви принялъ послѣдовательно столь широкіе размѣры, что въ лицѣ этого монарха теперь заключается также и наивысшій авторитетъ въ дѣлахъ вѣры. Намѣстникъ Христа непогрѣшимъ и стоитъ выше всѣхъ христіанъ; что онъ высказываетъ *ex cathedra*, съ тѣмъ должно соглашаться все (католическое) христіанство.

Въ протестантствѣ столь же одностороннее и исключительное значеніе получилъ противоположный принципъ и вслѣдствіе этого *Una Sancta* потеряла всякое реальное значеніе, всякій реальный характеръ. Сведеніе всего въ духу, доходящее до пустой абстракціи, отняло у *Церкви* всякую возможность реального обнаруженія и лишило ее всякаго значенія наивысшаго авторитета въ дѣлахъ вѣры. Отсюда трудность въ протестантствѣ объединенія относительно вѣроисповѣданія, отсюда же—и крайнее раздробленіе протестантства.

„Невидимымъ, говоритъ Тиршъ, остается лишь то, что видятъ только одинъ Сердцевѣдецъ Богъ. Итакъ, при всѣхъ нашихъ тонкостяхъ, мы ничему не научились, кромѣ того, что только Самъ Господь знаетъ своихъ, а человѣкъ никогда съ полною увѣренностію не можетъ опредѣлить, дѣйствительно ли тотъ или другой есть членъ невидимой Церкви, или нѣтъ. Такимъ образомъ, мы высказываемъ безспорную истину, когда утверждаемъ, что истинная и спасительная вѣра по существу своему есть нѣчто столь сокровенное, что только одинъ Богъ безошибочно можетъ знать ее. Но такимъ воззрѣніемъ очевидно выражается только полный протестъ противъ понятія о Церкви исключительно внѣшней, и больше ничего“.

Только о такой невидимости Церкви училъ и Лютеръ. Все дальнѣйшее, столь односторонне развитое ученіе о невидимой Церкви, какъ съ теченіемъ времени оно выработалось въ протестантствѣ, не содержалось ни въ Аугсбургскомъ исповѣданіи, ни въ формѣ, изложенной Лютеромъ.

Аугсбургское исповѣданіе, правильно оцѣниваемое въ его значеніи, не должно быть признаваемо положительнымъ символическимъ ученіемъ о Церкви, но только --апологіею. „Какъ и все исповѣданіе“, утверждаетъ Тиршъ, „и по своему назначенію, и по своему первоначальному наименованію, есть не что иное, какъ апологія, такъ и то, что высказывается въ немъ о Церкви, есть не что иное, какъ апологетическое оправданіе въ противоположномъ притязаніямъ римской церкви и заблужденіямъ анабаптистическихъ сектъ; поэтому мы утверждаемъ даже, что седьмой членъ (Аугсбургскаго исповѣданія) вовсе не есть полное и адекватное изложеніе сущности Церкви“. (Тоже самое говорится и у Вангемана). Для Лютера было существенно важнымъ указать на согласіе протестантовъ съ *Una Sancta* (единою святою Церковію), а вовсе не устанавливать ученія объ одной *только* невидимой Церкви. Защитники католической церкви хотѣли совершенно отнять у протестантовъ право слова; противъ нихъ они выступили съ полнымъ запрещеніемъ, утверждая, что вовсе не слѣдуетъ даже слушать ихъ, какъ такихъ людей, которые стоятъ внѣ Церкви и не повинуются ея рѣшеніямъ. Противъ этого Лютеръ съ своей стороны выступилъ съ апо-

логією о невидимой Церкви, вовсе не желая этимъ устанавливать какого-либо особеннаго попятія о Церкви. Твердо установившимся для него несомнѣнно было одно, это—ученіе объ оправданіи вѣрою, все остальное было только тотъ *modus vivendi*, который, очевидно, долженъ былъ держаться лишь до тѣхъ поръ, пока осуществится воссоединеніе съ Церковію,—а въ попыткахъ къ такому воссоединенію не было недостатка даже и послѣ смерти Лютера. По совершенно вѣрному взгляду автора излагаемыхъ нами писемъ, это именно и есть та почва, на которой протестантство фактически существовало цѣлыхъ три столѣтія и на которой оно находится еще и теперь. Какъ было сказано уже и раньше, по взгляду автора писемъ, протестантство есть лишь переходная ступень между его отпаденіемъ отъ католической церкви и имѣющимъ нѣкогда быть его фактическимъ соединеніемъ со вселенскою Церковію. Протестантскіе богословы послѣдующихъ столѣтій не хотѣли видѣть этого и, поелику они признавали Аугсбургское исповѣданіе полнымъ и адекватнымъ изложеніемъ сущности Церкви, они не могли обойтись безъ того, чтобы не найти въ немъ неясностей и противорѣчій, которыхъ въ немъ, какъ въ простой апологіи, вовсе не было. Вотъ почему Аугсбургское исповѣданіе не могло также дать и твердой, незыблемой почвы, прочнаго основанія и для развитія протестантскаго богословія. Исключеніе представляетъ, впрочемъ, принципъ *значенія вѣры*, изъ котораго только протестантское богословіе и черпало свое содержаніе, но даже и самый этотъ принципъ находился въ опасности быть подавленнымъ принципомъ *чистаго ученія* въ сухомъ и безжизненномъ доктринерствѣ послѣдующихъ столѣтій.

И такъ, ученіе о невидимой Церкви, какъ оно впоследствии выработалось въ протестантствѣ,—говоритъ авторъ излагаемыхъ нами писемъ,—вовсе не было установлено Лютеромъ, но сила фактовъ необходимо должна была привести къ нему протестантство. Ученіе это произошло не принципиально—догматически, но чисто эмпирически. Съ другой стороны установленіе ученія о невидимой Церкви имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что протестантская церковь лишена была всякаго реальнаго автори-

тета въ духовныхъ дѣлахъ, ибо какъ возможно было-бы искать наивысшаго авторитета въ невидимой Церкви, возведенной почти въ пустую абстракцію?

Отрѣшенное отъ вселенскаго дѣлага, протестантство необходимо должно было впасть въ односторонность, а такъ какъ само оно явилось вслѣдствіе борьбы съ католичествомъ, то оно и должно было принять направленіе противоположное этому послѣднему. Если въ католичествѣ получилъ безмѣрно одностороннее развитіе принципъ видимости и авторитета, то въ протестантствѣ столь-же безмѣрно-одностороннее развитіе долженъ былъ получить противоположный принципъ, именно принципъ невидимости и свободы. Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ въ обѣихъ частяхъ христіанскаго запада понятія, по своей собственной сущности опредѣляемыя только во взаимномъ восполненіи, развиваются до противоположностей, взаимно исключаютъ другъ друга. Это доходящее до противоположности, одностороннее направленіе запада въ развитіи христіанскаго ученія подтверждается также и Тиршемъ. Говоря о внутреннемъ христіанствѣ и о внѣшнихъ христіанскихъ установленіяхъ, онъ выражается такимъ образомъ: „такъ какъ то и другое являются антитезами, устанавливается одинъ принципъ, чтобы исключить другой, то намъ снова, въ сознаніи односторонности, какъ относительной истинности обоехъ утвержденій, должно взяться за дѣло, а мы все еще не видимъ себя подготовленными къ тому пониманію, которое, будучи свободнымъ отъ односторонняго, антитегическаго направленія, возвышается до полной гармоніи съ дѣйствительностію“.

Такою успокоительною гармоніею между этими двумя крайностями, по справедливому сужденію автора излагаемыхъ нами писемъ, является только ученіе о Церкви вселенской. Только въ немъ одномъ находятся между собою въ органической связи понятія о реальномъ и духовномъ, видимомъ и невидимомъ, свободѣ и авторитетѣ.

Вселенское ученіе устраняетъ грубый реализмъ католической церкви съ ея внѣшнимъ авторитетомъ въ лицѣ чловѣка, папы. Когда Пій IX приглашалъ восточныхъ патріарховъ на Ватиканскій соборъ, они, имѣя въ виду содержаніе его посла-

нія, писали ему въ своемъ отказѣ слѣдующее: „Земнаго верховнаго надзора надъ Церковію, или, какъ выражается наше блаженство, духовнаго управленія надъ Церковію мы не признаемъ; мы соединены въ нашей общей Матери союзомъ любви и усердія, въ единствѣ вѣры... У насъ никогда не могъ ввести чего-либо новаго ни патріархъ, ни соборъ, потому что у насъ и тѣло Церкви, т. е. самъ народъ, есть стражъ истинной вѣры“.

Вселенская Церковь знаетъ только одного Главу — Иисуса Христа, только одно верховное управленіе — Его духовное руководство. Вселенская Церковь есть соединеніе мѣстныхъ отдѣльныхъ церквей въ духѣ общенія, взаимной любви и уваженія; вслѣдствіе этого никакое рѣшеніе, касающееся вселенской Церкви, не можетъ быть составлено безъ согласія всѣхъ отдѣльныхъ церквей. Союзъ, который соединяетъ помѣстные церкви въ *Una Sancta* (во едину святую Церковь), не есть союзъ внѣшняго авторитета, но совершенно внутренней, духовный. Высшій авторитетъ Церкви есть чисто духовный авторитетъ.

Отдѣльная личность, какъ-бы высоко она ни стояла, еще можетъ погрѣшать, можетъ впасть въ ересь, частная церковь, — тоже самое; но все общество въ его цѣломъ, руководимая Духомъ Святымъ вселенская Церковь погрѣшить не можетъ; это — *Una Sancta*, это — надежнѣйшій стражъ христіанской истины. Только голосъ вселенскаго общества христіанъ, соединенныхъ между собою любовію и единомысліемъ, непогрѣшимъ, и эта непогрѣшимость имѣетъ своимъ предметомъ только сохраненіе и изъясненіе ученія, даннаго Христомъ и содержащагося въ Св. Писаніи; новыхъ догматовъ Церковь устанавливать не можетъ.

Когда, такъ сказать, имманентно существующее въ Церкви христіанское вѣроученіе нужно было формулировать въ положеніяхъ, какъ это было въ первые вѣка, или когда въ области Церкви подымались спорные вопросы, грозившіе принять вселенскій характеръ, тогда Церковью былъ составляемъ соборъ. Достойно замѣчанія, что какъ способъ созыванія, такъ и способъ веденія дѣла и порядокъ занятій этого высшаго духовнаго трибунала Церкви не былъ установленъ никакими поло-

жительными формальными опредѣленіями. Какимъ-же образомъ при такой формальной неопредѣленности высшаго учительнаго авторитета Церкви — можно спросить съ полнымъ правомъ — была гарантирована твердость и неизмѣнность христіанскаго ученія? Ибо коль скоро не былъ твердо установленъ способъ созыванія соборовъ, то въ данномъ случаѣ, повидимому, могло являться сомнѣніе относительно законности или правильности соборовъ. Изъ церковной же исторіи мы знаемъ даже, что бывали ложные соборы, какъ, напримѣръ, такъ называемый разбойничій соборъ.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно принять во вниманіе слѣдующее. Во вселенской Церкви одного постановленія собора еще недостаточно для того, чтобы признавать его опредѣленнымъ ученіемъ. Чтобы постановленіе собора получило характеръ вселенской непогрѣшимости, для этого оно, какъ таковое, нуждалось еще въ признаніи со стороны всей Церкви. Согласно съ этимъ соборное постановленіе нуждалось еще въ дополнительной ратификаціи со стороны тѣла, массы, всего народа Церкви. Въ исторіи вселенской Церкви есть много примѣровъ, которые показываютъ, что погрѣшительныя постановленія соборовъ были исправляемы или отклоняемы тѣломъ Церкви. Одинъ изъ послѣднихъ случаевъ имѣлъ мѣсто относительно Флорентійскаго собора. Все собравшееся тамъ вмѣстѣ съ императоромъ духовенство, какъ Константинопольскій патріархъ, такъ и епископы, за исключеніемъ Марка Ефесскаго, согласились съ римскимъ изложеніемъ ученія. Когда таковое стало извѣстнымъ въ Церкви, весь народъ какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Россіи протестовалъ противъ этой уступки римскому заблужденію, и такимъ образомъ въ Церкви былъ сохраненъ вселенскій привѣщъ.

Католическая церковь распадается на двѣ строго раздѣленныя части: церковь учащую и учащуюся. Совмѣстное дѣйствіе различныхъ дарованій прекратилось, все бремя возложено на плечи духовенства. Такого раздѣленія, какъ вытекаетъ изъ вышесказаннаго, вселенская Церковь не знаетъ. Она есть тѣло, жизнь и дѣятельность котораго обусловливаются живымъ и органическимъ совмѣстнымъ дѣйствованіемъ всѣхъ его членовъ

какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Въ помѣстныхъ отдѣльныхъ церквахъ есть духовное сословіе, которому ввѣряется должность управленія и учительства, — тѣмъ не менѣе такое положеніе духовенства имѣетъ только мѣстное значеніе и не составляетъ непремѣннаго учрежденія, объемлющаго всю вообще вселенскую Церковь какъ таковую, или возвышающагося надъ нею. А поелику въ ней все тѣло есть стражъ вѣрнопой Церкви христіанской истины, то въ каждомъ христіанинѣ такимъ образомъ проявляется усвояемый ему характеръ царскаго священства, а все общество христіанъ является народомъ святымъ, не смотря на грѣховность каждаго отдѣльнаго лица. Приговоръ народа Церкви не есть, впрочемъ, формальный актъ, никакіе голоса не собираются и не подаются, онъ является даже нѣкоторое время спустя послѣ рѣшеній собора, и представляется непреложнымъ самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ тому, будутъ-ли Церковію формально признаны его заключенія, или нѣтъ. Это послѣднее народное рѣшеніе становится настолько очевиднымъ, что никто не можетъ сомнѣваться въ немъ, не смотря на то, что, собственно говоря, никто не можетъ дать себѣ точнаго отчета въ томъ, какимъ образомъ во всей Церкви вдругъ явился этотъ общій приговоръ. „Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ: такъ бываетъ со всякимъ рожденнымъ отъ Духа“. Таковъ точно и Духъ Церкви, и что однажды было признано такимъ образомъ всеобщію совѣстію вселенской Церкви, какъ истина, то остается въ ней твердымъ и неизмѣннымъ. Всякій человѣческій авторитетъ, вступающій въ борьбу съ этимъ духовнымъ авторитетомъ, оказывается безсильнымъ по отношенію къ безапелляціоннымъ рѣшеніямъ вселенской Церкви.

Съ точки зрѣнія разсудочной логики человѣческой такое явленіе, превосходящее всякое формулированное правило, должно было-бы казаться величайшею несообразностію, и не смотря на это духовный авторитетъ твердо и непоколебимо пребываетъ во вселенской Церкви, „безумное Божіе мудрѣе человѣковъ“. То, что повидному могло-бы быть поколеблено, какъ самое нетвердое и легчайшее, т. е. основанный не на фор-

мультированныхъ опредѣленіяхъ, наивысшій духовный авторитетъ Церкви проявилъ себя самымъ твердымъ и самымъ непоколебимѣйшимъ въ теченіи вотъ уже почти около двухъ тысячелѣтій. Противъ авторитета внѣшняго, формальнаго можно спорить и возставать; противъ авторитета внутренняго, духовнаго съ успѣхомъ спорить никто не можетъ. Борьба противъ совѣсти цѣлой Церкви столь-же трудна, какъ и противъ собственной совѣсти. Дѣйствіе Святаго Духа въ тѣлѣ Христовомъ—Церкви не должно быть стѣсняемо формальными опредѣленіями человѣческаго сужденія. Высшая сфера христіанской жизни должна была проявить себя въ способности—быть въ силахъ воспринять Божественное вдохновеніе въ полной свободѣ мышленія и хотѣнія.

IV.

Содержаніе четвертаго письма находится въ тѣсной и неразрывной связи съ третьимъ. Въ немъ авторъ излагаетъ тѣ выводы, которые вытекаютъ необходимо изъ посылокъ, указанныхъ въ предшествующемъ письмѣ. Касаясь снова понятій видимости и невидимости въ отношеніи къ Церкви вселенской, авторъ излагаемыхъ нами писемъ совершенно вѣрно останавливается на той мысли, что вселенская Церковь съ полной гармоніей соединяетъ въ себѣ оба эти понятія. Вселенская Церковь, говоритъ онъ, видима *въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ* (т. е. во внѣшнихъ формахъ своей идеи, проявляющихся въ помѣстныхъ церквахъ), невидима *въ своей общности* (т. е. въ томъ духовномъ союзѣ, который совокупляетъ эти отдѣльныя части въ одно вѣчное, нерасторжимое цѣлое).

Духовнымъ является также и соединеніе отдѣльныхъ *членовъ общества* съ Церковію; простаго, внѣшняго, видимаго соединенія съ нею еще недостаточно для того, чтобы человѣкъ сталъ истиннымъ живымъ членомъ Церкви, такъ какъ есть и мертвые члены. Поэтому только одинъ Богъ, могущій читать людскую совѣсть, знаетъ, кто суть дѣйствительные члены вселенской Церкви. Что касается лицъ, находящихся внѣ ея, то вселенская Церковь воздерживается отъ всякаго сужденія, считая себя неуполномоченною судить о членахъ чужой общины. Съ

другой стороны она признаетъ, что все доброе, гдѣ-бы оно ни сокрывалось, слѣдовательно и паходящееся внѣ вселенской Церкви, или уже здѣсь на землѣ, или на небѣ *примкнетъ къ тѣлу Христову*.— Не лишнимъ считаемъ отмѣтить здѣсь-же, что послѣдняя мысль по всей вѣроятности не совсѣмъ точно выражена авторомъ излагаемыхъ нами писемъ, но крайней мѣрѣ въ настоящемъ своемъ видѣ она не можетъ быть признана выраженіемъ ученія вселенской Церкви. Если авторъ хотѣлъ сказать, что всѣхъ христіанъ, творящихъ добро, но не находящихся въ лонѣ вселенской Церкви она вѣруетъ премудрости и благодати Божіей, не поставляя относительно ихъ вѣчной участи никакого своего опредѣленія, то въ этомъ видѣ высказанная имъ мысль можетъ быть принята; но она не можетъ быть признана за ученіе Церкви въ томъ смислѣ, что всѣ добродѣтельные христіане, находящіеся внѣ вселенской Церкви, могутъ со всѣми правами чадъ ея *примкнутъ на небѣ къ тѣлу Христову*, т. е. къ Церкви торжествующей, или что тоже—несомнѣнно достигнуть своего спасенія. Вселенская Церковь нигдѣ не дала намъ права утверждать это, какъ и сама его не получила. Церковь единая вселенская, уже потому что она *вселенская*, католическая, заключаетъ въ себѣ одной всѣхъ истинно вѣрующихъ въ мірѣ, и должно поэтому признавать необходимо нужнымъ, чтобы вѣрующій къ ней принадлежалъ. „Поелику,—скажемъ словами митрополита Филарета,—Иисусъ Христосъ, по изреченію Апостола Павла, есть *Глава Церкви и Той есть спаситель тѣли*: то, дабы имѣть участіе въ Его спасеніи, необходимо нужно быть членомъ Его тѣла, т. е. католической Церкви. Апостоль Петръ пишетъ, что *крещеніе спасаетъ насъ по образу Ноева ковчеги*. Всѣ, спасшіеся отъ всемірнаго потопа, спаслись единственно въ ковчегѣ Ноевомъ: такъ всѣ, обрѣтающіе вѣчное спасеніе, обрѣтаютъ оное въ единой католической Церкви“. (Простр. катихизисъ).

Будемъ, впрочемъ, продолжать далѣе точное изложеніе четвертаго письма.

Что вселенская Церковь отчасти есть Церковь невидимая,—это слѣдуетъ еще наконецъ и изъ того, что она имѣетъ боль-

шое число невидимыхъ членовъ, каковы усопшіе, отшедшіе съ этой земли; ибо она сознаетъ себя въ духовной неразрывеой связи съ Церковію небесною; умершіе во Христѣ живутъ въ другой жизни, и потому находящіеся на землѣ члены Церкви любовію и молитвою соединяются съ умершими.

Вселенская Церковь въ гармоническомъ синтезѣ соединяетъ принципъ твердаго внѣшняго авторитета католической церкви, не впадая въ ея чрезмѣрный теократическій реализмъ и противовселенское господство, съ духовнымъ принципомъ протестантизма, не допуская совершенной абстракціи понятія о невидимой Церкви, такъ какъ наивысшій авторитетъ вселенской Церкви, не смотря на то, что онъ чисто духовенъ и до извѣстной степени даже невидимъ, проявляетъ себя дѣйствительно реально и во всей Церкви предъявляетъ свои неотклонимыя требованія.

При такихъ условіяхъ вселенская Церковь въ состояніи также съ пребывающимъ въ ней твердымъ и непреклоннымъ духовнымъ авторитетомъ соединить и большую, чѣмъ въ католической церкви, свободу учительства. Она твердо держится своего символа и основныхъ истинъ христіанства, но во всемъ, что относится къ области богословскаго ученія, своимъ отдѣльнымъ частямъ она дозволяетъ большую свободу, и не смотря на это, даже въ ученіяхъ всѣхъ ея частей (Theile) явно сохраняется вселенскій духъ.

Но возможно-ли провести опредѣленную границу между главными истинами христіанства и его остальнымъ содержаніемъ, между догматомъ и богословскимъ ученіемъ? Исторія вѣковаго напраснаго стремленія со стороны протестантизма найти таковую границу достаточно указываетъ давныхъ для того, чтобы на этотъ вопросъ отвѣтить отрицательно. Тирпъ внимательно изучилъ этотъ вопросъ и при этомъ отчасти подошелъ весьма близко ко вселенскому пониманію, не будучи однако-же въ силахъ вполне ясно усвоить это послѣднее. „Различіе между основными и неосновными членами вѣры“, говоритъ онъ, „Шпенеръ думалъ назвать самымъ нѣпруднѣйшимъ пунктомъ всей догматики, такъ какъ есть вопросы, которые in abstracto совершенно никогда не могутъ быть разрѣ-

шены съ юридическою опредѣленностію. Въмѣсто этого, не касаясь вопроса ближе, мы можемъ утверждать, что такое различіе *есть* и что именно древняя Церковь признавала его весьма опредѣленно. Свое неприкосновенное ученіе она получила отъ священнаго преданія, и это-то неприкосновенное ученіе образовало канонъ вѣры. Относительно этого мы находимъ въ высшей степени опредѣленные и ясныя указанія у Иренея и Оригена *), не говоря о другихъ отцахъ Церкви. Упомянутые отцы Церкви не признавали нужнымъ, чтобы Церковь была уполномочена Христомъ непогрѣшительно рѣшать также и всѣ вообще возможные второстепенные вопросы. Но новый католицизмъ, приписывающій Церкви такое полномочіе, утверждаетъ слишкомъ много, когда считаетъ его необходимымъ, и его доказательство, которымъ онъ старается подкрѣпить это мнѣніе, вовсе поэтому не доказываетъ того, что оно должно доказывать“.

Тирпль, по словамъ автора излагаемыхъ нами писемъ, совершенно правъ, когда своимъ замѣчаніемъ, что между христіанскими истинами различіе *есть*, опъ хочетъ сказать, что основныя истины фактически существовали всегда и Церковь все-таки никогда не признавала себя вынужденною перечислять эти основныя истины, или формально опредѣлять границу между ними и остальнымъ содержаніемъ христіанскаго ученія. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ опредѣленно признанныя вселенскою Церковію догматическія истины, какъ въ символѣ, такъ и въ соборныхъ опредѣленіяхъ, должны быть признаны основными истинами. Но онѣ не *единственныя* истины. Со вселенскимъ авторитетомъ Церковь высказалась лишь относительно такихъ догматическихъ истинъ, которыя какимъ-нибудь образомъ подали поводъ къ церковнымъ спорамъ. Но есть и такія основныя истины христіанскаго ученія, которыя не содержатся въ символѣ и не были опредѣлены какими-либо соборными постановленіями, какъ, напр., догматъ объ Евхаристіи, въ которомъ сосредоточивается все христіанское ученіе объ искупленіи. Догматъ этотъ ясно не упомянутъ ни въ символѣ, ни въ соборныхъ постановленіяхъ, потому что онъ былъ признанъ

*) Оригенъ не признается отцемъ Церкви.

настолько всеобщимъ, что никогда не подалъ повода къ спорнымъ вопросамъ касательно своей сущности. Такимъ образомъ, если все не установленное символомъ и соборными постановленіями Церковь предоставляетъ свободному учительству своихъ отдѣльныхъ частей, помѣстныхъ церквей, то это дѣлается не потому, что означенную область она считаетъ менѣе существенною, а потому, что она убѣждена, что существенное въ ней останется неприкосновеннымъ даже и безъ ограниченія свободы частныхъ церквей, какъ это доказала также и исторія.

Что касается менѣе существеннаго въ затронутой нами области и вообще развитія богословскихъ ученій, то сами по себѣ они предоставляются совѣсти каждой отдѣльной церкви, — тѣмъ болѣе, что богословское ученіе состоитъ только въ истолкованіи догматовъ, а такое ученіе не можетъ обнять вмѣстѣ всѣ части и всѣ стороны истины. Такъ какъ Церковь, взятая въ своемъ цѣломъ, непогрѣшима, то вселенская Церковь и не можетъ питать никакого опасенія, предоставляя своимъ отдѣльнымъ членамъ большую свободу учительства. Кромѣ того, она убѣждена, что и отдѣльныя частныя церкви, если и не непогрѣшимы, то все-таки управляются Духомъ Святымъ, и потому не будутъ продолжительно заблуждаться ни противъ одной изъ основныхъ истинъ христіанства. О христіанствѣ въ его цѣломъ Тиршъ говоритъ: „съ полною готовностію мы должны признать дѣйствіе высшаго промышленія, которое управляетъ Церковію и сохранило въ ней сокровище истиннаго преданія и вѣрныя средства ко спасенію, хотя и съ нѣкоторыми человѣческими добавленіями. При взглядѣ на исторію мы должны сказать: Свою Церковь, основанную апостолами (sic!) *), не смотря на великое невѣріе и заблужденіе людей, Христосъ сохранилъ все-таки отъ серьезныхъ извращеній спасительной вѣры и такъ управлялъ ею, что и въ самыя тяжелыя времена для безчисленныхъ лицъ она была руководительницею ко спасенію“. Въ полной мѣрѣ это слѣдуетъ отнести къ жизни церквей частныхъ, принадлежащихъ къ Церкви вселенской.

Возставая противъ католическаго понятія о Церкви, Тиршъ говоритъ далѣе слѣдующее: „Проповѣдуемая догматическая

*) По православному слѣдовало-бы сказать: „Имъ Самимъ и апостоламъ“.

непогрѣшимость Церкви признается непогрѣшимостью абсолютною; она не ограничивается извѣстными главными истинами вѣроученія и правоученія, необходимыми для нашего спасенія, но распространяется на все вопросы, относящіеся къ догмату и нравственности, даже и на самыя незначительнѣйшіе изъ нихъ,—однимъ словомъ, она положительно обнимаетъ все, что находится въ самой обширной догматикѣ и морали... Представители Церкви никогда не могутъ встрѣтиться съ случаемъ такого рода, когда-бы они чувствовали и признавали себя некомпетентными относительно какого-либо вопроса даже изъ тѣхъ областей, на которыя не распространяется ихъ авторитетъ и сообщенное имъ дарованіе Святаго Духа. Но въ осповѣ всего этого очевидно находится предположеніе, что Церковь нуждается въ непогрѣшимомъ разрѣшеніи каждаго возбуждаемаго догматическаго и дисциплинарнаго вопроса... Въ сущности этимъ сказано то, что Церковь признаетъ каждый пунктъ, о которомъ она высказывается, существеннымъ... Въ такомъ трибуналѣ, какого домогается католицизмъ, признавая его необходимымъ, а потому и дѣйствительно существующимъ, который съ божественнымъ авторитетомъ могъ-бы разрѣшать все подлежащее сомнѣнію вопросы вѣры, — христіанство, не впадая въ крайность, не нуждается“.

Нѣтъ, говорить авторъ излагаемыхъ нами писемъ, и по нашему мнѣнію христіанство не нуждается въ такого рода трибуналѣ, какого требуетъ католическая церковь и который разрѣшалъ-бы все возбуждаемые вопросы вѣры. Но здѣсь весь вопросъ снова находится на формальной юридической почвѣ и потому поставленъ невѣрно, такъ какъ вселенская Церковь даже и въ своихъ важнѣйшихъ постановленіяхъ слѣдуетъ не формально данному правилу, а своему свободному вдохновенію, руководимому Духомъ Святымъ. Несомнѣнно, что Церковь каждый пунктъ, о которомъ она высказывается, если и не признаетъ самымъ „существеннымъ“, то во всякомъ случаѣ разрѣшаетъ его непогрѣпно; только при этомъ, какъ на сущность дѣла, вужно указать на слѣдующее: она сама-же избираетъ и тотъ пунктъ или членъ, о которомъ высказаться она чувствуетъ себя вынужденною для блага вселенской Церкви.

Наивысшему суду Церкви никто не можетъ предъявлять вопросовъ, она сама ихъ предлагаетъ себѣ, а потому несправедливо дѣлать заключеніе, „что Церковь нуждается въ непогрѣшимомъ рѣшеніи каждаго возбуждаемаго догматическаго и дисциплинарнаго вопроса“. Напротивъ, говоритъ авторъ излагаемыхъ нами писемъ, мы видѣли, что вселенская Церковь не составила соборнаго рѣшенія относительно даже главныхъ вопросовъ, тѣмъ менѣе она чувствовала себя побуждаемою вводить въ кругъ своихъ постановленій второстепенные вопросы учительства.

Тиршъ говоритъ: „Высшій Промыслъ управлялъ именно всеобщими (algemeinen) соборами и сохранилъ отъ поврежденій апостольское основаніе, на которомъ была основана древняя Церковь (и на которомъ, добавимъ мы, основывается доселѣ вселенская Церковь). До подобнаго понятія можетъ возвыситься даже и католикъ относительно ученія о богодухновенности соборовъ“. Это совершенно вѣрно; нужно только добавить, что управленіе Промысла въ отношеніи соборовъ не ограничивается однимъ руководствомъ въ *правильномъ рѣшеніи* догматическихъ вопросовъ, но состоитъ также и въ указаніи на *вопросы*, которые вообще нуждались во вселенскомъ обсужденіи. Исторія доказала, что выборъ вопросовъ, обсуждаемыхъ съ точки зрѣнія вселенскаго начала, всегда падалъ именно на необходимое для Церкви, не возлагая ни на кого бесполезныхъ и тяжелыхъ оковъ и ненужною догматизаціею не стѣсняя свободы вѣрующаго духа человѣческаго. Мало, напр., извѣстно случаевъ, когда вселенская Церковь прямо выступала противъ погрѣшительнаго ученія принадлежащихъ къ ней частныхъ церквей и осуждала его. Это дѣлаетъ она только въ такихъ случаяхъ, когда заблужденіе, какъ, напр., аріанство, грозитъ поколебать основную твердыню христіанства и вмѣстѣ съ тѣмъ вторгнуться во всю Церковь. Въ остальныхъ случаяхъ исходя отъ той точки зрѣнія, что заблужденіе есть дѣло человѣческое, что какъ отдѣльное лицо, такъ и частная церковь могутъ погрѣшать въ развитіяхъ богословскихъ ученій, но что въ важныхъ случаяхъ, какъ доказала это исторія, даже и въ частныхъ церквахъ, заблужденіе никогда долго

держаться не можетъ, и, наконецъ, что непогрѣпимость принадлежитъ только вселенскимъ постановленіямъ,—такія заблужденія она обыкновенно оставляетъ на совѣсти частной церкви, пока своего неправильнаго ученія эта церковь не стремится навязать Церкви вселенской. Только тамъ, гдѣ случается послѣднее, вселенская Церковь не можетъ болѣе относиться снисходительно. Если-бы такое отличное ученіе и не было даже прямымъ заблужденіемъ, погрѣшность противъ вселенскаго принципа заключалась-бы въ самомъ фактѣ навязыванія мѣстнаго ученія, ибо такое стремленіе было-бы дѣйствіемъ высокоумія и гордаго эгоизма, нарушающаго христіанское единеніе, любовь и взаимное уваженіе. Лучшее доказательство того, что вселенская Церковь дѣйствительно всегда слѣдовала этимъ путемъ, мы находимъ въ историческомъ ходѣ вопроса относительно ученія о „Filioque“. Пока это ученіе существовало на западѣ только какъ мѣстное ученіе, вселенская Церковь терпѣла его, не смотря на то, что она всегда считала его заблужденіемъ; въ своей совѣсти она не видѣла себя вынужденною привлекать къ отвѣту за это ученіе западную церковь. Но какъ скоро въ своемъ высокоуміи западная церковь своевольно измѣнила вселенскій символъ вставкою „Filioque“, этого вселенская Церковь болѣе не могла терпѣть: единство Церкви было прервано. Дальнѣйшій примѣръ усматриваемъ мы и въ новое время. Вселенскій символъ говоритъ о *единомъ* крещеніи; не смотря на это, въ церкви Константинопольской, послѣдствіе ожесточенныхъ споровъ съ латинянами, послѣ раздѣленія церквей, вкоренился обычай—снова перекрещивать католиковъ, присоединяющихся къ вселенской Церкви. Но такъ какъ обычай этотъ остается только мѣстнымъ обычаемъ частной церкви, который не навязывается Церкви вселенской, то послѣдняя и находитъ возможнымъ относиться къ нему съ полною терпимостію.

Такимъ образомъ, говоритъ авторъ вѣзагаемыхъ нами писемъ, то, къ чему такъ давно и тѣсно стремится протестантство, именно единеніе—(Union) на твердомъ христіанскомъ основаніи вмѣстѣ съ широкою свободою мѣстнаго учительства—въ вселенской Церкви это существуетъ съ самыхъ давнихъ

временъ; твердый, непоколебимый догматъ и большая свобода учительства—это-то собственно и есть вселенскій принципъ.

Такого рода принципъ только дѣйствительно и можетъ существовать *Церкви*; *Церковь* не есть дѣло рукъ человѣческихъ. Даже и Тиршъ говорить: „Только апостольская сила духа можетъ основать Церковь. Недостатокъ апостольскаго установленія (въ протестантствѣ) если и не непосредственно, то съ теченіемъ времени долженъ былъ повлечь за собою колебаніе всякаго церковнаго авторитета и все доставшееся по преданію въ концѣ концовъ должно было оказаться предметомъ самаго произвольнаго перетолкованія и извращенія. Отъ той продолжительной силы, которой мы такъ удивляемся въ церквахъ востока, у насъ не осталось ничего; напротивъ въ судьбахъ нашей Церкви обнаружилось совершенно противоположное, и дѣло дошло до того, что самыя простѣйшія ученія апостольскаго преданія при томъ произволѣ, которому въ концѣ концовъ было представлено и Св. Писаніе, исчезли изъ вѣры и даже изъ памяти протестантовъ, такъ что уклоненіе отъ апостольскаго основоположенія произвело діаметральный разрывъ въ самой протестантской церкви, каковаго примѣра не знаетъ вся прежняя исторія и о которомъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ періодовъ Церкви не имѣлъ даже и предчувствія“.

Да,—говоритъ авторъ излагаемыхъ нами писемъ въ заключеніе своего четвертаго письма,—поелику восточная Церковь не есть дѣло рукъ человѣческихъ, но есть непрерывное продолженіе апостольской Церкви, чего нельзя утверждать ни относительно протестантства, ни относительно католичества, она и обладаетъ тою *продолжительною силою*, которой удивляется въ ней Тиршъ, и потому она одна только въ состояніи объединить въ гармоническомъ синтезѣ авторитетъ учительства съ свободою учительства.

V.

Отъ указанія на ложное положеніе католичества и протестантства въ отношеніи къ Церкви вселенской авторъ излагаемыхъ нами писемъ дѣлаетъ самый естественный переходъ къ указанію на то ложное положеніе, въ какое поставили себя

какъ католичество, такъ и протестантство въ отношеніи къ свѣтской власти, въ отношеніи къ государству, — то ложное положеніе, которое повлекло за собою такъ много прискорбныхъ послѣдствій

Если мы обратимъ теперь вниманіе, говоритъ онъ, на то отношеніе, въ которомъ западныя церкви находятся къ государству, то мы также и здѣсь найдемъ тоже самое одностороннее развитіе; какъ въ католичествѣ, такъ и въ протестантствѣ въ этомъ отношеніи высказались самыя рѣзкіе контрасты. Идеаль здраваго, истиннаго отношенія между христіанскою Церковію и христіанскимъ государствомъ состоитъ въ обоюдномъ взаимодѣйствіи, при которомъ однако-же принадлежащія каждому изъ этихъ элементовъ сферы дѣйствія не терпѣли-бы никакого ущерба, — въ томъ взаимодѣйствіи, при которомъ ни государство не дозволяло-бы себѣ вторженія въ духовную область Церкви, ни Церковь — въ область государственнаго управленія. Воздадите кесарево кесарю и Божіе богу. Если вслѣдствіе человѣческихъ слабостей и несовершенствъ и неизбежны бываютъ въ ежедневной жизни уклоненія въ одну или другую сторону, то по крайней мѣрѣ принципиально между Церковію и государствомъ должно существовать отношеніе именно такого рода.

Но ни въ католичествѣ, ни въ протестантствѣ мы не находимъ принципиальной гармоніи такого взаимнаго отношенія.

По самому принципу своему католическая церковь находится въ антагонизмъ съ государствомъ *). Постоянная борьба между ними представляетъ ненеклоченіе, но нормальное явленіе. По временамъ, правда, католическая церковь можетъ жить и въ мирѣ съ государствомъ, но такое состояніе въ ея глазахъ всегда будетъ носить только характеръ компромисса, только *modus vivendi*. Временное признаніе фактической необходимости католическая церковь можетъ, пожалуй, допустить, но принципиальнаго мира съ государствомъ она допустить не

*) Вѣрность этого сужденія нашего автора какъ нельзя болѣе оправдывается послѣднею энцикликою папы Льва XIII (ноябрь 1, 1885 года), переводъ которой съ замѣчаніями съ православной точки зрѣнія будетъ нами помѣщенъ въ первыхъ книжкахъ нашего изданія за 1886 годъ.

можетъ. Идеаль, къ которому стремится католицизмъ, состоитъ въ теократіи, недостижимо возвышающейся надъ всѣми человѣческими дѣлами. Не Церковь въ государствѣ, а государство въ Церкви. Если папа есть Богомъ поставленный намѣстникъ Христа, то онъ долженъ быть выше всякой свѣтской власти. Церковь есть представительница духовной жизни и защитница всѣхъ моральныхъ интересовъ человечества; государство съ своей стороны есть представитель, но — ниже стоящихъ интересовъ свѣтской жизни и потому должно быть подчинено Церкви. На свѣтскую власть слѣдуетъ смотрѣть, какъ на установленіе, которое оказывается нужнымъ только ради человѣческихъ слабостей и человѣческой грѣховности, и потому она должна быть подчинена намѣстнику Христа. Вотъ въ чемъ въ сущности состоитъ папское ученіе о государствѣ и Церкви.

Вслѣдствіе этого исторія запада есть исторія постоянно продолжающейся борьбы между свѣтскою властію и папами. Было время, когда папы назначали свѣтскихъ государей и могли освобождать подданныхъ отъ ихъ обязанностей въ отношеніи къ своему государю. Съ теченіемъ времени могущество ихъ пало, но борьба продолжается, хотя и при другихъ обстоятельствахъ. Съ самаго начала существованія римской католической церкви въ исторіи еще никогда не бывало такого момента, въ который-бы могущественная и сознающая свои обязанности государственная власть могла съ папствомъ мирно ужиться; миръ такого рода по самому существу дѣла былъ невозможенъ.

Протестантство силою фактовъ было втиснуто въ совершенно противоположное направленіе, т. е. принципиально подчинено государству. Хотя Лютеръ и призналъ чистоту православнаго ученія о Церкви еще въ 1520 г. (Walch XV, 346), но историческія обстоятельства сдѣлали для него невозможнымъ соединеніе съ восточною Церковію. Вслѣдствіе этого свою церковь онъ долженъ былъ поставить подъ защиту и покровительство государства, а мѣстнаго князя признать главою мѣстной церкви. Это была не принципиальная, но очевидно только эмпирическая, вынужденная переходная мѣра, хотя позже такое положеніе въ протестантской церкви и приняло характеръ основнаго ученія

Профессоръ Гушке говоритъ: „Самъ Лютеръ не только пророкъ (профессоръ и докторъ богословія), но и священникъ (Priester) еще *слишкомъ глубоко въ своемъ сердцѣ* уважалъ сущность Церкви для того, чтобы скорби того времени могли затемнить его взглядъ относительно ученія о ней; съ глубокою истинною оны назвалъ князей, которые по ходу событій сами собою вторглись далѣе, чѣмъ сколько должны были, *епископами нужды* (Nothbischofe), точно также какъ претерпѣвшій кораблекрушеніе назвалъ-бы бревно, на которомъ снѣ спасается, кораблемъ нужды (Nothschiff). *Позднѣйшіе*, напротивъ, особенно же тѣ именно ученые, которые воплѣ находились подъ защитою мѣстныхъ государей, не познали практически сущности Церкви, признали давнее положеніе единственно истиннымъ и старались научно оправдать его съ своей богословской точки зрѣнія“ (Wangemann, В. 2. S. 39).

Такимъ образомъ, мы здѣсь снова встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что временное состояніе, явившееся, какъ вынужденная мѣра подъ давленіемъ обстоятельствъ, впоследствии было оправдано въ протестантскомъ ученіи и выдается теперь за одну изъ основныхъ истинъ протестантства. Промахи такого рода, превращенія переходной ступени въ окончательное состояніе, бывають всегда. Но при такомъ положеніи совершенно возможно утверждать, что если католичество отказало кесарю въ томъ, что кесарево, то протестантство не воздало Богу того, что Божіе. Лучшимъ доказательствомъ несоразмѣрнаго вмѣшательства государственной власти въ область Церкви является ученіе, господствовавшее въ протестантской Германіи: „*cujus regio ejus religio*“. И если это было даже только послѣднимъ выводомъ даннаго ученія,—выводомъ, который не могъ рассчитывать на продолжительное существованіе, то уже одна простая возможность такого ученія во всякомъ случаѣ есть неопровержимое доказательство ложнаго направленія.

Итакъ, какъ одностороненъ католицизмъ въ одномъ направленіи, такъ былъ вынужденъ стать одностороннимъ и протестантизмъ въ другомъ, прямо противоположномъ направленіи.

Помня то, что всякая власть устанавливается сверху, все-

ленская Церковь никогда принципиально не вступала въ борьбу съ государствомъ. Въ этомъ отношеніи она въ извѣстной мѣрѣ представляетъ нормальную противоположность по отношенію къ католической церкви. Последняя, какъ выше сказано, находится принципиально въ постоянно продолжающейся борьбѣ съ государствомъ, — борьбѣ, которая мирному по временамъ отношенію даетъ лишь видъ только компромисса, со взаимнымъ удержаніемъ правъ, видъ согласія, удаляющагося отъ своего принципа, которое, какъ таковое, очевидно слишкомъ мало заключаетъ въ себѣ добраго. Въ православной Церкви, напротивъ, согласіе съ государствомъ по принципу есть нормальное отношеніе, которое *in praxi* можетъ быть нарушаемо лишь въ видъ исключенія. Тамъ нормальная борьба, здѣсь нормальный миръ.

Когда случались нарушенія такого согласія между государствомъ и вселенскою Церковію, вина этого никогда не падала на Церковь. Если прекращалось это согласіе, то происходило это всегда со стороны государства, которое стремилось къ тому, чтобы поработить себѣ Церковь и поставить ее въ отношеніе, подобное существующему въ этомъ случаѣ въ страхахъ протестантскихъ. Но это сходство съ протестантствомъ только поверхностное, такъ какъ чрезмѣрное вліяніе государства могло распространяться лишь на вѣнннюю жизнь Церкви. Ея внутренняя жизнь и ея ученіе, по самому существу вселенской Церкви, совершенно недоступны никакому дѣйствительному вліянію свѣтской власти государства, какъ это доказала также и исторія.

Во времена Византійской имперіи стремленіе свѣтской власти вторгнуться въ область Церкви нерѣдко проявлялось въ высшей степени незаконно. „Византійство“ (*Bizantinismus*) осталось въ исторіи названіемъ одностороннимъ съ понятіемъ вторженія государственной власти во внутреннія дѣла Церкви. Государственная власть брала сторону то Церкви, то появлявшейся какой-нибудь ереси, вмѣшиваясь въ догматическіе споры и повсюду высказывая свое слово. Такого рода обстоятельства много зла причинили Церкви даже и въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ они разрушительно дѣйствовали на ея жизнь. Но истины вселенскаго догмата они не могли

потрясти. Византійскіе императоры созывали соборы, на которыхъ своимъ личнымъ вліяніемъ они побуждали разрѣшать спорные вопросы въ желательномъ для нихъ направленіи (или по политическимъ побужденіямъ, или по ихъ личному убѣжденію) часто въ противорѣчій съ ученіями Церкви,—и тѣмъ не менѣе, не смотря на неограниченную власть, которою они обладали, торжествовала окончательно не ихъ воля, но то, что признавала истиннымъ общественная совѣсть Церкви. Констанцій и Валентъ открыто стояли на сторонѣ аріанства, императрица Аоннада (Евдоксія) стояла на сторонѣ несторіанъ, преслѣдуя и притѣсняя приверженцевъ православнаго ученія, и все-таки восторжествовало послѣднее. Тоже самое, какъ уже сказано, повторилось по случаю Флорентійскаго собора, когда Церковь отказалась признать унію съ католиками, на которую согласились уже императоръ и всѣ члены духовенства, бывшаго на соборѣ (за исключеніемъ Марка Ефесскаго).

Но если уже тогда, когда вѣстныя границы православной Церкви совпадали съ границами Византійской имперіи, оказывалось бессильнымъ вліяніе государственной власти на авторитетъ Церкви въ дѣлѣ ученія, то въ настоящее время, когда вселенская Церковь обнимаетъ собою многія государства, ея духовная независимость гарантирована еще гораздо болѣе отъ всякаго чуждаго вліянія свѣтской власти. Свѣтская власть можетъ оказывать несоотвѣтствующее вліяніе на мѣстную церковь своего государства, когда она вторгается въ жизнь вѣстной церкви; но ученіе послѣдней находится все-таки внѣ всякаго вліянія, потому что оно есть вселенское ученіе, а не ученіе отдѣльной мѣстной церкви. Такимъ образомъ, свобода отъ территоріальнаго ограниченія Церкви является новою гарантіею для ея духовнаго авторитета. Невидимый, но тѣмъ не менѣе реальный авторитетъ вселенской Церкви имѣетъ свою основу внѣ границъ частной страны, но онъ находится и не въ рукахъ чуждаго духовнаго владыки, каковъ напр. папа. Свою основу онъ имѣетъ въ духовномъ факторѣ, въ единеніи различныхъ мѣстныхъ церквей. Такимъ образомъ, устройство православной Церкви таково, что она обладаетъ всеми выгодами территоріальной независимости духовнаго авторитета Цер-

кви и свободна отъ невыгодъ папской организаціи. Свѣтской власти страны противопоставляется не чуждый какой-либо владыка, но авторитетъ духовный, хотя и невидимый, но тѣмъ не менѣе реально проявляющійся, состоящій въ свободномъ и согласномъ совмѣстномъ дѣйствіи всѣхъ отдѣльныхъ православныхъ церквей.

Такимъ образомъ, ни государство не можетъ опасаться чего либо отъ православной Церкви, ни Церковь — отъ свѣтской власти. Православная Церковь владѣетъ способностію — подчиненіе своихъ отдѣльныхъ членовъ мѣстной власти страны во всѣхъ вышнихъ отношеніяхъ соединять съ совершенною учительною и духовною независимостію. Вселенская Церковь воздастъ кесарево кесареви и Божіе Богу. Вопросъ объ отношеніи государства къ Церкви, который на западѣ играетъ столь выдающуюся роль, на православной почвѣ въ такомъ видѣ совершенно не можетъ быть поставленъ. Границы между Божіимъ и кесаревымъ проведены на столь твердомъ основаніи, что въ своей сущности онѣ не могутъ быть нарушены.

Только при такихъ условіяхъ вселенская Церковь и могла сохранить чистоту и неповрежденность своего догмата. Защищеніе христіанской истины здѣсь предоставлено духу взаимной любви и уваженія.

Такъ заканчиваетъ нашъ достопочтенный соотечественникъ, имя котораго намъ, къ сожалѣнію, прямо неизвѣстно, свое пятое письмо по адресу Европы, и свое сужденіе объ отношеніи Церкви къ государству, какъ оно выразилось въ католичествѣ и протестантствѣ, и какъ проявляется оно въ области Церкви вселенской на почвѣ православія. Не менѣе-же важному вопросу посвящаетъ онъ и свое шестое, послѣднее письмо, въ которомъ рассуждаетъ о томъ, въ какой мѣрѣ соответствуетъ Церковь своей идеѣ — въ католичествѣ, протестантствѣ и православіи, или области Церкви вселенской. Важность предмета, достоинство сужденій о немъ нашего автора обязываютъ насъ къ возможно точному изложенію и этого письма, какъ мы старались излагать и всѣ предшествующія. Итакъ слѣдуемъ за авторомъ далѣе.

VI.

Наконецъ, говоритъ авторъ излагаемыхъ нами писемъ, начиная свое послѣднее письмо, намъ слѣдуетъ говорить еще объ одномъ антитезисѣ, который по высокой важности оставляетъ за собою все прочее. Рѣчь идетъ о противоположности между идеальнымъ и эмпирическимъ состояніями, между погрѣшностію и непогрѣшностію, насколько въ Церкви проявляется такая противоположность.

„Все фактическое состояніе Церкви“, говоритъ Тирнъ, „какимъ мы находимъ его, приводитъ насъ къ необходимости — спрашивающему о единой святой вселенской апостольской Церкви Иисуса Христа указывать на невидимость... Дѣло идетъ не о томъ, что существуетъ вообще извѣстное, не легко измѣняемое несогласіе между видимымъ и невидимымъ, но о томъ, что явное, вопіющее, сильное противорѣчіе всего эмпирическаго состоянія съ первичною идеею гнететъ насъ столь рѣшительно, что мы должны содрогнуться предъ отрицаніемъ его, какъ предъ неистиною. Для протестантства исходнымъ пунктомъ служитъ дѣйствительность. Оно находитъ ее несоотвѣтствующею идеалу ни въ какомъ отношеніи. Оно рѣшается... отказаться отъ гармоническаго отношенія между идеею Церкви и ея явленіемъ и оканчиваетъ утвержденіемъ, что такое отношеніе вообще и не должно имѣть мѣста, что оно не нужно, что его даже не восхотѣлъ Богъ. Католицизмъ исходитъ отъ идеи Церкви, вытекающей изъ священнаго преданія перваго времени. Потомъ онъ обращается въ эмпирическому проявленію, чтобы также и его насильно подчинить ей; онъ смѣло ставитъ себя выше всѣхъ затрудненій исторіи и свой постулатъ — вѣчную неотдѣлимость идеала и видимости — превращаетъ въ историческое утвержденіе, что такое гармоническое отношеніе между идеею и ея явленіемъ въ ея Церкви во вѣ времена дѣйствительно существовало, существуетъ и будетъ существовать. Отдать справедливость послыжкамъ протестантства, что дѣйствительное состояніе представляетъ сильный контрастъ въ отношеніи идеи Церкви, — меня принуждаетъ исторія. Признать истину въ послыжкахъ католичества, что по намѣренію

(Absicht) Христа видимая Церковь въ своемъ существованіи должна была обнаруживать отпечатокъ своего божественнаго идеала, — меня вынуждаетъ Священное Писаніе“.

Въ приведенной выдержкѣ яснѣйшимъ образомъ указывается на противорѣчіе между эмпирическимъ состояніемъ Церкви и предпачначепною ей Христомъ непогрѣшимостію. И дѣйстви- тельно, какъ указанное состояніе, такъ и это божественное предпачначеніе должны быть признаваемы неподлежащими сомнѣнію, а потому весьма понятно, что душа каждаго истин- наго христіанина должна быть полна стремленіемъ къ разрѣ- шенію такой противоположности между идеею Церкви и ея осуществленіемъ. Но заключается-ли это рѣшеніе, напримѣръ, въ томъ, что божественное указаніе слѣдуетъ понимать только въ смыслѣ обѣтованія и что вслѣдствіе этого, какъ и въ обык- новенномъ процессѣ развитія вещей, дѣйствительно существую- щее предпачначено только стремиться къ своему идеалу, къ тому, чѣмъ оно должно быть? Но такое рѣшеніе было-бы толь- ко поверхностнымъ, не касающимся сущности дѣла, ибо, по смыслу Священнаго Писанія, *въ каждый моментъ существую- щее* устройство Церкви уже должно быть реализаціею боже- ственной мысли, видимое должно совпадать съ невидимымъ, явленіе—съ идеею *каждаго времени*. Въ отношеніи этого по- ступлята разбираемая противоположность оказывается явнымъ противорѣчіемъ. И *тѣмъ не менше* рѣшеніе должно существо- вать, если въ отношеніи къ Церкви божественное обѣтованіе не должно оставаться напраснымъ.

Но гдѣ слѣдуетъ искать выхода изъ этого антитезиса столь противоположнаго характера?

Вселенская Церковь знаетъ вполнѣ, что въ церковной част- ной жизни идеаль не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; она вовсе не знаетъ „обыкновеннаго человѣческаго жребія иска- жать высокое“, какъ говоритъ Туринъ, „когда оно вступаетъ въ конкретное явленіе“. Но она убѣждена, что такое искаже- ніе выражается только въ жизни мѣстныхъ церквей, т. е. от- дѣльныхъ частей Una Sancta (единой святой Церкви). Посту- лять безгрѣшности частныхъ церквей, какъ и частныхъ лю- дей, никогда не былъ выставляемъ ни въ Церкви, ни въ Свя-

ценномъ Писаніи, а потому ничего такого нельзя также и ожидать. Святою и непогрѣшимою является Церковь только какъ *совокупность* частныхъ церквей, не смотря на грѣхи, слабости и ошибки каждой отдѣльной церкви.

„Вы утѣшаете себя“, говоритъ Тирпизъ своимъ единовѣрцамъ-протестантамъ, „относительно недостатка соотвѣтствія дѣйствительности съ идеею и ея вѣчнымъ совершенствомъ. Мы хорошо знаемъ, что такому средству (успокоенія себя) принадлежитъ извѣстная доля истины и права. Но откуда вы такъ точно знаете, что явленіе не должно было соотвѣтствовать идеѣ?.. Совершенно иное настроеніе, чѣмъ обыкновенное у насъ протестантовъ; есть настроеніе католиковъ. У нихъ чрезъ всѣ традиціи сохранилось сознаніе, что дѣйствительность Церкви должна соотвѣтствовать ея идеѣ. Но съ этимъ неустранимымъ чувствомъ у католиковъ, очевидно, соединяется убѣжденіе, что въ силу основанія Церкви Христомъ и управленія его божественнымъ Промысломъ дѣло совершенно никогда не можетъ и не должно доходить до того, чтобы ея дѣйствительное состояніе въ какомъ-либо истинно существенномъ пунктѣ противорѣчило ея идеѣ. Простое утвержденіе возможности того, чтобы когда-нибудь въ исторіи могло случиться, чтобы Церковь погрѣшила, для строго-католическаго сознанія является вещью пустою, немислимою“.

Да,—говоритъ по поводу этой выдержки авторъ излагаемыхъ нами писемъ,—Церковь во всякомъ случаѣ погрѣшать не можетъ; она непогрѣшима, но, какъ сказано, лишь настолько, насколько она носитъ характеръ вселенской Церкви. Вселенскій-же принципъ, насколько онъ сохраняется, обнаруживается въ жизни и ученіи.

Что касается *жизни*, то вселенскій принципъ и святость Церкви выражаются въ сохраняемомъ до сего дня общеніи ея частей, частныхъ церквей.—Къ четыремъ первоначальнымъ частнымъ церквамъ—Константинопольской, Антиохійской, Александрійской и Иерусалимской—присоединились затѣмъ еще новыя мѣстныя церкви—русская, греческая, румынская и сербская,—которыя также вступили въ общеніе *единой* Церкви. Такимъ образомъ, Церковь, хотя и отдѣлилась отъ нея весь за-

падѣ, все-таки настолько „Уна“ (едина), насколько она представляет вселенское единство большого числа отдѣльныхъ церквей. Она—„Sancta“, потому что въ ней, въ высшемъ явленіи Церкви, въ ея вселенскомъ характерѣ, сохранился высшій христіанскій принципъ любви и общенія. Католицизмъ погрѣшаетъ въ томъ, что святость онъ ограничиваетъ отдѣльными людьми, протестантизмъ напротивъ—въ томъ, что, по открытіи лжи въ католическомъ ученіи, онъ впадаетъ въ другую крайность и святости нигдѣ болѣе не умѣетъ найти въ существующей Церкви. Вселенская Церковь *не считаетъ святости заслугою людей, но благодатию и даромъ Божиимъ*. Отдѣльные люди всѣ подвержены грѣху, отдѣльныя церкви всѣ не свободны отъ погрѣшностей и часто тяжело погрѣшали; но, не смотря на то, что между отдѣльными людьми и даже отдѣльными церквами проявляются честолюбіе, зависть и другія грѣховныя слабости, сила христіански-вселенскаго принципа общенія такъ велика и могущественна, что повсюду, при разсмотрѣніи вселенскихъ вопросовъ, всѣ эти человѣческіе грѣхи, слабости и ошибки ниспровергаются и верховное господство сохраняется во вселенской Церкви невозмутимо. Такимъ образомъ вселенская Церковь можетъ сказать вмѣстѣ съ апостоломъ, что въ ея немощахъ совершается ея сила.

Католическая церковь, помимо всего прочаго, не можетъ быть разсматриваема, какъ вселенское общество-церковь уже потому, что въ своемъ властолюбіи она поработила всѣ отдѣльныя католическія помѣстныя церкви и мало-по-малу, съ теченіемъ времени, уничтожила въ нихъ всякую самостоятельность, всякую автономію. И на этомъ антивселенскомъ направленіи положило свою печать постановленіе Ватиканскаго собора. Какъ можетъ быть рѣчь о вселенскомъ обществѣ тамъ, гдѣ, строго говоря, не существуетъ болѣе ни одной частной церкви, гдѣ согласіе помѣстныхъ церквей болѣе уже даже и не требуется, по самому принципу является даже нетерпимымъ, такъ какъ вмѣсто него безусловнымъ требованіемъ является напротивъ подчиненіе и слѣпое повиновеніе „святому престолу“?. Въ католичествѣ Церковь совершенно совпадаетъ съ своими частями. Съ тѣхъ поръ, какъ католицизмъ помѣстную церковь—

Римъ — возвысилъ до Una Sancta (т. е. до единой, святой Церкви), онъ долженъ былъ послѣдовательно или утверждать (какъ онъ это и дѣлаетъ), что эта одна помѣстная церковь свята, или допустить, что Una Sancta, какъ фактически совпадающая съ помѣстною церковію, не есть болѣе свята. Фактомъ отрѣшенія отъ вселенскаго начала католическая церковь сама завела себя въ такой кругъ, изъ котораго въ проложенномъ направленіи ни логически, ни эмпирически нельзя найти выхода. Она по необходимости должна перенести святость на не-святое.

Въ земномъ, вѣншаемъ, чувственномъ смыслѣ она слишкомъ Una (единая), чтобы могла назваться Una (единою) и въ христіански-духовномъ смыслѣ; а такъ какъ въ ней *одинъ* человекъ, папа, поставилъ себя на мѣсто церковнаго вселенскаго начала, — она не можетъ, не смотря на то, что среди нея есть много достойныхъ и заслуживающихъ уваженія христіанъ, быть названа также и Sancta (святою), ибо Церковь не можетъ возвыситься до святости заслугою грѣшныхъ людей.

Но если католичество слишкомъ реалистически соединяетъ въ одно цѣлое отдѣльныя части, то протестантство дѣлаетъ противоположное, — отдѣльныя части оно совершенно раздѣляетъ одну отъ другой, такъ что онѣ уже не соединяются вовсе между собою никакимъ союзомъ. Церковь въ протестантствѣ теряетъ не только всякую видимость, но и всякую реальность, потому что она превращается въ простую абстракцію, которая абсолютно ничѣмъ уже не проявляетъ себя въ христіанской жизни. Съ этой точки зрѣнія протестантство не можетъ допустить дѣйствительнаго существованія въ наше время ни Una (единой), ни Sancta (святой Церкви).

Что касается теперь *ученія*, то прежде всего слѣдуетъ указать на то, что непогрѣшимость вселенской Церкви уже доказана и исторически сохраненіемъ первоначальной чистоты христіанскаго догмата. Вселенская Церковь ничего не прибавила къ древнему вселенскому ученію и ничего изъ него не убавила. Но нельзя сказать этого ни въ отношеніи католичества, ни въ отношеніи также и протестантства. Тирень говорить: „только Церкви востока существуютъ съ полною не-

измѣняемостію, благодаря которой свои преимущества, но конечно также и свои ошибки онѣ сохранили такъ неподвижно, какъ существовали онѣ тысячу и болѣе лѣтъ тому назадъ“.

Да,—говоритъ авторъ излагаемыхъ нами писемъ по поводу этого отзыва Тирша о восточныхъ церквахъ,—только съ тѣмъ различіемъ, что ошибки находятся лишь въ жизни частныхъ церквей, а преимущества—главнымъ образомъ въ неизмѣнности вселенскаго ученія.

До половины текущаго столѣтія можно было, какъ дѣлаетъ это Тиршъ, справедливо утверждать также и относительно католической церкви, что, за исключеніемъ прибавленія слова „Filioque“, дѣйствительно еще не было случая, когда-бы она устанавливала оффиціально новыя положенія сѣмвола вѣры. Но съ тѣхъ поръ, какъ католическая церковь дошла до того, что стала истолковывать догматически свои заблужденія, какъ, напримѣръ, о непорочномъ зачатіи пресв. Дѣвы и о непогрѣшности папы,—этого болѣе уже нельзя сказать.

Такъ какъ частныя церкви несвободны отъ погрѣшностей, то является неизбѣжнымъ, что въ нихъ мѣстно иногда происходитъ то или другое уклоненіе, вкрадывается то или другое злоупотребленіе. Но категорическое различіе между католическою и вселенскою Церковію состоитъ въ томъ, что въ то время какъ въ послѣдней мѣстныхъ погрѣшности извѣстнымъ образомъ сдерживаются вселенскимъ ученіемъ и потому спустя нѣкоторое время также исчезаютъ, какъ и произошли, оставляя неприкосновенною чистоту вселенскаго ученія,—въ католической церкви напротивъ мѣстныя заблужденія, получивъ извѣстное распространеніе, переходятъ въ церковныя догматы и такимъ образомъ окончательно освящаются и укореняются въ Церкви.

Лучшую иллюстрацію различія въ поведеніи обѣихъ церквей въ этомъ отношеніи представляетъ ученіе о свободѣ отъ грѣха пресвятой Матери Божіей. Это ученіе временно появлялось также и въ нѣкоторыхъ частяхъ вселенской Церкви, напримѣръ—въ Россіи. Стремленіе—воспрославить пресвятую Матерь Божію въ католическомъ смыслѣ—вызвано было отчасти некритическимъ богословскимъ поведеніемъ, въ которомъ

выразилось естественное желаніе, уравнивать Матерь съ Сыномъ,—желаніе, усиленное еще стремленіемъ оказать реакцію протестантскому ученію, а отчасти явилось прямо вслѣдствіе вліянія католическаго богословія на западную часть русской Церкви и, въ частности, на Кіевъ. При томъ уваженіи, которымъ въ прежнее время пользовалось у насъ католическое богословіе, легко могли являться частныя мнѣнія и ученія, имѣвшія сильную католическую окраску. Такимъ образомъ и случилось, что въ XVII вѣкѣ многіе изъ нашихъ западныхъ ученыхъ богослововъ открыто высказались въ пользу ученія о непорочномъ зачатіи, тогда какъ великороссійская и греческая Церковь, стоявшая вдали отъ вліянія католическаго богословія, совершенно сохранила себя отъ этого ученія. Но простаго факта указанія съ компетентной стороны на погрѣшительность такого ученія было достаточно для того, чтобы оно исчезло также и въ западной Россіи. Вотъ какимъ образомъ эта важная часть догматическаго церковнаго ученія во вселенской Церкви и была сохранена въ совершенной чистотѣ. Вселенское пониманіе ученія о Матери Божіей еще недавно изложилъ епископъ Далматскій и Истрійскій, Стефанъ, по поводу католической пропаганды среди южныхъ славянскихъ народовъ, слѣдующимъ образомъ: „Православная Церковь учитъ о пресвятой Дѣвѣ, что она несравненно славнѣе херувимовъ и серафимовъ, что она—присно-дѣва, и почитаетъ ее Матерію Божію. Это ученіе ея основывается на писаніяхъ апостоловъ и отцовъ Церкви. Но поелику она признаетъ, что наследственный грѣхъ перешелъ на все потомство Адама (Рим. 5, 12, 16, 17—19, Ис. 50), она допускаетъ, что также и пресвятая Дѣва была зачата и рождена въ этомъ грѣхѣ, не смотря на свою непоколебимую вѣру, что вслѣдствіи пресвятія Дѣва Духомъ Святымъ была освобождена (очищена) отъ этого наследственнаго грѣха. Согласно съ этимъ православное ученіе отвергаетъ богопротивное ученіе о непорочномъ зачатіи и потому не причисляетъ пресвятой Дѣвѣ того божескаго достоинства (существа), которое принадлежитъ только одному Богу“.

Но если католичество удаляется отъ вселенскаго ученія установленіемъ новыхъ догматовъ, то протестантство погрѣ-

шаеть прямо противоположнымъ образомъ и заходитъ даже такъ далеко, что беретъ на себя трудъ установить вновь самый символъ, который-бы былъ признаваемъ всѣми протестантами. Вотъ почему оно вовсе не далеко отъ опасности совершенно отдѣлиться и отъ христіанства. Самъ Тиршъ говоритъ: „Протестантская церковь, вначалѣ стремившаяся къ тому, чтобы быть очищенною частью западно-католической (церкви) и долгое время еще строже, чѣмъ католическая, отстаивавшая свое, реформаторами преданное и въ символическихъ книгахъ изложенное, ученіе, позже, нарушивъ это слишкомъ для нея непосильное и непомѣрное требованіе православія, обратилось въ фокусъ цѣлаго новѣйшаго образа мышленія, отрѣшеннаго отъ христіанства,—мышленія, которое во имя автономіи духа человѣческаго захватило въ свои руки принципъ свободнаго изслѣдованія, который реформаторы понимали совершенно иначе“. „Протестанты“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „прибѣгаютъ къ толкованіямъ (ученія Никео - Константинопольскаго символа), которыя по своей неисторичности и произвольности ничѣмъ не уступаютъ толкованіямъ римско - католическихъ догматиковъ“.

Касаясь различія понятій о непогрѣшимости и незаблуждаемости, Тиршъ справедливо дѣлаетъ упрекъ католической церкви за то, что тѣ самые главы Церкви, въ отношеніи которыхъ это различіе имѣетъ значеніе (т. е. которые своею недостойною жизнію и стремленіемъ погашали тлѣющую свѣтильню, которую они должны были возжигать), очевидно своею жизнію сдѣлали все возможное, чтобы затмить въ людяхъ истинную цѣль Божественнаго Откровенія. И тѣмъ не менѣе на нихъ будто-бы покоится обѣтованіе непогрѣшимости во всемъ томъ, что рѣшаютъ они *ex cathedra* относительно догматовъ и нравственности... Безъ такой непогрѣшимости, говорятъ, Церковь не выполнила-бы своего назначенія для человѣчества; напротивъ не опасаются, повидимому, за такое уничтоженіе ея назначенія отъ противорѣчія между жизнію и ученіемъ, или даже болѣе,—такъ какъ, съ этой стороны, историческіе факты говорятъ слишкомъ ясно, то незаблуждаемость Церкви совершенно относятся къ области теоретической.

Такого рода упрекъ ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи не можетъ быть сдѣланъ Церкви вселенской. Ибо во-первыхъ она никогда не приписывала непогрѣшимости *человѣку*, а во-вторыхъ эта Церковь сохранила въ себѣ не только просвѣщеніе, но и святость. Въ ней Христосъ не раздѣляется (по выраженію Нитцша) на освящающаго и просвѣщающаго. Такимъ образомъ, она дѣйствительно носитъ въ себѣ сокровище истины и права, котораго Тиршъ тщетно ищетъ въ католической церкви,—т. е. согласіе реального образа съ идеєю, а потому—при правильномъ пониманіи—въ ней совершенно исчезаетъ дисгармонія между христіанствомъ, какъ идеаломъ, какъ требованіемъ, какъ обѣтованіемъ, и между его осуществленіемъ, какъ Церковію,—каковая дисгармонія, по справедливому замѣчанію Тирша, принадлежитъ къ тѣмъ самымъ глубокимъ основаніямъ, ради которыхъ великое число людей не выказываетъ склонности подчиниться христіанской религіи.

Постулаты католической церкви, разсматриваемый со стороны историческихъ фактовъ, по справедливости можетъ быть подвергаемъ нападкамъ. Но постулаты вселенской Церкви вполне согласенъ какъ съ Священнымъ Писаніемъ, такъ и съ исторією, ибо съ одной стороны онъ признаетъ грѣховность всѣхъ людей, а потому также не отрицаетъ ошибокъ и слабостей своихъ частныхъ церквей, на которыя указываетъ исторія,—а съ другой стороны онъ вѣрно хранитъ святость и непогрѣшимость вселенской Церкви, какъ таковой. Противъ этого исторія не можетъ указать ни одного факта, ибо какъ христіанское общеніе, такъ и христіанскій догматъ до сего дня во вселенской Церкви были сохраняемы непоколебимо. Въ этихъ двухъ пунктахъ явленіе не уклонилось отъ идеи. Достаточно и этого. Въ остальномъ также и во вселенской Церкви еще длится борьба между ветхимъ и новымъ чело-вѣкомъ.

Такимъ образомъ во вселенской Церкви гармонически разрѣшается также и этотъ послѣдній антитезисъ,—антитезисъ между Священнымъ Писаніемъ и исторією, между идеаломъ и реальностію, между обѣтованіемъ и исполненіемъ.

На поставленный Тиршемъ вопросъ: „Долженъ - ли былъ

Христось учреждать на землѣ Церковь и затѣмъ при Своемъ отшествіи къ Отцу отдавать ее обыкновенной судьбѣ человѣческихъ дѣлъ, предоставлять возможности заблужденія, и при томъ — заблужденія, вредящаго спасенію ея членовъ, такъ какъ, повидимому, Онъ одинъ только заслужилъ и обезпечилъ спасеніе людей?“...—можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ одна только вселенская Церковь.

Такъ нашъ почтенный соотечественникъ заканчиваетъ свои письма о церковно-религіозномъ состояніи на западѣ и о вселенской Церкви.

Представивъ вниманію нашихъ читателей подробное и точное, почти дословное изложеніе писемъ неизвѣстнаго намъ автора, мы не можемъ не пожелать, чтобы съ полнымъ вниманіемъ и безпристрастіемъ отнеслись къ „Письмамъ восточнаго христіанина“ и ихъ нѣмецкіе читатели, для которыхъ собственно авторомъ они и предназначены. Впрочемъ, мы уже и въ настоящее время имѣемъ нѣкоторое основаніе судить о томъ, какой пріемъ встрѣтили въ протестантской Германіи „Письма восточнаго христіанина“. Въ только-что полученной нами декабрьской книжкѣ нѣмецкаго библиографическаго журнала — „Theologischer Litteratur-Bericht“ — помѣщена библиографическая замѣтка нѣкоего Н. Ф., посвященная изложеннымъ нами „Шести письмамъ о церковныхъ состояніяхъ на западѣ и о вселенской Церкви съ точки зрѣнія восточнаго христіанина“.

Сказавъ предварительно нѣсколько словъ объ авторѣ, на основаніи указаній Дальтона, — именно, что онъ занимаетъ высокій постъ государственной службы (Dezernent im kaiserl. Staatsministerium), что по своему происхожденію онъ не чуждъ нѣмецкой крови и родственъ евангелическому духу, хотя въ настоящее время — горячій другъ и приверженецъ своей греко-вселенской Церкви, что онъ прекрасно владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ, хотя этотъ языкъ теперь и чужой для него, — нѣмецкій критикъ говоритъ объ авторѣ „писемъ“ далѣе слѣдующее: „Онъ очевидно съ горячимъ интересомъ прослѣдилъ ходъ развитія западной церкви, хотя естественно онъ не свободенъ

также и отъ пристрастія въ пользу своей отечественной Церкви. Воодушевленный идеею царства Божія и въ частности идеею Церкви Иисуса Христа, онъ беретъ на себя трудъ показать, что римская церковь вслѣдствіе развитія папства, которое имѣло своимъ послѣдствіемъ еретическіе догматы о непорочномъ зачатіи и непогрѣшимости, равно какъ и своимъ отпаденіемъ отъ восточной перво-церкви потеряла характеръ каѳоличности, и что протестантство, какъ необходимая реакція противъ такого невозможнаго направленія римской церкви, съ своей стороны есть только переходная ступень, которая неудержимо рано или поздно снова возвратится ко все-ленской, т. е. восточной Церкви. Эта же Церковь, хотя отъ нея и отдѣлился весь западъ, тѣмъ не менѣе настолько *и*на, насколько она представляетъ (здѣсь критикъ ставитъ два восклицательныхъ знака) вселенское единство известнаго числа частныхъ церквей; затѣмъ, хотя частныя церкви ея все не свободны отъ погрѣшностей и часто тяжело погрѣшали, тѣмъ не менѣе она настолько *sancta* („и притомъ одна только она!“ замѣчаетъ критикъ въ скобкахъ), насколько въ ней сохранился (здѣсь критикъ ставитъ въ скобкахъ два знака—вопросительный и восклицательный) наивысшій христіанскій принципъ любви и общенія, въ наивысшемъ явленіи Церкви—въ ея вселенскомъ началѣ. Эта мысль проводится относительно основныхъ ученій и формы проявленія трехъ великихъ церковныхъ обществъ (греч., рим., протест.). Фронтальный напоръ при этомъ направленъ преимущественно противъ Рима, между тѣмъ какъ къ протестантству выказывается сплосное отношеніе, что конечно не мѣшаетъ автору высказать и ему горькія, заслуженныя и незаслуженныя истины. Какъ ни страннымъ представляется кое-что въ этой книжкѣ, тѣмъ не менѣе она все-таки интересна и увлекательна, такъ какъ она не только доставляетъ возможность заглянуть въ духовную жизнь Церкви, которая до сихъ поръ намъ обыкновенно казалась мертвою и неподвижною, но она представляетъ также и спасительный (*heilsam*) случай изслѣдовать принципы и состояніе нашей церкви съ совершенно для насъ необычной (*ungewohnten*) точки зрѣнія. Консистоціаль-совѣтникъ Дальтонъ былъ поэтому

вполнѣ правъ, когда утверждалъ, что эти письма съ нашей стороны совершенно не могутъ быть оставлены безъ отвѣта“.

Такъ протестантскіе богословы, во главѣ съ своимъ критико-билліографическимъ органомъ, приняли письма нашего соотечественника о вселенской Церкви въ ея отношеніи къ западнымъ церквамъ.— На первый разъ спасибо и за это!...

Свящ. М. Бункевичъ.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

(Продолженіе *).

3. До сихъ поръ мы останавливали наше вниманіе на двухъ существенныхъ цѣляхъ стремленій человѣка, какъ существа разумно-нравственнаго, — знаніи и нравственномъ совершенствѣ, и нашли, что эти цѣли не только фактически, но и по существу не осуществимы въ предѣлахъ земной жизни человѣка. Сознаніе такой неосуществимости, инстинктивно чувствуемое каждымъ человѣкомъ, но выясняющееся болѣе и болѣе по мѣрѣ умственнаго и нравственнаго его развитія, очевидно, не можетъ не отразиться и въ *чувствѣ* человѣка, въ ощущеніи постоянной неудовлетворенности и недовольства своимъ состояніемъ. И если теперь цѣль стремленія нашего чувства составляетъ достиженіе довольства своимъ положеніемъ, такъ называемаго счастья или блаженства, то уже по существенной связи всѣхъ сторонъ психической жизни мы имѣемъ право а priori предположить, что и эта цѣль человѣческаго бытія также мало можетъ быть осуществлена въ настоящей жизни человѣка, какъ и стремленіе его разума къ знанію, воля къ нравственному совершенству.

Вопросъ, въ чемъ состоитъ истинное счастье и какъ его достигнуть, сильно занималъ древнихъ философовъ. Рѣшеніе этого вопроса составляло жизненное, центральное содержаніе философіи такъ называемыхъ Сократическихъ школъ: Цинической,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 23.

Мегарской, Киринейской, затѣмъ Епикурейской и Стоической; даже Скептики въ своемъ сомнѣніи думали видѣть средство къ достиженію счастія. Но ихъ смѣлая надежда открыть истинную теорію счастія и вѣрные пути къ ея осуществленію на дѣлѣ оказались обманчивыми. Ни въ довольствѣ малымъ, которое предлагали Циники, ни въ чувственныхъ наслажденіяхъ, на которыя указывалъ Епикуръ, ни въ атараксіи и гордомъ самодовольствѣ мнимой добродѣтели, которое проповѣдовали Стоики, человѣкъ не могъ и не можетъ найти счастія. Намъ нѣтъ нужды входить здѣсь въ разборъ этихъ философскихъ теорій счастія и показывать ихъ несостоятельность. Новая философія давно отказалась отъ попытокъ дать вѣрный рецептъ земнаго счастія человѣку. Въ лицѣ своего новѣйшаго, наиболѣе популярнаго представителя (Гартмана), она увлеклась даже въ противоположную крайность, въ рѣшительно пессимистическое воззрѣніе на жизнь. Но тѣмъ не менѣе, не смотря на дѣйствительность частныхъ счастливыхъ положеній и состояній въ извѣстные моменты жизни человѣка, въ общемъ мы должны согласиться съ ходячимъ, житейскимъ выраженіемъ: „нѣтъ счастія на землѣ“. Для доказательства этого нѣтъ нужды прибѣгать къ тривиальному перечисленію всѣхъ бѣдствій и невзгодъ, переполняющихъ жизнь человѣка и отъ которыхъ не застрахованъ никто. Счастливъ человѣкъ или нѣтъ, каждому скажетъ собственное чувство. Существеннѣе вопросъ, отъ чего происходитъ это постоянное, всеобщее недовольство человѣка своимъ состояніемъ, своею жизнію, какъ-бы хорошо, повидимому, она обставлена ни была?

Конечно, если мы спросимъ у каждаго человѣка въ отдѣльности, чѣмъ онъ недоволенъ жизнію и что ему нужно было бы для того, чтобы быть счастливымъ, то получимъ тысячи разнородныхъ отвѣтовъ и указаній на различныя, часто мелочныя блага, обладаніе которыми, по мнѣнію этихъ людей, сдѣлало-бы ихъ вполнѣ счастливыми. Но очевидно мы здѣсь получили-бы отвѣты чисто фальшивые и основанные на самообольщеніи, потому что видимъ на опытѣ, что обладаніе тѣми самыми благами, которыя для неимѣющихъ ихъ представляются верхомъ благополучія, тѣхъ, которые ими владѣютъ, ни-

сколько не дѣлаетъ счастливыми. Истинное и коренное несчастіе человѣка въ томъ и состоитъ, что онъ никогда не можетъ довольствоваться даннымъ положеніемъ, какъ-бы оно хорошо, сравнительно съ другими худшими, ни было. Но мы напрасно стали-бы съ точки зрѣнія болѣе суровой, чѣмъ глубокой морали, винить здѣсь самого человѣка, упрекать его за то, что самъ онъ не хочетъ быть счастливымъ, потому что не умѣетъ довольствоваться малымъ, что онъ самъ дѣлаетъ свою жизнь несчастною, не удовлетворяясь ничѣмъ даннымъ, но мечтая о большемъ и лучшемъ, что онъ ищетъ счастья внѣ себя, въ благахъ обманчивыхъ, вмѣсто того чтобы искать его во внутреннемъ довольствѣ собою и въ спокойствіи совѣсти. Дѣйствительно, главный источникъ несчастія человѣка въ немъ самомъ, хотя и нельзя сказать этого безусловно, потому что есть совершенно независяція отъ человѣка, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныя страданія, напримѣръ болѣзни, потери близкихъ и т. п. Но дѣло въ томъ, что главный внутренній источникъ его несчастій заключается въ самомъ существѣ его природы и дѣлать самого человѣка виновнымъ или отвѣтственнымъ за то, что онъ не умѣетъ быть счастливымъ, было-бы несправедливо. Недовольство его и неудовлетворенность ничѣмъ даннымъ существенно происходитъ отъ того, что въ его душѣ заложены такія стремленія, которымъ онъ здѣсь не можетъ найти истиннаго удовлетворенія, что въ немъ живетъ и мучительно даетъ себя чувствовать идеаль такого счастья, какого настоящая жизнь дать ему не въ силахъ. Каждое частное удовлетвореніе стремленій души въ настоящей жизни не столько удовлетворяетъ ихъ, сколько раздражаетъ, показывая нужду болѣе полнаго ихъ удовлетворенія. Самое полное образованіе разума имѣетъ только слѣдствіемъ убѣжденіе, что наши знанія далеко недостаточны ни по ихъ качеству, ни по объему; умъ человѣка съ мучительною тоскою останавливается предъ множествомъ вопросовъ, рѣшенію которыхъ полагаетъ предѣлъ и природа человѣка и ограниченность его жизни. Каждый шагъ на пути нравственнаго совершенства только яснѣе открываетъ идеаль еще высшаго совершенства, достиженіе котораго, повидимому, тѣмъ больше отдаляет-

ся отъ него, чѣмъ усиленнѣе онъ къ нему стремится. Чѣмъ нравственнѣе человѣкъ, тѣмъ яснѣе и полнѣе онъ сознаетъ свои недостатки; чѣмъ больше развитъ, тѣмъ большаго желаетъ, тѣмъ менѣе способенъ удовлетворяться настоящимъ. Если и встрѣчается на землѣ относительное счастье и довольство своей судьбой, то оно удѣлъ людей мало развитыхъ или непосредственныхъ, не задающихъ высшими вопросами и идеалами жизни. Съ большимъ развитіемъ, съ большею утонченностію самосознанія теоретическаго и нравственнаго, какъ справедливо замѣтилъ Гартманъ, слѣдомъ идетъ большее и большее недовольство жизнию.

Все это показываетъ, что неудовлетворенность человѣка ни чѣмъ даннымъ, во имя высшаго идеала, не есть мечтательная выдумка людей пресыщенныхъ жизнию. Она коренится въ самой природѣ человѣка, въ свойствѣ силъ его духа, запечатлѣнныхъ характеромъ безконечности. Въ силу такого своего происхожденія, стремленіе человѣка къ абсолютному счастью или блаженству, отрицательно выражающее себя какъ недовольство жизнию, есть стремленіе естественное, нормальное и потому имѣющее право на свое удовлетвореніе. Необходимость такого удовлетворенія условливается тою идеею разумности и цѣлесообразности міра, которая не допускаетъ безсмысленныхъ, безцѣльныхъ и обманчивыхъ въ своемъ существѣ природныхъ стремленій человѣческаго духа. Дѣйствительно, почитая стремленіе къ высочайшему благу мечтательнымъ, ограничивая цѣль существованія человѣка земною жизнию и тѣми благами, которыя она можетъ дать, мы запутаемся въ безысходныхъ противорѣчіяхъ, должны будемъ отвергнуть всякій смыслъ и разумность въ мірѣ. Мы видимъ, что каждому существу на землѣ дана необходимая мѣра силъ и средствъ къ достиженію цѣлей его существованія и эти средства строго соразмѣрены съ назначеніемъ его. Животное находитъ цѣль своего бытія и свое счастье въ удовлетвореніи своихъ животныхъ потребностей и инстинктивныхъ влеченій. Когда они удовлетворены, а удовлетвореніе ихъ вполне возможно и доступно при тѣхъ средствахъ и условіяхъ жизни, которыя указаны природою, — оно счастливо и вполне наслаждается жизнию. Отъ того оно и не

стремится постоянно къ лучшему и не усовершеняется, что цѣли его существованія вполне могутъ быть достигнуты въ предѣлахъ земной его жизни *). Но не таковъ человекъ; для него недостаточно самое полное удовлетвореніе его физическихъ потребностей, какъ-бы онъ искусственно ни уточчалъ и ни разнообразилъ и эти потребности и способы ихъ удовлетворенія изысканностію удовольствій и роскоши. Какъ-бы ни рѣшался онъ, слѣдуя ученію нѣкоторыхъ философовъ, отложивъ все заботы, наслаждаться однимъ настоящимъ и не смотрѣть никуда

*) Конечно намъ могутъ сказать, что и животныя однако-же страдаютъ, напр. отъ болѣзней и пр.; поэтому мы и не имѣемъ права ссылаться на страданія человека и на недостижимость имъ полнаго счастья, какъ на особенность его природы и въ силу этой особенности требовать для него будущей жизни, какъ исключительной его привилегіи. Можетъ быть страданіе есть естественный и необходимый удѣлъ всего ограничено существующаго и мы должны поэтому примириться съ своею судьбой и не вѣрять мечтамъ объ ея измѣненіи и о достиженіи невозможнаго удовлетворенія нашего стремленія къ счастью. Но вопросъ здѣсь не о фактѣ страданія, которое можетъ быть неизбежнымъ для каждаго ограниченаго и eo ipso не могущаго быть абсолютно-блаженнымъ существа, а объ относительномъ соответствіи его съ назначеніемъ и степенью совершенства каждаго существа. Если-бы человекъ въ этомъ отношеніи стоялъ на одной ступени съ животными, какъ существо, предназначенное, подобно имъ, для цѣлей земной жизни, то мы имѣли-бы полное право предполагать, что и страданія его не должны-бы превышать мѣры ихъ, опредѣленной для каждаго органическаго существа и должны быть вполне аналогичными съ ними; мы могли-бы тогда примириться съ своею участію въ мысли, что таковъ неизбежный, общій законъ земнаго существованія. Но какъ увидимъ далѣе, количество бѣдствій и страданій, надающихъ на долю человека, далеко превышаетъ мѣру страданій животныхъ и этимъ избыткомъ онъ обязанъ исключительно своей, не только чувственной, но разумно-сознательной природѣ. Отсюда онъ вправѣ видѣть въ этомъ явленіи нѣчто неразумное и неестественное и желать высшаго счастья и блаженства, соответствующаго его высшей природѣ. Отсюда невозможность для него примириться съ своею участію; отсюда стремленіе къ блаженству, котораго не можетъ дать ему земная жизнь, и въ силу идеи разумности міра,—надежда на удовлетвореніе его стремленій въ загробномъ будущемъ. Не говоримъ о томъ, что еще можетъ быть вопросъ: составляютъ-ли нормальныя явленія самия страданія животныхъ и аналогичныя съ ними страданія человека, какъ существа физическаго. Христіанская религія говоритъ намъ о воздыханіи твари (Римл. 8, 20, 22), какъ о явленіи ненормальномъ и не обуславливаемомъ самою природою сотворенныхъ существъ и подаетъ надежду на преобразеніе этого состоянія. Если такъ, то и физическія страданія человека, общія ему съ животными, мы не можемъ признать нормальнымъ явленіемъ и въ силу этого считать незаконною и мечтательною надежду когда-либо освободиться отъ нихъ,—надежду жизни будущей.

дальше жизни настоящей, наслажденіе убѣгаетъ отъ него, потому что онъ все-таки въ пылу всевозможныхъ увлеченій не можетъ совершенно и насильственно заглушить въ себѣ тѣхъ высшихъ требованій духа, которыя, будучи неудовлетворены въ настоящемъ, оставляютъ въ душѣ недовольство этою жизнію.

Такое недовольство ясно говоритъ, что человѣкъ столько-же выше неразумныхъ животныхъ по цѣли и продолженію своего бытія, сколько и по превосходству своихъ силъ. Въ противномъ случаѣ, если онъ подобно животному долженъ существовать только въ предѣлахъ жизни настоящей и для этой только жизни, то существованіе его будетъ необъяснимою аномаліею въ царствѣ жизни, когда для той цѣли, которой можно-бы достигнуть одними низшими, чисто животными силами, даны ему ненужныя и неприложимыя въ настоящемъ его состояніи высшія силы духа и стремленія, которымъ ничто здѣсь не соотвѣтствуетъ. Эти высшія силы и стремленія, не только ничего не прибавятъ къ счастью человѣка, но напротивъ составятъ неистощимый источникъ безцѣльныхъ страданій, прямо противорѣчащихъ его назначенію. Всѣ специфическія особенности, которыя отличаютъ человѣка отъ животныхъ, и которыми онъ столько гордится, окажутся уклоненіемъ его отъ своего назначенія, разрушающимъ то земное и естественное счастье, которое опредѣлено ему природою. Мы должны будемъ придти къ заключенію тѣхъ философовъ, которые истинно натуральнымъ и потому счастливымъ состояніемъ человѣка считали состояніе первобытной дикости и непосредственности, близкое къ состоянію животныхъ, а въ такъ называемой цивилизаціи видѣли искаженіе человѣческой природы, за которое онъ дорого платитъ потерей счастья. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ созданъ только для наслажденія чувственною и земною жизнію, то зачѣмъ въ такомъ случаѣ являлась-бы предъ нимъ совѣсть, съ своими карающими упреками, религія, съ своими стѣснительными для чувственной природы предписаніями, общество съ своими ограниченіями и законами, наука съ своимъ медленнымъ и труднымъ движеніемъ впередъ? Если нашъ жребій—конечное уничтоженіе съ смертію тѣла, то Творецъ, повидимому, только для того и отличилъ насъ выс-

ними силами и способностями отъ животныхъ, чтобы сдѣлать насъ несчастнѣе всѣхъ ихъ; всѣ наши преимущества обращаются въ орудія пытки, при мысли о совершенномъ напемъ уничтоженіи со смертію тѣла. Наше умственное превосходство и образованіе будетъ только причиною того, что нашъ организмъ вслѣдствіе искусственныхъ потребностей и утонченности его, созданной цивилизованою жизнью, сталъ болѣе слабымъ, болѣе подверженнымъ болѣзнямъ, чѣмъ у другихъ животныхъ. Кромѣ того, одинъ человѣкъ способенъ усиливать мѣру и степень своихъ физическихъ страданій, владея способностью предвидѣть ихъ въ будущемъ, растравлять воображеніемъ, продолжать памятованіемъ объ нихъ. И прочія животныя умираютъ; одинъ человѣкъ за-долго предвидитъ свою кончину и отравляетъ свою жизнь представленіемъ неизбежной судьбы и гаданіями о будущей жизни. Но кромѣ страданій внѣшнихъ, общихъ ему съ прочими животными, но значительно усиленныхъ самымъ превосходствомъ его натуры, сколько страданій внутреннихъ, которыми онъ опять обязанъ этому самому превосходству, которыя и силою и многочисленностью часто превышаютъ страданія физическія! Сколько заботъ, печалей, неудовлетворенныхъ желаній, несбывшихся надеждъ, огорченій, которыя иногда заставляютъ человѣка клясть тѣлесной смерти, какъ величайшаго благодѣянія! Прибавьте тяжесть чужихъ бѣдствій, которыя человѣкъ часто принужденъ брать на себя, когда тяжело чувствуетъ страданія близкихъ себѣ, оплакиваетъ ихъ кончину. Всего этого не знаютъ животныя. Но если-бы мы и нашли какое-нибудь средство сдѣлать невозможное возможнымъ, оградить человѣка отъ всѣхъ земныхъ бѣдствій и страданій, оставивъ на долю его одни наслажденія, то и тогда не дали-бы ему блаженства. Спокойное теченіе его жизни постоянно возмущала-бы неотвязная мысль о скоротечности и суетности всѣхъ земныхъ наслажденій, ни чѣмъ неутолимое стремленіе къ неизвѣстному еще ему высшему счастью и блаженству, тайное предощущеніе котораго не даетъ ему остановиться и забыться ни на какомъ земномъ наслажденіи, не даетъ и одного мгновенія, за которое Гетевскій Фаустъ готовъ былъ заплатить цѣною всей своей жизни, —

мгновенія, когда въ чувствѣ полнаго самодовольства онъ могъ бы сказать: „помедли часъ, прекрасенъ ты“ *).

Нѣтъ, высочайшая премудрость и благость не могла создать человѣка для однихъ страданій безъ всякой цѣли и смысла, не могла вложить въ нашу душу постоянныхъ и въ высшей степени жизненныхъ стремленій для одного только томленія и самообольщенія, не могла дать намъ силъ и способностей высшихъ, какихъ не дала прочимъ животнымъ, безъ какой-либо особенной и отличной отъ нихъ цѣли. Если всѣ эти стремленія, силы и способности не будутъ имѣть приложенія и употребленія въ жизни будущей, то мы должны отказаться отъ всякой мысли о цѣлесообразности въ мѣрѣ и о разумности его виновника. Всѣ наши наилучшія надежды и благороднѣйшія стремленія будутъ пустою мечтою и необъяснимымъ заблужденіемъ.

Но всѣ эти стремленія и высшія способности озаряются новымъ свѣтомъ, получаютъ полный смыслъ и значеніе, какъ скоро мы, не ограничивая назначеніе человѣка земною жизнью, будемъ почитать ихъ силами и способностями, которымъ предлежитъ болѣе широкій кругъ дѣйствованія, чѣмъ жизнь настоящая. При свѣтѣ идеи безсмертія души они являются намъ органами, преформированными для жизни будущей и которые также указываютъ на ея дѣйствительность, какъ въ природѣ органической формы зародыша указываютъ на особенную будущую сферу жизни полнаго органическаго существа. Такъ, рассматривая младенца въ его утробной жизни, мы находимъ у него органы специально приспособленные для этой именно жизни; но въ тоже время замѣчаемъ и другіе органы, которые хотя жизненны, но не имѣютъ никакого приложенія и упот-

*) Фаустъ—Мефистофелю:

„Пускай въ то самое мгновенье,
 „Когда услышишь ты хоть разъ,
 „Что я скажу: „помедли часъ,
 „Прекрасенъ ты“,—мое паденье
 „Пускай свершится, часъ мой бьетъ,
 „Окончится твое служенье
 „И время на косу падеть!“

ребленія въ жизни утробной. У зародыша есть глаза, ротъ, уши, ноги, но они существуютъ, повидимому, безъ всякой нужды и цѣли. Если-бы человѣкъ могъ разсуждать въ этомъ отношеніи и если-бы его умственный кругозоръ былъ ограниченъ его утробною жизнію, за предѣлы которой онъ также не могъ-бы провидѣть, какъ мы теперь за предѣлы жизни настоящей, то конечно онъ не могъ-бы рѣшить точно и ясно, для какой цѣли могли-бы служить ему эти, столь бесполезныя, повидимому, органы и части тѣла. Единственно вѣрное вѣроятное заключеніе, къ которому онъ могъ-бы придти, основываясь на разумности и цѣлесообразности дѣйствующихъ въ утробной жизни органовъ, было-бы то, что эти, не функционирующіе еще органы предназначены для какого-то новаго, неизвѣстнаго еще ему образа существованія организма, — пришелъ-бы къ предположенію будущей, иной, чѣмъ утробная, жизни тѣла. Точно также и нашъ разумъ, видя въ душѣ нѣкоторыя духовныя органы, силы и способности, которыя хотя и обладаютъ жизненностію въ настоящемъ состояніи, но цѣль существованія которыхъ однакоже не объясняется вполне и не ограничивается употребленіемъ ихъ въ жизни настоящей, приходитъ къ мысли о существованіи иной, загробной жизни. Какъ въ сѣмени заключаются уже элементы, изъ которыхъ разовьется будущее растеніе, какъ въ куколкѣ гусеницы преформирована уже будущая бабочка, такъ и въ настоящей жизни человѣка можно видѣть начатки силъ и способностей, которымъ окончательно развиться суждено въ будущемъ.

Такимъ образомъ основываясь на идеѣ цѣлесообразности міра, мы приходимъ къ заключенію о безсмертіи души человѣка. Противъ этого доказательства, повидимому, ничего не могутъ возразить тѣ, кто, согласно съ нами, признаютъ разумность въ мірѣ и допускаютъ, что явленія и предметы міра имѣютъ не случайное и беспорядочное бытіе, возникаютъ и исчезаютъ не безъ всякаго смысла и значенія, но происходятъ отъ разумныхъ причинъ и для разумныхъ цѣлей. Но не смотря на это, есть мыслители, вполне признающіе силу этой посылки телеологическаго доказательства безсмертія душъ, но между тѣмъ отвергающіе или по крайней мѣрѣ извращающіе смыслъ

заключенія, которое отсюда вытскаеть. Мы разумѣемъ фило-софовъ идеалистическаго и пантеистическаго направленія. Въ силу своего понятія объ абсолютномъ началѣ бытія они признають разумность и разумную цѣль хода всей міровой жизни; они допускають высшія стремленія и цѣли человѣческаго духа и необходимость ихъ достиженія. Но отрицаніе въ то же время самостоятельности бытія частнаго и индивидуальнаго, и признаніе истиннымъ проявленіемъ абсолютнаго только общаго производитъ то, что осуществленіе этихъ разумныхъ цѣлей они находятъ только въ общемъ, въ жизни не индивидуума, но рода человѣческаго. Все единичное ничтожно и преходяще; только общее вѣчно и бессмертно. Тѣ высшія идеальныя цѣли, которыхъ не достигаетъ на землѣ ни одинъ отдѣльный человѣкъ и которыя побуждаютъ нѣкоторыхъ для достиженія ихъ предположить жизнь загробную, вполне осуществимы и осуществляются здѣсь на землѣ, въ жизни человѣчества, въ процессѣ его исторической жизни. Отсюда мысль о такъ называемомъ общечеловѣческомъ бессмертіи, которою думаютъ замѣнить мысль о бессмертіи личномъ.

Повидимому къ мысли о такого рода бессмертіи приводитъ насъ и та аналогія между цѣлесообразностію органическаго царства и духовнаго, которая положена была нами въ основѣ телеологическаго доказательства. Видя разумность строя жизни существъ органическихъ и достиженіе ими цѣли своего бытія, мы предположили, что тѣмъ болѣе такое достиженіе должно имѣть мѣсто въ высшей области существъ духовныхъ. Но какъ достигаются цѣли существъ органическихъ? Не видимъ-ли мы, что онѣ осуществляются не каждымъ индивидуумомъ отдѣльно, но цѣлыми родами ихъ въ совокупности? Такъ мы находимъ, что множество органическихъ зародышей (сѣмена растеній, куколки насѣкомыхъ, зародыши животныхъ, напр. рыбъ) погибаетъ не явившись на свѣтъ, не образовавшись въ организмы; безчисленное множество живыхъ существъ гибнетъ или вскорѣ послѣ рожденія, или не достигнувъ полнаго и окончательнаго развитія. Но богатство природы такъ велико, что для нея не составляетъ никакого ущерба такая гибель отдѣльныхъ ея существъ; ея красота, разумность и стройность

отъ того не страдаютъ. Тѣ разумныя цѣли бытія, которыя не достигаются индивидуумами, выполняются существованіемъ рода; индивидуумы гибнутъ, родъ существуетъ вѣчно. Точно также и въ мірѣ человѣческомъ; повидимому нельзя считать какимъ-либо вопіющимъ противорѣчіемъ закону разумности, что отдѣльныя лица не достигаютъ своего назначенія, какъ скоро такое назначеніе выполняется цѣлою совокупностью ихъ, родомъ человѣческимъ.

Не говоримъ пока о томъ, что въ этой аналогіи между органическимъ царствомъ и духовнымъ, которая очень употребительна у философовъ-идеалистовъ, мы выходимъ за предѣлы, указываемыя логикою для всякаго рода аналогическихъ умозаключеній. Сходство не есть тожество и, останавливаясь на сходномъ, мы не должны упускать изъ виду существенно несходныхъ сторонъ въ томъ и другомъ царствѣ, которыя не позволяютъ безусловной общности заключенія относительно способовъ достиженія цѣлей въ мірѣ органическомъ и духовномъ. Личность человѣка имѣетъ полную самостоятельность и не можетъ быть приравниваема по своему значенію и назначенію къ органическимъ индивидуумамъ. Но если-бы мы даже допустили представленную нами аналогію во всемъ ея объемѣ, мы вправѣ были-бы принять и вытекающее изъ нея заключеніе въ томъ лишь случаѣ, если-бы намъ доказали, что цѣли человѣческаго бытія, не выполняемыя отдѣльными лицами, дѣйствительно осуществляются, по-крайней мѣрѣ могутъ быть осуществлены родомъ человѣческимъ.

Но весь представленный нами анализъ коренныхъ стремленій человѣческаго духа даетъ, очевидно, отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Не нѣкоторыя только отдѣльныя лица не получаютъ удовлетворенія въ своихъ стремленіяхъ къ знанію, нравственному совершенству, къ счастью, но все люди, безъ исключенія, все человѣчество. Самое общее и ясное доказательство тому находимъ уже въ простомъ фактѣ постояннаго стремленія къ усовершенствованію въ родѣ человѣческомъ. Въ этомъ отношеніи мы видимъ рѣзкое отличіе человѣка отъ животныхъ. Въ царствѣ органическомъ отдѣльные роды существъ дѣйствительно достигаютъ своего назначенія, раскрывая въ

своей жизни всю полноту силъ и способностей, данныхъ имъ природою; поэтому здѣсь случайное недоразвитіе, случайная гибель отдѣльныхъ экземпляровъ не имѣетъ никакого значенія. Вотъ почему породы растеній и животныхъ, что касается до общаго ихъ типа, неизмѣнны. Каждое новое поколѣніе, являющееся на смѣну стараго, съ утомительнымъ однообразіемъ повтсряетъ прежнее, не только въ своемъ морфологическомъ строеніи, но даже, какъ въ высшихъ органическихъ существахъ—животныхъ, въ инстинктахъ, въ образѣ жизни; измѣненія къ лучшему, прогресса здѣсь нѣтъ. Это ясно показываетъ, что типъ или идея даннаго органическаго существа вполне можетъ быть осуществлена и осуществляется на землѣ, что для него нѣтъ никакихъ высшихъ недостижимыхъ или недостигнутыхъ еще здѣсь цѣлей; оно не усовершенствуется потому, что совершенно и закончено уже въ своемъ родѣ. Но въ такомъ-ли положеніи родъ человѣческій? То постоянное недовольство настоящимъ и даннымъ, то неуклонное стремленіе къ усовершенствованію, та постоянная измѣнячивость и прогрессивное развитіе духовной жизни, которое составляетъ специфическую особенность человѣка, прямо говоритъ, что человѣческій родъ не только въ отдѣльныхъ своихъ индивидуумахъ, но и вообще не достигаетъ здѣсь своего назначенія и окончательной цѣли своего бытія. Если-бы онъ достигалъ ея, то въ его жизни мы должны-бы видѣть ту-же однообразную смѣну явленій, то-же неизмѣнное повтореніе одного и того-же, какое замѣчаемъ въ органическомъ царствѣ.

Посмотримъ теперь, въ какихъ явленіяхъ общечеловѣческой жизни защитники общечеловѣческаго безсмертія души думаютъ видѣть достиженіе ею цѣлей своего существованія.

По мнѣнію однихъ, осуществленіе идеальныхъ цѣлей человѣческаго бытія, котораго нѣкоторые ожидаютъ въ загробной жизни, имѣетъ мѣсто постоянно и въ настоящей жизни; и въ этой жизни есть такія сферы обнаруженія духовнаго бытія, въ которыхъ идеальная, безусловная жизнь нашего духа не встрѣчаетъ никакихъ чуждыхъ ей ограниченій и стѣсненій, но является во всей своей полнотѣ. Эти сферы жизни, по мнѣнію однихъ, заключаются въ знаніи, въ философіи, по мнѣнію дру-

гихъ—въ искусствѣ. По ученію Гегеля, „при мысли о безсмертіи души не слѣдуетъ представлять себѣ, будто оно наступитъ и осуществится только въ послѣдствіи, въ жизни загробной. Оно есть настоящее качество души, потому что духъ вѣчень и въ силу этого и въ настоящемъ безсмертенъ; духъ въ своей свободѣ не заключенъ въ кругъ ограниченнаго бытія; для него, какъ для мыслящаго, познающаго, предметомъ знанія служитъ общее, а это и есть вѣчность. Эта вѣчность доходитъ до сознанія въ познаніи себя безконечнымъ, въ этомъ самомъ выдѣленіи себя изъ области естественныхъ, случайныхъ отношеній... Дѣло вообще состоитъ въ томъ, что человекъ безсмертенъ черезъ познаніе, такъ какъ только въ мышленіи онъ является не смертною, животною душою, но душою чистою, свободною. Познаніе, мышленіе есть корень его жизни и его безсмертія“ *). По мнѣнію Шеллинга (въ первый, цвѣтущій періодъ его философствованія) тѣ противорѣчія и неразумныя явленія жизни, которыя заставляютъ насъ искать примиренія ихъ въ жизни будущей, примираются въ области искусства. Въ искусствѣ вещество насквозь проникается мыслию, духомъ и самый міръ страстей, просвѣтленный искусствомъ, представляетъ здѣсь успокоительную гармонію, торжество правды и пораженіе неправды. Въ творческомъ вдохновеніи, въ эстетическомъ созерцаніи, въ высокомъ наслажденіи созданіями поэзіи и изящныхъ искусствъ, духъ человека достигаетъ той идеальной высоты, съ которой все, что возмущало его, какъ реальное, эмпирическое явленіе, теряетъ свои рѣзкія черты и представляется въ новомъ лучшемъ свѣтѣ; въ области искусства мы находимъ то идеальное царство истины и добра, то высокое блаженство, которыхъ не находятъ наши духъ, погруженный въ низменныя сферы эмпирическаго, ограниченнаго бытія.

Не станемъ упоминать о томъ, что если-бы и въ самомъ дѣлѣ цѣли человѣческаго бытія достигались въ наукѣ и искусствѣ, то и въ такомъ случаѣ этого достиженія никакъ нельзя-бы назвать общечеловѣческимъ, но только осуществле-

*) Religionsphilosophie. Werke. XII. 11, 220.

ніемъ ихъ немногими избранными лицами, стоящими на высотѣ интеллектуальнаго или эстетическаго развитія. Основное заблужденіе здѣсь, какъ и во всей идеалистической философіи, состоитъ въ томъ, что признавая истинно сущимъ только общее, идеальное, она совершенно забываетъ о мірѣ реальномъ и поэтому предполагаемое ею идеальное осуществленіе цѣлей человѣческаго бытія считаетъ за реальное ихъ достиженіе. Но на самомъ дѣлѣ никакое мыслимое удовлетвореніе стремленій человѣческаго духа, въ наукѣ-ли то, или искусствѣ, не можетъ сгладить или уничтожить факта реальнаго неосуществленія ихъ въ жизни человѣчества. Философскій взглядъ на природу и жизнь, примиряющій диссонансы и нестроенія въ той и другой въ идеальномъ признаніи ихъ разумности и необходимости въ общемъ строѣ міровой жизни, не можетъ уничтожить ихъ дѣйствительнаго существованія, болѣзненно отзывающагося въ каждомъ живомъ, а не живущемъ только въ мірѣ абстракцій человѣкѣ. Точно также и художественное изображеніе этихъ диссонансовъ жизни, удовлетворяя эстетическое чувство и доставляя своеобразное наслажденіе въ созерцаніи такихъ явленій, которыя въ дѣйствительности возбуждаютъ негодованіе и страданіе, не можетъ заставить насъ забыть объ ихъ подлинномъ и реальномъ характерѣ. Тяжелая и несоотвѣтствующая идеалу дѣйствительность постоянно будетъ напоминать намъ, что въ области искусства мы живемъ въ области призраковъ и фантастическихъ видѣній. Въ виду этого въ стремленіи создать идеальный міръ искусства и въ наслажденіи этимъ міромъ мы можемъ видѣть не болѣе, какъ предчувствіе подлинной, полной гармоніи бытія,—предчувствіе, которое способно не столько удовлетворить наше стремленіе къ истинному и прекрасному на самомъ дѣлѣ, сколько еще болѣе усилить и раздражить его болѣзненнымъ чувствомъ несоотвѣстствія идеала дѣйствительности, какъ скоро съ высотъ спекуляціи и эстетическаго созерцанія мы спустимся на реальную почву знанія и жизни. Но и такое, фиктивное въ сущности, достиженіе цѣлей человѣческаго бытія въ области наукъ и искусства, и сама идеалистическая философія вправѣ была-бы допустить лишь въ томъ случаѣ, если-бы наука

и искусство, каждое въ своей сферѣ, могли-бы дать полное удовлетвореніе на всѣ запросы нашего ума и чувства, если-бы, напримѣръ, мы достигли такого философскаго міросозерцанія, въ которомъ нашли-бы окончательное разрѣшеніе всѣхъ волнующихъ нашъ умъ сомнѣній и недоумѣній, если-бы имѣли такія созданія поэзіи и искусства, созерцаніе которыхъ вполне замѣняло-бы для насъ печальную дѣйствительность и заставляло забывать о ней. Положимъ, Гегель могъ обольщать себя мыслию (искренно, или нѣтъ—другой вопросъ), что въ его системѣ достигнуто абсолютное разумѣніе сущаго, что въ ней окончательно примирены всѣ диссонансы, разрѣшены всѣ загадки знанія и бытія. Но живое движеніе философской мысли скоро показало всю несостоятельность такой горделивой претензіи и какъ настоящее, такъ и прошедшее философіи ясно показываетъ, что нѣтъ ни одной системы, ни одного міросозерцанія, которое могло-бы похвалиться, что въ немъ достигнута абсолютная цѣль человѣческаго познанія. Тоже мы должны сказать и объ искусствѣ: ни одно самое гениальное произведеніе не способно увлечь насъ до забвенія дѣйствительности и дать намъ реальное, а не обманчивое счастье, точно также какъ самое прекрасное изображеніе пира на картинѣ не заглушитъ чувства голода у голоднаго, самый поэтический лаядшафтъ лѣса и береговъ рѣки не удовлетворитъ измученнаго зноемъ и жаждою странника земли.

Такимъ образомъ мы должны совершенно отказаться отъ мысли некатъ осуществленія цѣлей человѣческаго бытія въ настоящее время въ идеальной области знанія и искусства. Несостоятельность этой мысли, повидимому, чувствовали и философы-идеалисты и потому, оставляя въ сторонѣ далеко несоотвѣтствующее идеальнымъ цѣлямъ человека настоящее, большая часть ихъ обращаетъ свои взоры къ отдаленному будущему. Тѣ цѣли человѣческаго бытія, которыя не осуществляются теперь, по ихъ мнѣнію, могутъ и должны осуществиться въ будущемъ путемъ историческаго развитія человека. То идеальное царство разума, правды, добра и счастья, котораго теперь напрасно ищетъ человекъ за предѣлами гроба, настанетъ нѣкогда на землѣ, когда завершится многотрудный

процессъ развитія рода человѣческаго. Такимъ образомъ, если не отдѣльными лицами, то человѣчествомъ будутъ осуществлены цѣли человѣческаго духа.

Но если-бы и дѣйствительно такое идеальное царство было осуществимо на землѣ, можно-ли въ точномъ и строгомъ смыслѣ сказать, что цѣли бытія человѣка осуществлены *родомъ человеческимъ* и что идея разумности міра нашла полное свое оправданіе? Очевидно, нѣтъ. Мы имѣли-бы право сказать только, что эти цѣли достигнуты или выполнены сравнительно лишь небольшимъ числомъ лицъ, которымъ суждено жить въ ту блаженную эпоху завершенія исторіи міра. Что-же остальное человѣчество, въ безчисленномъ множествѣ поколѣній страдавшее, борющееся, гибнувшее, чтобы доставить возможность счастья небольшому числу избранныхъ? Не будетъ-ли существованіе его явнымъ нарушеніемъ законовъ разумности и правды? Цѣлью такого существованія милліоновъ поколѣній не будетъ-ли совершенно бесполезное страданіе ради малѣйшей части человѣчества, съ которою они ничѣмъ не связаны и которая не имѣетъ никакого права на такое ихъ самопожертвованіе? Не будетъ-ли не меньшимъ нарушеніемъ законовъ правды и разумности ничѣмъ не заслуженное счастье лицъ, случайно родившихся позже другихъ, но построившихъ свое счастье на развалинахъ безчисленныхъ несчастныхъ поколѣній? Вообще мысль объ осуществленіи цѣли человѣческаго бытія здѣсь на землѣ путемъ исторіи не только не спасаетъ идею разумности міра, какъ думаютъ ея защитники, но совершенно разрушаетъ ее, допуская величайшее неразуміе и несправедливость.

Точно также разрушительно дѣйствуетъ эта мысль и на идею нравственности. Мысль о достиженіи человѣчествомъ своего назначенія здѣсь на землѣ, вмѣсто того, чтобы быть возбуждающимъ, укрѣпляющимъ, утѣшающимъ мотивомъ нашей нравственной дѣятельности, какъ идеи безсмертія личнаго, способна совершенно парализовать эту дѣятельность. Для чего мнѣ трудиться надъ моимъ образованіемъ, надъ моимъ нравственнымъ совершенствованіемъ, для чего заботиться о счастьи своихъ ближнихъ, если для меня лично ничего изъ всего этого

не выйдетъ, если плодами моихъ трудовъ и усилій воспользуется нѣкто, когда-то въ отдаленнѣйшемъ будущемъ? Правда, философы-идеалисты такой взглядъ называютъ низкимъ, эгоистическимъ, чуждымъ истинной нравственности. Они и въ своей идеѣ общечеловѣческаго безсмертія думаютъ видѣть нечеловѣческое значеніе. Истинно нравственный человѣкъ, говорятъ они, долженъ имѣть въ виду не результаты своей дѣятельности для себя лично, но благо цѣлаго. Въ своей нравственной дѣятельности онъ долженъ возбуждаться и утѣшаться тѣмъ, что его дѣйствія послужатъ на пользу человѣчеству, приблизятъ моментъ его счастья. Отецъ работаетъ, отказываетъ себѣ, конитъ состояніе, имѣя въ виду не себя лично, а свое потомство; трудясь для его счастья, онъ находитъ въ томъ и исполненіе своего долга и высочайшее, чуждое эгоизма наслажденіе. Такъ и мы, при вѣрѣ въ лучшую будущность человѣчества, должны быть счастливы тѣмъ, что готовимъ счастье для будущихъ поколѣній, съ которыми связаны узами родственной намъ, человѣческой природы. Но недостатокъ этого идеалистическаго взгляда на нравственное значеніе идеи общечеловѣческаго безсмертія въ томъ, что онъ слишкомъ идеаленъ и потому не приложимъ къ дѣйствительной жизни. Отецъ, конечно, можетъ быть счастливъ самоотверженіемъ въ пользу ближайшаго потомства; но сталъ-ли бы онъ работать и отказывать себѣ, если-бы ему сказали, что его наследствомъ воспользуются не его дѣти или внуки, которые будутъ страдать также, какъ и онъ, но какой-то его потомокъ черезъ миллионъ поколѣній? Также точно не естественна и не мыслима личная нравственная дѣятельность подъ вліяніемъ идеи о счастьи отдаленнѣйшей части человѣчества. Мотивъ такой дѣятельности есть искусственный, выдуманный теоріею; онъ не только не можетъ служить нравственнымъ мотивомъ для всѣхъ, но едва-ли даже служить мотивомъ практической дѣятельности для тѣхъ самыхъ философовъ, которые его изобрѣли. Но положимъ, что этотъ мнимо высоко-нравственный мотивъ дѣйствительно можетъ служить опорой нравственности не менѣе идеи о личномъ безсмертіи. Во всякомъ случаѣ онъ будетъ имѣть значеніе только для людей развитыхъ, нравственныхъ; но въ состояніи

ли онъ, какъ идея безсмертія личнаго, не только возбуждать къ добру, но и полагать преграду злу, останавливать развитіе порочности страхомъ отвѣтственности и наказанія въ жъзни будущей? Очевидно, нѣтъ. Мысль о счастіи или несчастіи человѣчества въ будущемъ никогда не въ состояніи обуздать эгоизма, положить преграду чувственности и пороку. Что мнѣ за дѣло, скажетъ эгоистъ (а таковы большая часть людей), будутъ-ли когда-то счастливы или несчастливы какіе-то будущіе, неизвѣстные мнѣ обитатели земнаго шара? Да и правду сказать, отъ моей личной добродѣтели или порочности ихъ счастіе или несчастіе нисколько и не зависитъ. Все и безъ меня пойдетъ своимъ чередомъ; потокъ общеисторическаго движенія подобно рѣкѣ дойдетъ, куда ему слѣдуетъ, и намъ нѣтъ ни малѣйшей нужды своими ничтожными усиліями его ускорять или задерживать. Предъ силою и могуществомъ абсолютнаго, движущагося этимъ потокомъ, ничтожны индивидуальныя личности и странно было-бы въ этомъ, нисколько отъ насъ независящемъ, теченіи искать какихъ-либо опредѣляющихъ мотивовъ для нашей личной дѣятельности.

Но какъ ни шатки и обманчивы нравственные мотивы, такъ называемаго, общечеловѣческаго безсмертія, они могли-бы имѣть нѣкоторый смыслъ въ томъ лишь случаѣ, если-бы мы могли быть твердо увѣрены въ истинѣ такого безсмертія и въ дѣйствительномъ осуществленіи высшихъ цѣлей человѣческаго духа въ отдаленномъ будущемъ. Но такой увѣренности не могутъ дать намъ ни наблюденія надъ прошедшимъ человѣческаго рода, ни наблюденія надъ свойствами самыхъ стремленій нашего духа. Положимъ, что настоящее положеніе человѣческаго рода въ отношеніи къ умственному и, можетъ быть, нравственному состоянію его несравненно выше, чѣмъ положеніе предшествующихъ поколѣній; допустимъ, что ходъ всемірной исторіи представляетъ намъ фактъ неизмѣннаго прогресса. Можетъ-ли это служить ручательствомъ, что такой прогрессъ закончится здѣсь на землѣ осуществленіемъ всѣхъ цѣлей человѣческаго бытія? Если отъ аналогіи прошедшаго здѣсь и представляется возможнымъ заключать къ будущему, то только къ постоянству прогресса, но отнюдь не къ завершенію его или достиженію

цѣли; на основаніи прошедшаго мы можемъ допустить, что и впредь человѣчество будетъ также развиваться и усовершенствоваться, какъ развивалось до сихъ поръ, но ничто еще не ручается намъ, чтобы это развитіе когда-либо остановилось и закончилось именно здѣсь на землѣ. Но этого мало. Если держаться аналогическаго пути умозаключенія въ сужденіи о будущихъ судьбахъ человѣчества, то представляется вѣроятность и совершенно другаго исхода исторіи человѣческаго рода. Мы видимъ, что всѣ органическія существа, самъ человѣкъ, какъ организмъ, слѣдуютъ тому закону жизни, что за эпохою полной зрѣлости и развитія слѣдуетъ постепенный упадокъ жизненной энергіи, истощеніе и окончательное исчезновеніе жизни; за дѣтствомъ, юностію, зрѣлымъ возрастомъ слѣдуетъ болѣзненная старость и смерть. Эти моменты развитія мы можемъ услѣдить не только въ жизни органическихъ индивидуумовъ, но и въ жизни народовъ. Но что будетъ, если мы эту аналогію приложимъ и ко всему человѣчеству? Что тогда станетъ съ общечеловѣческимъ безсмертіемъ и съ блестящею будущностью, которою имѣетъ будто-бы завершиться жизнь человѣчества? Въмѣсто свѣтлыхъ надеждъ на достиженіе высшихъ цѣлей человѣческаго духа мы будемъ имѣть въ перспективѣ имѣющій начаться, съ нѣкотораго неизвѣстнаго намъ пункта исторіи, неизбежный упадокъ, склоненіе къ худшему и худшему и затѣмъ окончательное физическое и духовное истощеніе человѣчества.

Но если аналогіи, на основаніи которыхъ мы имѣемъ право гадать о будущности человѣчества, дѣлаютъ очень сомнительною мысль о достиженіи имъ цѣлей его бытія на землѣ, то внимательное наблюденіе надъ самымъ характеромъ высшихъ стремленій человѣка окончательно разрушаетъ эту иллюзію. Мы уже видѣли, что недостижимость этихъ цѣлей зависитъ не отъ какихъ-либо внѣшнихъ или случайныхъ обстоятельствъ, которыя могли-бы быть устранены движеніемъ историческаго прогресса или временемъ, но отъ ихъ существеннаго характера и отъ самыхъ условій земной жизни, измѣнить которыя человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи. Такъ мы видѣли, что недостижимость идеала знанія зависитъ съ одной стороны отъ его безграничности, съ другой отъ ограниченій, естественно и неизбежно полагае-

мыхъ самымъ соединеніемъ психическаго начала съ организмомъ. Неосуществимость нравственнаго и общественнаго идеала зависитъ, помимо другихъ условій, отъ антагонизма нашей чувственной и духовной стороны, который, отъ чего-бы первоначально ни происходилъ, фактически является неотстранимою принадлежностью нашей природы, которая никогда не можетъ быть уничтожена, пока человѣкъ останется человѣкомъ, т. е. существомъ органическимъ; а съ этою невозможностью терлется и возможность полнаго осуществленія добра и нравственности на землѣ. При недостижимости же на землѣ цѣлей разума и воли, очевидно становится невозможнымъ и достиженіе счастья или блаженства. Кромѣ того, эта недостижимость послѣдней высшей цѣли человѣка, какъ и двухъ первыхъ, обуславливается, какъ мы видѣли, ея абсолютностію. Человѣкъ не можетъ удовлетвориться ничѣмъ даннымъ, какъ-бы оно хорошо и совершенно ни было; поэтому какого-бы благосостоянія человѣкъ ни достигъ здѣсь на землѣ, это благосостояніе не утолитъ вѣчной жажды его духа, стремящагося къ идеалу абсолютному. Если и можно еще мечтать объ осуществимости на землѣ идеаловъ знанія и добра, то такая мечта совершенно несостоятельна при мысли о счастьи. Нѣтъ сомнѣнія, на примѣръ, что настоящее поколѣніе умнѣе и образованнѣе, чѣмъ предыдущія; можетъ быть, что оно добрѣе и нравственнѣе; во всякомъ случаѣ внѣшнія условія жизни и общественнаго быта въ наше время благопріятнѣе для человѣка, чѣмъ прежде. Но можно-ли безпристрастно сказать, что человѣкъ теперь довольнѣе и счастливѣе, чѣмъ прежде? Утонченность цивилизаціи и лучшая внѣшняя обстановка жизни, вмѣсто того, чтобы удовлетворять человѣка, еще больше, такъ сказать, раздражаетъ его, даетъ большій процентъ людей скучающихъ и недовольныхъ жизнью, чѣмъ прежнія, сравнительно болѣе грубая и тяжелая времена. Не даромъ человѣкъ въ недовольствѣ жизни, вопреки, повидимому, всякой справедливости и вѣрѣ въ прогрессъ, готовъ относить времена счастья въ отдаленное прошедшее и вмѣстѣ съ нѣкоторыми философами видѣть идиллическія времена золотого вѣка въ первобытномъ грубомъ, почти животномъ, непосредственномъ состояніи. Поэтому мы впра-

Вѣ думать, что большее и большее развитіе челоуѣка въ предѣлахъ его земной жизни не только не будетъ приближать его къ достиженію желаемаго имъ счастья, но можетъ быть будетъ больше и больше отдалять отъ него, заставляя его яснѣе и яснѣе сознавать, что то, чего онъ ищетъ здѣсь, есть иллюзія, которая можетъ обманывать челоуѣка только въ пору его дѣтства и неразвитости.

Вѣрности этихъ мыслей о сомнительности достиженія челоуѣчествомъ окончательной цѣли своего бытія здѣсь на землѣ, конечно, не могли не чувствовать нѣкоторые идеалисты. Но отказываясь отъ мысли о достиженіи когда-либо челоуѣкомъ счастья и другихъ своихъ цѣлей здѣсь на землѣ и тѣмъ не менѣе желая удержать въ замѣнъ безсмертія личнаго идею общечелоуѣческаго безсмертія, они неизбежно должны были запутаться въ противорѣчійхъ. Такъ, напримѣръ, Штраусъ, съ особенною силою возстающій противъ телеологическаго доказательства безсмертія души, осуществленіе цѣлей челоуѣческаго духа на землѣ видитъ уже не въ какомъ-либо окончательномъ результатѣ всемірной исторіи, но въ самомъ безконечномъ, никогда слѣдовательно не завершающемся процессѣ развитія челоуѣческаго рода. Но какая цѣль этого безконечнаго процесса, если имъ не достигается ничего? Да и для кого этотъ процессъ можетъ имѣть значеніе и смѣлеть, кому онъ доставляетъ счастье и удовлетвореніе? Для сознанія обыкновеннаго челоуѣка, очевидно, нѣтъ, потому что онъ только въ самой ограниченной мѣрѣ можетъ принимать участіе въ этомъ процессѣ. Наслажденіе сознаніемъ историческаго прогресса рода челоуѣческаго возможно только при высшемъ взглядѣ на цѣлый ходъ исторіи и на разумность этого хода. Но такой взглядъ, такое наслажденіе гармонією цѣлага и сознаніемъ его разумности доступенъ только очень немногимъ. У большей части людей непосредственное чувство жизни выражается только сознаніемъ, что міръ идетъ не такъ, какъ должно, вмѣсто улаждающаго чувства разумности является горькое чувство неразумія жизни, несоотвѣтствія ея требованіямъ истины и добра. Ужели-же теперь цѣль всего историческаго процесса состоитъ лишь въ томъ, чтобы служить

зрѣлищемъ для созерцанія нѣсколькимъ философамъ, матеріаломъ для построенія различныхъ теоретическихъ формулъ, доказывающихъ разумность и цѣлесообразность исторіи? Итакъ, для кого-же опять имѣеть значеніе и смыслъ безконечный прогрессъ человѣческаго рода? Но еще вопросъ: дѣйствительно ли имѣеть мѣсто такой *безконечный* процессъ? Дѣйствительно ли вѣченъ родъ человѣческій? Замѣчательно, что тотъ-же Штраусъ, который на предположеніи такого процесса основываетъ всю свою полемическую аргументацію противъ личнаго безсмертія, самъ подкапываетъ эту основу и разрушаетъ свое собственное ученіе, когда допускаетъ мысль, что и родъ человѣческій, вмѣстѣ съ планетою, на которой онъ живетъ, какъ происшедшій во времени, долженъ и погибнуть. Что-же теперь? Если нашъ земной шаръ, со всѣмъ человѣческимъ родомъ, со всѣми достигнутыми результатами духовнаго развитія, долженъ нѣкогда рассыпаться въ атомы, которые затѣмъ вступятъ въ новыя комбинаціи, чтобы начать такой-же новый, безцѣльный процессъ бытія, то къ чему тогда вся работа исторіи, всѣ страданія для достиженія какихъ-то мнимо вѣчныхъ благъ? Все сдѣланное человѣкомъ и человечествомъ было не болѣе, какъ дѣтская игра мыльными пузырями, которые обращаются въ ничто! Такимъ рѣзкимъ противорѣчіемъ себѣ заканчиваетъ мнимо-возвышенное идеалистическое міросозерцаніе, которое все индивидуальное, которое есть истинно живое, уничтожаетъ и превращаетъ въ лишенное самостоятельности, равнодушное средство для достиженія цѣлей общаго. Это общее есть чистая абстракція, чуждая жизни и дѣйствительности, которая поэтому никогда и не можетъ быть цѣлью міроваго процесса. Отсюда вполне естественное слѣдствіе, что ложная телеологія идеализма, которая цѣли полагаетъ въ недѣйствительныхъ общностяхъ, вполне совпадаетъ съ результатами не признающаго никакихъ цѣлей и никакой разумности матеріализма *).

Все сказанное нами рѣшительно говоритъ противъ возникшей первоначально въ идеалистической философіи и затѣмъ

*) Ppfleiderer, Das Wesen der Religion. 1869. 342.

часто повторяемой у неимѣющихъ ничего общаго съ идеализмомъ писателей мысли объ общечеловѣческомъ безсмертіи, — мысли, будто-бы заключающей болѣе возвышенный взглядъ на назначеніе человѣка, чѣмъ идея безсмертія личнаго. Но положеніе, что единичное лицо исчезаетъ, а безсмертенъ только родъ, и потому индивидуумъ въ своей жизни и дѣятельности долженъ имѣть въ виду не свою личную судьбу, но прогрессъ и благо цѣлаго, показываетъ совершенное непониманіе специфической особенности человѣческой природы. Допуская, что безсмертіе человѣка должно состоять только въ постоянной смѣнѣ рождающихся и затѣмъ погибающихъ индивидуумовъ, мы ничѣмъ не отличимъ его безсмертія отъ продолжаемости любой породы животныхъ. Но при этомъ мы совершенно упускаемъ изъ виду существенно человѣческую особенность нашей природы.

Въ царствѣ животныхъ, дѣйствительно продолжающемся и живущемъ постоянно, мы должны признать только родъ; значеніе ихъ вполнѣ достигается тѣмъ, что они служатъ носителями родовой жизни. Къ тому направлены всѣ ихъ инстинкты и они не достигаютъ ничего высшаго кромѣ того, чтобы служить къ самоподдержанію рода. Поэтому совершенно естественно и послѣдовательно, что въ жизни животныхъ нѣтъ никакой внутренней, изъ себя самой происходящей усовершенваемости; здѣсь возможно только круговращеніе жизни, то самое, которому подчиненъ и человѣкъ, въ какой мѣрѣ онъ есть существо органическое, и подчиненъ общимъ для всего органическаго закономъ родовой жизни.

Но его спеціальныя, духовныя инстинкты ведутъ его гораздо дальше. Признакъ и вмѣстѣ обнаруженіе ихъ мы находимъ въ томъ, что называемъ вообще его усовершенваніемъ, въ частности, по отношенію къ жизни рода человѣческаго — его способностію создавать *исторію*, какъ результатъ идущаго впередъ процесса развитія.

Но прогрессивное историческое развитіе, какъ справедливо замѣчаетъ Фихте *), возможно только при посредствѣ индиви-

*) I. Fichte, Die Seelenfortdauer. 1867. p. 34.

дуумовъ, а не рода. Духовно-творческая сила въ человѣчествѣ есть индивидуумъ, личность, но никогда не родъ, на который каждое новое откровеніе духа можетъ распространяться только мало-по-малу и постепенно, чрезъ единичныя лица, вносящія новую мысль, новое изобрѣтеніе, новую идею. Это потому, что человѣчество не есть, подобно каждой природѣ животныхъ, совокупность одинаковыхъ и однообразныхъ существъ, но представляетъ собою величайшее разнообразіе единично опредѣленныхъ, духовно отличныхъ одна отъ другой личностей. Каждая личность есть самостоятельное цѣлое и взаимодействіе этихъ личностей не производитъ поэтому постоянно одного и того-же, какъ въ родахъ животныхъ, во въ непрестанномъ развитіи жизни рождаетъ нѣчто постоянно новое, изъ чего складывается безконечное богатство исторіи.

Но здѣсь дѣйствуетъ и имѣетъ достоинство только единичное; родовая жизнь есть лишь подчиненное средство, предшествующее условіе, чтобы дать возможность явиться индивидууму. Въ человѣчествѣ индивидуумы имѣютъ тоже значеніе, которое въ общей жизни природы принадлежитъ только родамъ. Отсюда и духовнымъ индивидуумамъ по отношенію къ продолжительности бытія принадлежитъ то, что въ природѣ принадлежитъ родамъ. Въ природѣ породы, въ царствѣ духа индивидуумы суть дѣйствительно существующее; и если считаютъ возможнымъ приписывать вѣчность первымъ, то не могутъ отказать въ ней и послѣднимъ *).

Такимъ образомъ телеологическое доказательство безсмертія души мы можемъ считать вполне обезпеченнымъ отъ возраженій со стороны идеализма. Но не находить-ли онъ существеннаго возраженія въ той самой идеѣ цѣлесообразности, которая служитъ его основаніемъ? Идея цѣли, повидимому, заключаетъ въ себѣ и понятіе достиженія цѣли; а достиженіе цѣли предполагаетъ прекращеніе или окончаніе того процесса, посредствомъ котораго цѣль достигнута. Итакъ, если духовная жизнь есть средство для достиженія извѣстныхъ высшихъ и разумныхъ цѣлей бытія, то какъ скоро онѣ достигнуты, самый про-

*) Ibid. p. 35.

цессъ и средство достиженія, т. е. жизнь должна превратиться. Поэтому и телеологическое доказательство, строго говоря, ведетъ только къ мысли о продолжаемости бытія человѣческой души за предѣлами земной жизни, а не къ мысли о безсмертіи души, какъ вѣчномъ ея существованіи. Духъ человѣка не достигаетъ на землѣ своихъ цѣлей; слѣдовательно должна быть жизнь иная, гдѣ эти цѣли могутъ и должны быть достигнуты. Это такъ. Но когда душа достигнетъ этихъ цѣлей, совершитъ полный кругъ своей жизни, то на основаніи той-же самой идеи цѣли не должны-ли мы допустить, что, исполнивъ все ей предназначенное, она прекратитъ свое существованіе? Такъ прекращается болѣе или менѣе продолжительная жизнь существъ органическихъ, какъ скоро ихъ организмъ исполнѣ развится, жилъ и выполнилъ тѣмъ свое назначеніе.

Но изъ самаго свойства силъ и стремленій человѣческаго духа, которыя мы разсматривали, видно, что они запечатлѣны характеромъ абсолютности или безконечности. Нашъ духъ стремится не къ какой-либо опредѣленной и ограниченной цѣли, по достиженіи которой ему ничего не оставалось-бы дѣлать, какъ только прекратить свое бытіе, потому что задача его существованія выполнена,—но къ цѣли безусловной. Умъ нашъ стремится къ знанію неограниченному; нравственныя стремленія человѣка не ограничены какимъ-либо опредѣленнымъ идеаломъ нравственности; желаніе счастья не можетъ быть удовлетворено какою-либо опредѣленною мѣрою его. Вообще наша мысль не можетъ представить себѣ никакой предѣльной точки, съ достиженіемъ которой нельзя-бы предположить никакой дальнѣйшей арены для дѣятельности души, гдѣ самая жизнь души, какъ процессъ развитія, была-бы уже не мыслимою и представлялась-бы только въ видѣ мертвого стоянія на одномъ пунктѣ, далѣе котораго нѣтъ уже хода. Напротивъ, въ царствѣ духа, самое достиженіе какой-либо опредѣленной цѣли, какъ успокоеніе на ней, было-бы, такъ сказать, недостиженіемъ ея, потому что сейчасъ-бы явилась неудовлетворенность, недовольство; въ мнимомъ покоѣ заключалось-бы новое безпокойство, лучший примѣръ котораго представляетъ намъ постоянное недовольство каждымъ счастливымъ состояніемъ, о

которомъ мы мечтали, какъ скоро оно достигнуто. Отсюда видно, что осуществленіе абсолютной цѣли нашего бытія возможно не иначе, какъ въ формѣ безконечнаго приближенія къ ней, безконечнаго развитія или совершенствованія души. О всѣхъ духовныхъ стремленіяхъ нашихъ можно сказать тоже, что Кантъ сказалъ о нравственномъ стремленіи: безконечное приближеніе къ цѣли, рассматриваемое какъ единство, можетъ быть почитаемо самымъ достиженіемъ ея. Поэтому мы имѣемъ право признать, что душа должна существовать не только определенное время послѣ смерти тѣла, но жить вѣчно, быть бессмертною въ точномъ смыслѣ слова.

Но на это могутъ сказать намъ: правда, что стремленія духа намъ представляются безграничными. Но таковы-ли они на самомъ дѣлѣ? Представленіе безграничности ихъ не есть-ли невольный субъективный обманъ? Не зависитъ-ли это представленіе отъ того, что мы не можемъ видѣть предѣла жизни души по его сравнительной только, а не абсолютной отдаленности? Такъ неопытному глазу можетъ показаться безпредѣльнымъ море, которому не видно конца, даль, застилаемая туманомъ. Чѣмъ мы можемъ доказать, что и наше представленіе о безконечной цѣли не есть только фиктивное расширение очень отдаленной и потому пока не видной для насъ, но на самомъ дѣлѣ определенной границы бытія?

Прежде всего мы можемъ, конечно, сослаться здѣсь на силу, постоянство и выразительность характера безконечности, который имѣютъ наши высшія стремленія; подобныя качества не могутъ принадлежать какому-либо туманному, неопредѣленному взгляду на задачу нашей жизни. Этотъ характеръ выступаетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе проясняется наше нравственное самосознаніе, чѣмъ болѣе развивается нашъ разумъ. Здѣсь не туманная даль разстилается предъ взорами разума, не даль только кажущаяся, которой предѣлъ тотчасъ-же откроется, какъ скоро свѣтъ знанія разсѣетъ туманъ. Напротивъ, чѣмъ внимательнѣе и строже всматривается духъ въ свои силы, въ свои требованія, тѣмъ яснѣе и отчетливѣе представляется вся безконечная даль того идеала, къ которому онъ стремится. Самообольщеніе здѣсь является только тогда, когда мы счи-

таемъ этотъ идеаль достижимымъ или достигнутымъ, но очарованіе и обманъ разрушаются тотчасъ-же, какъ скоро мы достигнемъ нашей мечтательной цѣли. Если-бы сознание безпредѣльности нашихъ стремленій было явленіемъ только близорукости нашего ума, то оно, конечно, исчезало-бы, а не увеличивалось-бы по мѣрѣ болѣе внимательнаго углубленія въ себя и размышленія о задачѣ нашей жизни; но мы видимъ совершенно обратное. И это сознание не есть теоретическая только мысль или выводъ изъ наблюденій надъ суетностію частныхъ и отдѣльныхъ цѣлей, къ которымъ обыкновенно стремятся люди. Безпредѣльность душевныхъ стремленій выражается въ самыхъ фактахъ психической жизни, независимо отъ того, рефлектируемъ-ли мы надъ ними, или нѣтъ. Хотя-бы намъ никогда не приходилъ и на мысль вопросъ о задачѣ нашего существованія, постоянная фактическая неудовлетворенность ничѣмъ даннымъ на землѣ достаточно ясно говорить, что никакая остановка на какомъ-либо определенномъ пунктѣ развитія не можетъ быть предѣльною цѣлью нашего бытія.

Но если въ самомъ характерѣ нашихъ разумныхъ стремленій мы можемъ находить залогъ безконечности ихъ развитія, то полное и окончательное завѣреніе въ томъ мы можемъ находить только въ той мысли, что и самая цѣль этихъ стремленій, разсматриваемая сама по себѣ и безотносительно къ качеству нашихъ стремленій, такого рода, что по существу своему не можетъ быть достигнута въ какое-либо определенное время. Эту цѣль вообще мы можемъ назвать абсолютнымъ совершенствомъ. Если-бы идея абсолютнаго совершенства была только обманчивымъ, субъективнымъ представленіемъ нашего ума, не имѣющимъ реальнаго бытія внѣ насъ, то и наши безконечныя стремленія къ абсолютному мы могли-бы называть пустыми, а не реальными стремленіями къ чему-то несуществующему, что, какъ удаляющійся при приближеніи миражъ, влекло-бы насъ все дальше и дальше въ безпредѣльность. Но если реально существуетъ абсолютная истина, абсолютное добро и благо, если существуетъ реальный источникъ и носитель этихъ совершенствъ, безконечное существо—Богъ, въ которомъ та-

кимъ образомъ сосредоточиваются всѣ цѣли нашего духа, то очевидно, что по самому свойству этой высшей и объективной цѣли нашихъ стремленій, она необходимо *должна быть* безконечною и душа къ ней стремящаяся должна не только продолжать свое бытіе неопредѣленное время, но время безконечное, — быть бессмертною въ точномъ смыслѣ слова; потому что истина, добро, благо не отъ того только безконечны, что мы при нашей ограниченности не видимъ, гдѣ и когда мы ихъ могли-бы достигнуть, но безконечны по самому существу своему, такъ какъ Богъ, въ которомъ онѣ находятъ свое истинное осуществленіе, безконеченъ и безпредѣленъ. Мы не можемъ никогда исполнѣ его достигнуть, обнять и усвоить своимъ умомъ, волею, чувствомъ; мы можемъ только безконечно приближаться къ нему и въ этомъ безконечномъ приближеніи достигать своего назначенія; конечное существо можетъ достигать безконечнаго только путемъ постояннаго приближенія къ нему.

Отсюда видно, что телеологическое доказательство бессмертія души окончательнаго своего подтвержденія и дополненія должно искать въ понятіи о Богѣ, какъ высочайшей цѣли стремленій человѣка. Это понятіе такимъ образомъ является однимъ изъ осново-положеній, необходимыхъ для полнаго удостовѣренія истины бессмертія души и даетъ начало новой формѣ раскрытія этой истины, которую мы можемъ назвать доказательствомъ, основаннымъ на идеѣ Божества или *теологическимъ*.

В. Жудравцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *)

XVIII.

Результаты критической философіи Канта и значеніе ихъ для послѣдующаго развитія философіи.—Взглядъ Кантовой философіи на познаніе.—Восполненіе познанія посредствомъ предположеній, имѣющихъ основаніе отличное отъ познанія.—Философія есть-ли наука?—Познаніе и мышленіе—не одно и тоже.—Субъективная и объективная, или точнѣе—реальная сторона въ научномъ познаніи.—Ближайшая связь философіи съ наукою: въ чемъ она состоитъ?—Не есть-ли философія наука объ идеяхъ, или идеальномъ?—Понятіе о философіи, выведенное изъ самаго названія ея.—Идеализмъ и реализмъ въ философіи послѣ Канта.—Характеристика современнаго реализма.—Насколько философія Канта служитъ дѣйствительнымъ основаніемъ для современнаго реализма?—Взглядъ современнаго реализма на философію.—Въ чемъ главнымъ образомъ расходятся теперь, т. е. послѣ Канта, идеализмъ и реализмъ?

Философія Канта не напрасно признается въ Германіи центромъ философскаго движенія мысли въ этой странѣ и даже вообще въ Европѣ новѣйшаго времени. Дѣйствительно, изъ философіи Канта исходятъ различныя развѣтвленія послѣдующей философіи, частію-же къ ней направляются и ищутъ въ ней для себя подкрѣпленія разныя современныя ученія. Вотъ почему необходимо, прежде чѣмъ излагать дальнѣйшее развитіе философіи, уяснить по возможности, на основаніи предвѣдущаго, къ чему собственно пришла критическая философія Канта и какое именно значеніе для послѣдующаго имѣло то, что было выработано Кантомъ, при чемъ еще болѣе быть можетъ важно указать и выяснить все, что въ философіи Канта имѣетъ всегдашнее значеніе для философіи.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 22.

Въ самомъ началѣ новая философія поставила себѣ цѣлью — сдѣлаться системою знанія вполне достовѣрнаго и точнаго, утвержденаго на основаніяхъ непреложныхъ. Достигнуть этой цѣли она пыталась двумя способами. Имѣя въ виду, что математическое знаніе есть самое достовѣрное, Декартъ пришелъ къ мысли, что философія столь-же будетъ достовѣрною, если будетъ построена по методу математическому, а какъ математика—чисто раціональная наука, то и философія должна быть чистымъ раціонализмомъ. Съ другой стороны Локкъ, не отрицая самостоятельнаго, и особенно важнаго именно въ философіи, значенія разсудка, дополнилъ однако предположеніе Декарта другимъ предположеніемъ, именно тѣмъ, что не менѣе разсудка необходимъ еще матеріаль для дѣятельности разсудка, который заимствуется изъ опыта; необходимъ-же матеріаль, заимствуемый изъ опыта, потому что самая дѣятельность разсудка есть формирующая, образующая познаніе изъ данныхъ опыта. Кантъ, вполне согласно съ этими предположеніями прежней философіи, нашелъ, что для дѣйствительности и полноты знанія необходимы два условія: а) чувственное воспріятіе, или иначе наблюденіе и б) различныя формы мысли, иначе—категоріи разсудка, посредствомъ которыхъ объединяется и получаетъ опредѣленность матеріаль, воспринятый посредствомъ чувствъ. Если мы имѣемъ извѣстное понятіе, но недостаетъ прямо соотвѣтствующаго ему чувственнаго созерцанія, тогда такое понятіе не есть знаніе, а идея, т. е. имѣетъ только идеальное, а не реальное значеніе; равно и чувственное созерцаніе безъ соотвѣтствующаго ему понятія не есть знаніе, ибо не имѣетъ необходимаго и всеобщаго значенія, каковое значеніе сообщается только понятіемъ. Знаніе научное, знаніе въ собственномъ смыслѣ, можетъ быть дано только при совокупномъ участіи, въ пріобрѣтеніи его, чувственнаго созерцанія и дѣятельности разсудка. Но какую цѣнность имѣетъ вообще знаніе возможное для насъ? Дѣло въ томъ, что знаніе наше не простирается на самое существо вещей познаваемыхъ, а ограничивается лишь являемостію, феноменальною стороною вещей. Знаніе наше вообще таково, что пользуясь имъ мы вправѣ лишь утверждать относительно познанныхъ вещей, что опѣ яв-

ляются намъ такъ, а не иначе, но что онѣ таковы и въ сущности своей,—этого мы не должны утверждать никакимъ образомъ.

Однако, какъ ни несовершенно возможное для насъ познание, мы должны были-бы довольствоваться и такимъ знаніемъ и въ немъ одномъ искать руководительныхъ началъ для жизни (какъ это и предполагалось прежнею философіею), если-бы недостаточность познанія доступнаго намъ не восполнялась предположеніями, имѣющими свое основаніе не въ познаніи вещей, а въ пѣкоторыхъ необходимыхъ проявленіяхъ и свойствахъ разума человѣческаго. Дѣло въ томъ, что мы имѣемъ понятія, которыя, правда, не содержатъ въ себѣ никакого познанія за неимѣніемъ соотвѣтствующихъ имъ чувственныхъ созерцаній, но тѣмъ не менѣе произвольно возникаютъ въ нашемъ умѣ. Понятія эти столь-же для насъ необходимы, какъ и тѣ понятія разсудочныя, которыми условливается познаваемость вещей, но по своему значенію для насъ онѣ еще важнѣе, ибо съ ними имѣетъ необходимую связь и отъ нихъ зависима нравственная наша дѣятельность, слѣдовательно ими же опредѣляется и наше предназначеніе, вообще смыслъ и достоинство всей нашей жизни. Итакъ ясно, что какъ-бы ни было велико въ жизни нашей значеніе разнородныхъ знаній,—вообще паука, но не отъ знаній, не отъ науки зависитъ высшее наше достоинство, не знаніемъ опредѣляется наше предназначеніе. Нравственный законъ, законъ совѣсти нашей внушаетъ намъ такія понятія, которыя ни на одну іоту не расширяютъ сферы возможнаго для насъ познанія, а между тѣмъ какъ велико значеніе этихъ понятій для нашей жизни!

Если-же понятія, внушаемыя нравственнымъ закономъ, которыя въ отличіе отъ понятій познавательныхъ и слѣдовательно *реальныхъ*, можно назвать *идеальными*, не содержатъ въ себѣ никакого познанія, то посему онѣ и не входятъ въ область какой-либо науки. Нѣтъ, слѣдовательно, такой науки, которая бы занималась изслѣдованіемъ тѣхъ понятій. Однако почему вельзя понятія эти разсматривать, какъ факты доступные наблюденію, конечно внутреннему? Здѣсь мы должны обратить вниманіе на то, что Кантъ строго различаетъ понятія отъ фактовъ. Понятія могутъ быть только мыслимы, а не наблюдае-

мы, ибо понятіямъ свойственны всеобщность и необходимость, тогда какъ всякій фактъ въ отдѣльности представляется единичнымъ и случайнымъ.

Несомнѣнно однако-же, что идеальныя понятія не только подлежатъ изслѣдованію философіи, но и составляютъ, можно сказать, важнѣйшій предметъ ея изысканій. Итакъ, слѣдовательно, философія не есть наука? Хотя Кантъ прямо и не говоритъ этого, но само собою, повидимому, это слѣдуетъ изъ того, какъ понимается у него научное познаніе. По современнымъ понятіямъ о наукѣ, крайне неяснымъ и по причинѣ неясности преувеличеннымъ, такое заключеніе о философіи, выведенное на основаніи изслѣдованій Канта, можетъ показаться униженіемъ ея достоинства. Но въ духѣ философіи Канта не слѣдуетъ-ли сказать о философіи, что она болѣе чѣмъ наука и потому только не есть наука?

Въ самомъ дѣлѣ, наука вообще не открываетъ намъ существа вещей, а показываетъ лишь, какъ вещи являютъ намъ. И философія также не даетъ и не можетъ дать намъ знанія о существѣ вещей, но она уясняетъ намъ то, что для насъ *существенно* важно и въ чемъ мы вправѣ полагать нѣкоторый отблескъ нашего сокровеннаго существа. Философія не разъясняетъ намъ: что такое мы по существу, но она показываетъ намъ, чѣмъ мы должны быть. Философія не въ состояніи дать намъ знанія о чемъ-бы то ни было, но она даетъ убѣжденія, руководящіе принципы. Хотя существо вещей для насъ непознаваемо, но происхожденіе такового понятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о существѣ могутъ быть разъяснены только философіею, да и самая непознаваемость существа вещей есть такое утвержденіе, которое могло быть дано только философіею; поэтому неудивительно, что хотя сущность вещей непознаваема, и слѣдовательно никакая наука, будучи ограничена лишь тѣмъ, что доступно познанію, не можетъ имѣть никакого дѣла съ сущностію вещей, но нельзя сказать того-же о философіи; не будучи наукою, поэтому самому она должна имѣть и границы отличныя отъ тѣхъ, которыя опредѣляются самымъ понятіемъ о научномъ знаніи. И точно, уже по тому одному философія не можетъ не касаться существа вещей, что

именно она приводитъ насъ къ означеннымъ выше выводамъ относительно сущности вещей, именно—что хотя мы имѣемъ понятіе о сущности вещей, ибо иваче не было-бы и вопроса о сущности, однако сущность вещей для насъ не познаваема, т. е. понятіе сущности есть идеальное, а не реальное, какъ такое понятіе, которому соотвѣтственнаго чувственнаго созерцанія мы не имѣемъ. И такъ и философія не даетъ знанія о сущности, но она показываетъ, что и какъ мы должны *мыслить* о сущности. Такъ само собою разрѣшается противорѣчіе, которое находили въ томъ, что, утверждая непознаваемость сущности, философія Канта однако утверждаетъ нѣчто о сущности, и прежде всего утверждаетъ бытіе сущности; дѣло въ томъ, что Кантъ строго различаетъ познаваніе отъ мышленія и познанное у него не то же, что мыслимое ¹⁾. Вещь въ себѣ не познаваема, но мыслима; для насъ она не болѣе, какъ идея, постулять разума, слѣдовательно такъ-же есть предметъ разумной вѣры или убѣжденія, какъ и свобода воли и безсмертіе души. Вѣра эта или убѣжденіе состоитъ въ томъ, что все доступное научному познанію, все, на что только простирается и будетъ когда-либо простираться научное познаніе, не есть все бытіе, вся дѣйствительность, что, кромѣ доступнаго и открытаго для науки, должно быть нѣчто такое, что навсегда для нея должно остаться скрытымъ и непостижимымъ, ибо это нѣчто не входитъ въ сферу дѣйствительности чувственно созерцаемой, но лежитъ за предѣлами, по ту сторону этой дѣйствительности,—и потому можетъ быть обозначено, какъ сверхчувственная, недоступная знанію область бытія. Объ этой сверхчувственной области бытія мы можемъ только мыслить, но что только мыслимо и можетъ быть допущено лишь какъ мыслимое не есть еще познанное и не можетъ быть признано таковымъ; да и по общему словоупотребленію въ жизни обыденной мы различаемъ знаемое отъ мыслимаго; такъ мы о

¹⁾ Sich einen Gegenstand denken und einen Gegenstand erkennen ist nicht einerlei. Zum Erkenntnisse gehören nämlich zwei Stücke: erstlich der Begriff, dadurch überhaupt ein Gegenstand gedacht wird (die Kategorie) und zweitens die Anschauung, dadurch er gegeben wird... Kritik d. reinen Vernunft. § 22.

многомъ говоримъ, что хотя это и неизвѣстно намъ, но мы можемъ думать о томъ такъ или иначе.

Конечно мышленіе со всѣми своими формами и условіями существенно входитъ во всякое научное познаніе, что и было выяснено Кантомъ, но оно составляетъ лишь *субъективную* сторону въ научномъ познаніи, между тѣмъ точное понятіе о наукѣ опредѣляется, какъ обыкновенно полагаютъ, главнымъ образомъ тою стороною, которую можно назвать для большей точности, вмѣсто объективной, реальною. Ибо мышленіе также со всѣми своими формами и условіями входитъ и въ религію, и въ искусство, а потому если-бы понятіе о наукѣ основывалось главнымъ образомъ на входящей въ нее субъективной сторонѣ мышленія, тогда наука, при такомъ понятіи о ней, смѣшивалась-бы съ искусствомъ и религіозною вѣрою; ясно, что понятіе о наукѣ должно опредѣляться преимущественно тѣмъ, что служитъ ея отличительнымъ признакомъ и чѣмъ она разграничивается отъ искусства и религіи. Потому-то именно, что мышленіе равномѣрно участвуетъ и въ дѣятельности художественной, и въ религіозной вѣрѣ, и въ наукѣ, возможна философія религіи, искусства и науки. Что есть и должна быть философія науки,—это одно уже показываетъ, что философія не есть наука, иначе философія была-бы и религіею и искусствомъ, потому собственно, что есть философія религіи, философія искусства.

Правда, философія съ наукою состоитъ въ наиболѣе близкой связи, ибо и религія и искусство существовали и, слѣдовательно, могутъ существовать безъ содѣйствія философіи, сами по себѣ, но наука безъ философіи никогда не существовала; извѣстно, что философія ранѣе возникла, чѣмъ наука въ собственномъ смыслѣ, и потомъ всегда состояла въ ближайшей съ нею связи; есть притомъ-же науки собственно философскія (какъ есть богословскія науки, хотя богословіе не наука, а религіозное ученіе). Но въ чемъ именно состоитъ эта ближайшая связь философіи съ наукою? Главнымъ образомъ въ томъ, что самое понятіе о научномъ знаніи и связанная съ этимъ понятіемъ научныя требованія выясняетъ философія, ибо вопросъ о познаніи всегда былъ основнымъ вопросомъ философіи. Ка-

кимъ-же образомъ понятіе о философіи можетъ быть опредѣляемо чрезъ понятіе науки, когда наоборотъ само понятіе о наукѣ опредѣляется и изъясняется философіею? Нѣтъ такой науки, которая-бы опредѣляла и изъясняла понятіе о философіи, тогда какъ, наоборотъ, философія опредѣляетъ и раскрываетъ понятіе о наукѣ, т. е. высшимъ понятіемъ, опредѣляющимъ, а не опредѣляемымъ, по отношенію къ понятію о наукѣ слѣдуетъ признать философію. Правда, философія и саму себя изслѣдуетъ, но должно замѣтить, что это свойство принадлежитъ единственно философіи по причинѣ субъективнаго ея характера, ибо субъектъ имѣетъ способность обращаться къ себѣ и относиться къ себѣ самому, какъ *объекту*. Итакъ, какъ субъектъ по Канту, не есть вещь, реальность, а идея (психологическая), которая въ сущности означаетъ лишь способность мышленія, то философія, будучи единствомъ субъекта и объекта, или, иначе сказать, будучи самоизслѣдованіемъ субъекта (самосознаніемъ), обращена къ идеальному, а не реальному; поэтому нельзя-ли сказать, что она есть наука объ идеальномъ, или иначе наука, имѣющая своимъ предметомъ идеи? Но отношеніе философіи къ идеямъ не можетъ быть такимъ-же, каково отношеніе каждой науки къ изслѣдуемымъ ею фактамъ уже потому, что идеи или понятія мы сами производимъ. Кромѣ того объ идеяхъ мы не можемъ имѣть никакого чувственнаго представленія или созерцанія; идеи только мыслимы, а не познаваемы, для научнаго-же познанія одного мышленія недостаточно. Изслѣдую идеи, мы никакихъ новыхъ свѣдѣній не приобретаемъ, ничего не узнаемъ для себя новаго, но лишь укрѣпляемъ въ себѣ понятія и прежде всякаго изслѣдованія бывшія у насъ, или же напротивъ колеблемъ ихъ и подвергаемъ сомнѣнію.

Чтожъ такое философія, если она не есть наука? Понятіе о философіи, заключающееся въ самомъ ея названіи, давно уже сдѣлалось тривіальнымъ, и потому быть можетъ недостаточно вникаютъ въ него съ тѣмъ, чтобы почувствовать всю его выразительность. Дѣйствительно, всѣ характеристическія свойства философіи могутъ быть выведены единственно изъ того опредѣленія, что она есть любовь къ мудрости или къ исти-

нѣ. Философъ — это человекъ правдивый и искренній, во всемъ онъ доискивается правды, и самъ поэтому не можетъ не быть правдивымъ, т. е. искреннимъ въ словѣ и въ дѣлѣ. Таковы всегда были истинные философы. Для науки-же (въ отличіе отъ философіи) требуется любовь къ знанію (любопытность), а не любовь къ истинѣ или мудрости: любопытность побуждаетъ къ умноженію знаній; мудрость-же не заключается, какъ замѣчено еще Гераклитомъ, въ многознаніи.

Такъ какъ философъ одушевленъ исканіемъ правды повсюду и внѣ себя, во внѣшнемъ мірѣ, и особенно въ себѣ самомъ, то понятно, что философія не можетъ разъ на всегда замкнуться въ опредѣленномъ кругѣ изслѣдованія; напротивъ, она вноситъ свой свѣточъ мысли, всегда бодрствующей, всюду, куда только въ каждое данное время наиболѣе устремляется общее вниманіе. Область философскаго изысканія простирается на все то, на что простирается человѣческое мышленіе, на все мыслимое. Въ духѣ каждаго мыслящаго человека глубоко лежитъ убѣжденіе, что истина должна быть одна и что она не можетъ быть въ разногласіи съ собою; отсюда потребность все мыслимое, т. е. всякое содержаніе мысли, привести къ единству, представить въ систематическомъ, связанномъ видѣ. Но чѣмъ живѣе въ духѣ философа любовь къ истинѣ, тѣмъ болѣе должно быть ему чуждо пристрастіе къ однажды выработаннымъ умственнымъ построеніямъ. Вотъ почему величайшіе философы обыкновенно не останавливались на добытыхъ ими первоначально понятіяхъ и выводахъ, по неумолимо и далѣе продолжали свой умственный трудъ, измѣняя, дополняя и усовершеншая выработанное прежде. Потому-то въ сочиненіяхъ одного и того-же философа нерѣдко встрѣчаются противорѣчія, отступленія, не согласованные между собою выводы.

Такъ какъ далѣе любовь къ истинѣ никогда не допуститъ въ изслѣдованіи остановиться на полудорогѣ, то вотъ почему философія во всемъ изслѣдуемомъ ею всегда доискивается самыхъ основъ, коренныхъ началъ. Ни въ жизни, ни въ теоріи дѣйствительная любовь къ истинѣ никогда не допуститъ довольствоваться однимъ лишь *условнымъ*, но побуждаетъ стремиться къ *безусловному*. Въ жизни философія ищетъ началъ, имѣю-

щихъ безусловное достоинство, видя лишь въ такихъ началахъ вполне надежную опору; въ теоріи-же она все конечное, ограниченное пытается свести къ безконечному, смотря именно на безконечное, какъ на главный предметъ своихъ думъ ¹⁾. Вотъ почему въ нѣмецкой философіи послѣ Канта прямо признавалось главнымъ предметомъ философскихъ изысканій и построеній абсолютное или безконечное.

Уже давно вошло въ обычай говорить объ идеалистической философіи послѣ Канта (причемъ разумѣется главнымъ образомъ философія Гегеля) такъ, какъ - бы философія эта оказалась неудавшимся предпріятіемъ, котораго паденіе было тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ съ большею самоувѣренностію оно было задумано: успѣхъ этой философіи въ свое время былъ необычайный, но успѣху этому соотвѣтствуетъ и то разочарованіе, которое затѣмъ наступило. Въ подобномъ тонѣ нерѣдко высказываются, когда рѣчь идетъ о современномъ состояніи философіи: можно подумать, что говорится не о философіи, а о какомъ-либо финансовомъ предпріятіи, ибо когда-же философія претендовала на непогрѣшимость? А съ другой стороны, когда говорятъ о минувшемъ успѣхѣ философіи идеалистической, то при этомъ обыкновенно не даютъ себѣ труда уяснить, насколько этотъ успѣхъ слѣдуетъ относить къ самой философіи и не дѣйствовали-ли въ этомъ случаѣ причины постороннія для философіи. Такой вопросъ самъ собою возбуждается уже тѣмъ, что философія на самомъ дѣлѣ всегда имѣла едва ли не болѣе противниковъ, чѣмъ приверженцевъ, осмѣиваніе

1) Такимъ образомъ философія можетъ проявляться и теоретически и практически. Такъ какъ однако-же явленіемъ философіи обозначается преимущественно стремленіе къ истинѣ, получившее теоретическое выраженіе въ видѣ опредѣленнаго ученія, то, чтобы отмѣтить эту именно черту, конечно слѣдуетъ философію разсматривать какъ науку, такъ что философіи можетъ быть дано такое опредѣленіе: *она есть наука объ истинѣ*. (Подробно объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ). Изъ этого опредѣленія философіи видно, что предметъ ея (истиня) есть такой, который не только изслѣдуется, *познается*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *ищется*. Истина всегда и во всемъ есть только частію *данное*, частію-же она, есть *искомое*, слѣдовательно есть вмѣстѣ и *фактъ*, и *идея*, *реальное* и *идеальное*, такъ что по самому своему предмету, вслѣдствіе такого двойственнаго характера присущаго ему, философія по необходимости должна быть то идеалистическою, то реалистическою.

философовъ и философіи и даже преслѣдованія и въ древнія и въ новыя времена были нерѣдки. Впрочемъ существуетъ особый источникъ или поводъ для толковъ объ упадкѣ идеалистической философіи. Источникъ или поводъ этотъ заключается въ философіи реалистической и въ приверженцахъ этой философіи, которые въ неуспѣхѣ идеалистической философіи видятъ свидѣтельство успѣха ихъ собственной философіи, а тѣмъ самымъ невольное возбуждаютъ сомнѣніе относительно достоинства какъ ихъ самихъ (въ философскомъ отношеніи), такъ и ихъ философіи, ибо, какъ сказано, дѣйствительная истинная философія никогда не искала успѣха; это противно ея истинному существу, т. е. присущей ей любви къ истинѣ. Поэтому хотя-бы кто и возразилъ по поводу выше сказаннаго: зачѣмъ говорить о противникахъ философіи, когда въ самой философіи, между ея представителями и приверженцами, нѣтъ согласія; однако не трудно видѣть, что различіе направленій въ философіи (что и имѣлось въ виду доселѣ показать) на самомъ дѣлѣ не таково, чтобы и въ самыхъ существенныхъ основаніяхъ своихъ направленія эти исключались взаимно, напротивъ они взаимно пополняются одно другимъ и чрезъ взаимодѣйствіе способствуютъ дальнѣйшему движенію и болѣе полному развитію самой философіи. Понятно само по себѣ, что чѣмъ далѣе идетъ это развитіе, тѣмъ болѣе оно усложняется, а отсюда и элементы розни умножаются въ такой степени, что нуженъ изощренный глазъ, дабы подмѣтить въ многочисленныхъ и небывалыхъ прежде признакахъ и проявленіяхъ этой розни черты все тѣхъ-же направленій философской мысли, съ которыми доселѣ мы имѣли дѣло. Это въ особенности должно сказать о современномъ состояніи философіи. Впрочемъ, какъ ни запутанными представляются теперь взаимныя отношенія различныхъ направленій философіи, въ пользу дѣла философіи въ настоящее время—въ эпоху видимаго ея упадка, говорить уже то, что никогда быть можетъ проявленія розни въ самой философіи не были такъ знаменательны и исполнены столь глубокаго смысла, какъ именно теперь. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ.

Если условія, указываемыя философіею Канта, для пріоб-

рѣшенія дѣйствительнаго, т. е. вполне несомнѣннаго знанія, таковы, что философія, не соответствуя тѣмъ условіямъ, не можетъ поэтому быть признана наукою,—то для многихъ это заключеніе, само собою вытекающее изъ критической философіи Канта, имѣетъ тотъ смыслъ, что философія, бывшая доселѣ, какъ не удовлетворяющая требованіямъ собственно научнаго знанія, должна быть отвергнута и признана отжившею свое время, не наукою, что теперь имѣетъ право на существованіе только такая философія, которая основывалась-бы на давнихъ, добытыхъ наукою и слѣдовательно была-бы *научною*. Подобно тому, какъ астрономіи предшествовала астрологія, или какъ алхимія предшествовала химіи, такъ теперь философія метафизическая должна уступить мѣсто философіи научной. Не трудно видѣть, что философія, которая именуется себя наукою, есть собственно реалистическая, ибо то понятіе о наукѣ, какое дается философіею Канта и какое подразумѣвается тою философіею, которая именуется себя наукою, примѣнимо только къ наукамъ опытнымъ, вообще къ естествознанію. А коль скоро признано, что собственно только естественныя или реальныя науки вполне обладаютъ научнымъ достоинствомъ, т. е. сообщаютъ дѣйствительное знаніе, то это само собою должно было повести къ тому, что требованія, спеціально принадлежащія естественнымъ наукамъ, стали прилагать и къ другимъ наукамъ, особенно-же къ философіи, и опредѣлять достоинство и значеніе этихъ наукъ тѣмъ, насколько къ нимъ примѣнимы таковыя требованія: наукамъ гуманитарнымъ стали усвоить задачи, приемы и способы изслѣдованія, подобныя тѣмъ, которые имѣютъ мѣсто въ естествознаніи. Такъ напримѣръ: вмѣсто философскихъ теорій объ обществѣ и жизни общественной явились попытки создать особую науку объ обществѣ, подъ названіемъ соціологіи, причѣмъ главною задачею этой науки признается разъясненіе законовъ происхожденія и устройства общества человѣческаго на подобіе того, какъ физика изучаетъ законы природы, почему соціологію нѣкоторые иначе именуютъ общественной физикою. Безъ сомнѣнія всякой наукѣ, а тѣмъ болѣе цѣлой группѣ наукъ, оказавшихъ притомъ-же на самыхъ первыхъ порахъ своего развитія въ новое время столь блестящія

успѣхи,—должно быть свойственно стремленіе къ расширенію своихъ предѣловъ и распространенію своего вліянія на всѣ сферы человѣческаго знанія. Не даромъ еще Бэконъ полагалъ въ основу всѣхъ другихъ наукъ науку о природѣ; въ послѣдствіи авторитетъ естествознанія еще болѣе возвысился; господство реалистическаго направленія во Франціи XVIII вѣка объясняется въ значительной степени вліяніемъ на умы наукъ естественныхъ. Но далѣе и развитіе философіи, въ лицѣ Канта, привело къ тому выводу, что познаніе наше ограничивается предѣлами опыта, что слѣдовательно только опытные науки въ состояніи дать намъ дѣйствительныя знанія объ изслѣдуемыхъ ими предметахъ. Тѣмъ болѣе долженъ былъ усилиться авторитетъ естествознанія; казалось, что и сама философія можетъ имѣть послѣ этого нѣкоторое значеніе, только применивъ къ естествознанію, вступивъ, такъ сказать, въ сферу его притяженія. Въ такое именно положеніе хотятъ привести философію тѣ, которые пытаются сдѣлать ее научною. Не замѣчаютъ эти философы того, что, увлеченные заботами о научности философіи, они отринули при этомъ все, что составляетъ отличительный характеръ философіи и даетъ ей самостоятельное, ничѣмъ незамѣнимое значеніе; они не разумѣютъ того, что открыто признавая бывшую доселѣ философію не научною и стремясь создать новую, уже научною философію, этимъ самымъ оправдываютъ нѣкоторымъ образомъ совершенное отрицаніе философіи. Въ особенности неудачно въ этомъ случаѣ современные реалисты думаютъ опереться на авторитетъ Канта, ибо хотя онъ и ограничиваетъ возможное для насъ познаніе предѣлами опыта, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, Кантъ различаетъ феноменальный міръ, какъ предметъ познанія, отъ міра сверхчувственнаго, умопостигаемаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ не только умѣстность, но и необходимость вопросовъ, относящихся къ сверхчувственной области бытія, чѣмъ само собою оправдываются попытки къ рѣшенію этихъ вопросовъ. Кантъ полагалъ, что все сверхчувственное не познаваемо для насъ, а только мыслимо, т. е. можетъ быть лишь предметомъ чисто умственного или умозрительнаго изысканія, а не эмпирическаго, опытнаго познанія. Но притомъ онъ не только

не умалялъ достоинства такового изслѣдованія, напротивъ возвышалъ его и выводамъ такого изслѣдованія, правда имѣющимъ лишь идеальный, а не реальный характеръ, придавалъ очевидно важность несравненно большую, чѣмъ опытному познанію. Дѣло въ томъ, что смотря на важнѣйшіе, имъ самимъ указанныя воводы чисто умозрительныхъ изысканій, какъ на идеальныя проявленія и требованія сверхчувственной, недоступной познанію, природы человѣка, онъ чрезъ то сближалъ самую философію, въ смыслѣ изслѣдованія о сверхчувственномъ, идеальномъ, съ религіозною вѣрою, которая также имѣетъ своимъ предметомъ сверхчувственное и также не даетъ знаній о своемъ предметѣ, устанавливая въ то же время, опять такъ же какъ и философія, нѣкоторое въ нравственномъ смыслѣ необходимое отношеніе къ нему. Такимъ образомъ оказывалось, что философія, послѣ того какъ въ теченіи почти цѣлаго столѣтія, во имя интересовъ *реальныхъ*, возставала противъ религіи и всего имѣющаго связь съ нею, теперь снова выступила на путь примирительнаго отношенія къ религіи и, что особенно важно, сама же расчищаетъ почву для такого отношенія. Кантъ самъ разъяснилъ въ особомъ сочиненіи, какъ онъ разумѣлъ это примирительное отношеніе философіи къ религіи. Онъ утверждалъ, что въ основаніи своемъ та и другая не только соприкасаются, но и представляютъ совершенное единство. Послѣ этого реализмъ отрекся-бы отъ самого себя, если-бы онъ пошелъ по пути, указываемому философіею Канта для умозрительнаго изслѣдованія за предѣлами опыта познанія. Реализмъ пользуется авторитетомъ Канта въ своихъ видахъ, а не для того, чтобы слѣдовать на самомъ дѣлѣ истинному духу философіи Канта до конца. Выдавая себя за послѣдователей философіи Канта, подъ названіемъ Кантіанцевъ (новой школы), реалисты предпочитаютъ полагать въ основу дальнѣйшихъ своихъ выводовъ не то, что въ философіи Канта относится къ сверхчувственному міру, а то, что онъ говоритъ о мірѣ феноменальномъ, именно— что только этотъ міръ доступенъ нашему познанію и что только познаніе объ этомъ мірѣ происходитъ у насъ съ самою строгою закономѣрностію, такъ какъ такое познаніе определяется необходимыми формами мысли и чувственнаго созерцанія.

Теперь ясно, что хотя на основаніи философіи Канта и можетъ быть сдѣланъ тотъ выводъ, что философія, въ смыслѣ изслѣдованія о сверхчувственномъ, идеальномъ, не есть, строго говоря, наука, какъ выше показано, однако этотъ выводъ далеко не имѣетъ того смысла, какой очевидно хотятъ придать ему реалисты. Пусть философія не наука, но она въ такомъ случаѣ нѣчто больше, чѣмъ наука. И это неудивительно: различныя сферы человѣческой дѣятельности, каковы: теоретическая, практическая, художественная, такъ тѣсно соприкасаются и даже перепутываются между собою, что невозможно положить точныхъ границъ между ними; потому-то и философія, хотя въ ближайшей связи состоитъ съ наукою, и въ такой мѣрѣ вполне должна быть признана наукою, но притомъ имѣетъ въ себѣ многія черты, свойственныя и другимъ сферамъ дѣятельности, не только входитъ какъ элементъ въ другія сферы, что также болѣе или менѣе слѣдуетъ сказать и вообще о научныхъ знаніяхъ, но сама въ себѣ имѣетъ черты, принадлежащія другимъ сферамъ; ибо не исключительно цѣлью для нея служить достиженіе знанія, которое, по самому предмету, въ наименьшей степени для нея достижимо, но также она имѣетъ нерѣдко прямою своею задачею—направить извѣстнымъ образомъ и къ извѣстнымъ цѣлямъ человѣческія силы, дѣйствуя на нихъ посредствомъ идей; правда, это-же слѣдуетъ признать о прикладныхъ наукахъ, но не нужно забывать, что именно философскія идеи придаютъ силу и вліяніе самымъ прикладнымъ знаніямъ. Итакъ пусть философія не наука, но сама наука пріобрѣтаетъ свое жизненное значеніе только чрезъ философію.

Когда-же реалисты говорятъ, что философія не наука, то этимъ они хотятъ сказать, что философія еще не сдѣлалась наукою, но должна сдѣлаться ею. Для идеалистовъ ничего унижающаго достоинство философіи не представляется въ томъ возможномъ выводѣ, что философія не есть наука, ибо очевидно нужно еще знать, что такое наука, разъяснить же это дѣло философіи, такъ что сама наука оказывается въ зависимости отъ философіи; нельзя вѣдь удовольствоваться тѣмъ, что наука существуетъ и есть фактъ, такъ какъ всякій фактъ, если

только онъ не представляется понятнымъ и яснымъ самъ по себѣ, есть не болѣе какъ вопросъ, требующій разъясненія. Для реалистовъ-же означенный выводъ относительно философіи имѣетъ значеніе приговора, рѣшающаго судьбу философіи. Тотъ выводъ для реалистовъ означаетъ, что философія, дабы имѣть право на существованіе, должна сдѣлаться наукою. А что для этого нужно? Для реалиста существованіе науки — фактъ и этого достаточно, ибо въ глазахъ его фактъ именно, а не мысль, идея, имѣетъ рѣшающее значеніе. Чѣмъ-же представляется наука фактически? Въ дѣйствительности нѣтъ науки, а есть только науки, т. е. существуетъ множество специальныхъ наукъ, изъ коихъ каждая имѣетъ свой особый предметъ и есть совокупность знаній частію уже пріобрѣтенныхъ, частію еще только пріобрѣтаемыхъ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ. Значитъ и философія должна сдѣлаться совокупностію знаній объ извѣстномъ специальномъ предметѣ, дабы сдѣлаться наукою. Если-же для философіи такого предмета не оказывается, что съ точки зрѣнія реализма не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ реализмъ только реальное нѣчто, совокупность извѣстныхъ реальныхъ явленій можетъ признать предметомъ научнаго познанія ¹⁾, то философія можетъ имѣть мѣсто развѣ только въ видѣ систематическаго обозрѣнія или классификаціи наукъ и главныхъ ихъ выводовъ. Дѣйствительно такую постановку даетъ философіи такъ называемый *позитивизмъ*. Позитивизмъ это такой же реализмъ, какъ и новокантіанизмъ. Позитивизмъ — англо-французская форма выраженія новѣйшаго реалистическаго направленія, а новокантіанизмъ — форма выраженія того-же реализма — нѣмецкая. По самому происхожденію и характеру своему позитивизмъ очевидно долженъ имѣть связь съ французскою философіею прошлаго столѣтія, но имѣетъ притомъ характеристическое отличіе, на которое указываетъ самое названіе. Прежняя философія французская была, какъ мы видѣли, отрицательною, и такой характеръ она имѣла въ отношеніи къ религіи. Позитивизмъ не хочетъ ничего отрицать въ отно-

¹⁾ Не можетъ также реализмъ признать особымъ предметомъ философіи самое познаніе, такъ какъ познаніе, какъ реальный процессъ, подлежитъ изслѣдованію физиологіи и частію опытной психологіи.

пеніи религіи, но онъ не находитъ также возможнымъ и утверждать что-либо въ этомъ отношеніи, основываясь на томъ, что религіозная вѣра касается вопросовъ неразрѣшимыхъ для ума человѣческаго и потому не подлежащихъ научному изысканію, — а позитивизмъ хочетъ быть философіею научною. И такъ позитивизмъ исправляетъ заблужденіе прежней французской философіи, но только на половину. Однако это — то именно и составляетъ достоинство его во мнѣніи новыхъ послѣдователей Кантовой философіи. Познаніе наше, по Канту, заключено въ предѣлахъ опыта; слѣдовательно о томъ, что выходитъ за предѣлы опыта, о сверхчувственномъ мы не вправе ни утверждать что-либо, ни отрицать; объ этомъ возможны только мнѣнія субъективныя, которыхъ наука не должна касаться. Но такъ-ли это? въ самомъ-ли дѣлѣ новѣйшій реализмъ, желая быть строго научнымъ, не касается вопросовъ о сверхчувственномъ? Однакожъ извѣстно, что новѣйшій реализмъ во всѣхъ видахъ болѣе чѣмъ склоняется къ матеріализму, а матеріализмъ — это система, которая пытается извѣстнымъ образомъ рѣшить вопросы о сверхчувственномъ. Оказывается такимъ образомъ, что обойти этихъ вопросовъ невозможно и напрасно новѣйшій реализмъ старается свой старый грѣхъ — отрицаніе сверхчувственнаго, духовнаго, прикрыть личиною равнодушія къ вопросамъ, касающимся этой области бытія. Впрочемъ, если современный реализмъ такъ двусмысленно и неувѣренно относится къ необходимымъ предположеніямъ о сверхчувственномъ, вообще къ понятіямъ объ идеальномъ, то это одно уже показываетъ, какъ велика заслуга критической философіи Канта. Выступивъ на путь примиренія съ религіозною вѣрою, философія эта указала столь надежную почву для достиженія таковой цѣли, что навсегда сдѣлала невозможнымъ прежнее, до наивности самоувѣренное и торжествующее, отрицаніе того, что составляетъ содержаніе религіозной вѣры.

Изъ предъидущаго достаточно видно, что главный пунктъ раздѣленія идеализма и реализма въ новѣйшей философіи послѣ Канта заключается въ вопросѣ о томъ, что такое наука, какъ понимать научное знаніе? Можно признать правильнымъ то рѣшеніе этого вопроса, какое даетъ философія Канта, но

только требующимъ дальнѣйшаго разъясненія и дополненія. Для дѣйствительности познанія необходимы съ одной стороны чувственное возрѣніе или представленіе и опредѣленіе или форма мысли; при этомъ созерцаніе или представленіе есть элементъ объективный въ познаніи, а мысль—субъективный. Но при этомъ необходимо обратить вниманіе на то, что мышленіе есть сила рефлектирующая, имѣющая свойство и самое опредѣленіе мысли, т. е. собственный актъ обращать въ представленіе, элементъ субъективный превращать въ объектъ для разсмотрѣнія. Мышленіе наше имѣетъ способность обращаться къ разсмотрѣнію самого себя, анализировать свои собственные формы и акты. Итакъ и въ томъ случаѣ, когда мышленіе обращается къ разсмотрѣнію собственныхъ дѣйствій и формъ, конечно будутъ даны означенные элементы познанія: представленіе и опредѣленіе мысли, но эти элементы въ настоящемъ случаѣ производятся самимъ мышленіемъ. Итакъ, повидимому, и одного мышленія достаточно, дабы получалось познаніе; и дѣйствительно есть науки формальныя, для которыхъ предметомъ изслѣдованія служатъ субъективныя формы сознанія (которыя по крайней мѣрѣ можно разсматривать, какъ исключительно субъективныя), таковы философскія и математическія науки. Конечно объектъ, производимый мышленіемъ, есть идеальный, умопредставляемый, а не реальный, по коль скоро идеальный элементъ необходимъ во всякомъ научномъ познаніи, настолько по крайней мѣрѣ, насколько входитъ въ составъ всякаго познанія опредѣленіе мысли, то почему-же познаніе не можетъ и не должно имѣть если не всецѣло, то преимущественно идеальный характеръ,—коль скоро самый предметъ таковъ, что условливаетъ именно этотъ, а не иной характеръ познанія? Ограничивать сферу научнаго изысканія одними реальными предметами, значитъ по произволу суживать и самые интересы, связанные съ научною дѣятельностію, что значитъ умалять, а не возвышать достоинство науки. Два элемента необходимы для познанія: *представленіе* и *мысль* или *понятіе*. Но иногда, и даже это постоянно бываетъ, что голый фактъ, какъ матеріаль для будущаго изслѣдованія, уже самъ по себѣ признается приобрѣтеніемъ науки. Почему-же и наоборотъ—идею, опредѣ-

леніе мысли, догадку не считать также достояніемъ науки? Дѣло въ томъ, что мысли, идеи бываютъ истинныя и ложныя, стоящія и не стоящія вниманія. Но какъ-же можетъ быть рѣшено безъ предварительнаго изслѣдованія, какая идея заслуживаетъ вниманія, какая не заслуживаетъ? И относительно реальныхъ явленій также необходима разборчивость. При всякомъ изслѣдованіи необходимъ методъ, который самъ указываетъ, на чемъ именно сосредоточивать вниманіе. Но методическое изслѣдованіе въ равной мѣрѣ возможно,—будетъ-ли оно обращено на реальные явленія, или-же на идеи, понятія, мнѣнія.

Итакъ, хотя необходимы субъективный и объективно-реальный элементы въ научномъ познаніи, но какъ есть такія сферы научнаго изысканія, гдѣ наименьшую долю составляетъ элементъ субъективный, такъ равнымъ образомъ не слѣдуетъ исключать изъ области науки и тѣхъ сферъ, гдѣ наибольшее значеніе принадлежитъ субъективному элементу. Есть науки по преимуществу опытыя, и есть науки преимущественно умозрительныя; характеръ тѣхъ и другихъ различенъ,—отсюда различное понятіе образуется въ тѣхъ и другихъ о *самой наукѣ*. Опытныя науки склонны наибольшее значеніе придавать въ познаніи объективному элементу; отсюда и въ изложеніи понятія о наукѣ, т. е. въ свойственномъ этимъ наукамъ пониманіи самой науки, выдвигается на первый планъ то определеніе, что каждая наука должна имѣть свой предметъ, причемъ различіе одной науки отъ другой полагается въ разности самыхъ предметовъ. Напротивъ въ наукахъ умозрительныхъ субъективный элементъ преобладаетъ, отсюда и въ пониманіи науки, свойственномъ этимъ наукамъ, главное значеніе придается самой дѣятельности познавательной, а не предметамъ. Такъ различные предметы могутъ быть рассматриваемы въ духѣ извѣстнаго міросозерцанія и центръ тяжести въ этомъ случаѣ падаетъ въ самомъ этомъ міровоззрѣніи, а не въ предметахъ, къ которымъ оно прилагается. Такимъ образомъ и въ рѣшеніи вопроса—что такое наука, какъ понимать науку, проявляется различіе философскихъ направленій—*идеализма и реализма*. А потому признается-ли философія наукою, или не признается,—это ни мало не рѣшаетъ вопроса о самой филосо-

фіи—что такое она,—а только указываетъ на различныя направленія философской мысли, насколько эти направленія выражаются въ различномъ пониманіи науки. Философія всегда обращается преимущественно къ изслѣдованію того вопроса, который самое время выдвигаетъ. Послѣ того какъ господствующею идеею вѣка сдѣлалась идея просвѣщенія, а главный источникъ просвѣщенія заключается въ наукѣ, то и вопросъ о томъ, что такое наука, естественно является предметомъ философскаго изысканія. Дѣйствительно слѣдующій за Кантомъ философъ, его ученикъ и послѣдователь, *Фихте* прямо называлъ главный опытъ своей философіи *наукословіемъ* (*Wissenschaftslehre*).

П. Анницкій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

17. Э П И Х А Р М Ъ.

Эпихармъ, сынъ врача Илоаала, былъ однимъ изъ раннѣйшихъ слушателей Пифагора. Онъ родился около 540 г. до Р. Хр. на островѣ Косѣ; но довольно рано покинулъ родину свою и жилъ попеременно въ различныхъ городахъ Сициліи, и по преимуществу въ Мегарѣ. По разрушеніи этого послѣдняго города онъ переселился въ Сиракузы, гдѣ, въ тиранію Герона старшаго, прославился какъ поэтъ-комикъ. Въ Сиракузахъ онъ и скончался около 450 г. до Р. Хр., слѣдовательно 90 лѣтъ отъ роду. Кромѣ поэтическихъ произведеній, отъ него и какъ мыслителя осталось нѣсколько изреченій, записанныхъ его слушателями, и отрывочныхъ выраженій изъ его поэмъ, отмѣченныхъ позднѣйшими писателями по силѣ заключающейся въ нихъ мысли. Вотъ болѣе замѣчательныя изъ этихъ изреченій и отрывочныхъ выраженій:

Боги всегда были и не было времени, когда-бы ихъ не было.

Первоначала бытія подобны себѣ и посредствомъ одного и того-же проявляются.

Но говорятъ, что хаосъ произошелъ прежде всѣхъ боговъ ¹⁾.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 21.

¹⁾ Здѣсь имѣется въ виду основоположеніе ееогоніи Гезіода, о которой уже извѣстно читателямъ журнала: „Вѣра и Разумъ“. См. сей журналъ за 1884 г. №№ 16—17.

Это невозможно; ибо то, что существуетъ прежде всего, не можетъ происходить отъ чего-либо другаго.

Если къ какому-либо числу, нечетному или четному, прибавить другое число, или одно и тоже число взять въ двойномъ количествѣ, то число уже не останется однимъ и тѣмъ же; равнымъ образомъ, если къ мѣрѣ длины напримѣръ въ локоть прибавить еще какую-либо другую мѣру длины, или урѣзать прежнюю длину на какую-либо долю, то длина уже не будетъ одна и та-же: такъ точно бываетъ и съ людьми. Одинъ человѣкъ растетъ, другой умираетъ. Всѣ люди все время находятся въ постоянномъ процессѣ измѣненія. А что измѣняется по природѣ, то уже никогда не остается въ одномъ и томъ-же состояніи, но отличается отъ прежняго состоянія. И ты и я сегодня являемся уже не тѣмъ, чѣмъ были вчера, и завтра не будемъ тѣмъ, чѣмъ сегодня. Мы никогда не бываемъ одними и тѣми-же, на этомъ основаніи

Игра на флейтѣ есть-ли дѣло?—Есть. Но есть-ли она человѣкъ?—Нѣтъ. А игрокъ на флейтѣ есть-ли человѣкъ, или—нѣтъ?—Конечно. Такъ должно разсуждать и о благѣ. Благо само по себѣ есть нѣкоторое дѣло; а кто научился осуществлять его въ жизни, тотъ является уже благимъ или добрымъ человѣкомъ, подобно тому какъ научившійся играть на флейтѣ есть флейтистъ, научившійся танцовать—танцоръ, научившійся ткать—ткачъ, и т. д., вообще всякій таковой не есть это самое художество, а есть художникъ. Мудрость не есть чья-либо исключительная принадлежность; но все, что живетъ, имѣетъ и разумъ. И куры, если хочешь быть внимательнымъ къ ихъ жизни, не рождаютъ дѣтенышей живыми, но насиживаютъ яйца и посредствомъ тепла передаютъ имъ душу. Природа одна постигаетъ ту мудрость, благодаря которой это такъ происходитъ; и сама же природа научаетъ куръ этой премудрости.

Ничего вѣтъ удивительнаго въ томъ, что мы другъ другу нравимся и кажемся красивыми. И собака собакъ кажется красивѣйшею, также и быкъ—быку, осель—ослу и свинья—свиньѣ.

Отъ жертвоприношенія происходитъ пиръ; отъ пира—попойка; отъ попойки—разгулъ; отъ разгула—драка; отъ дра-

ки—судебная тяжба; отъ судебной тяжбы—осужденіе; въ слѣдствіе же осужденія бываютъ оковы, колоды и штрафы.

Это что такое?—Треножникъ. А что такое было-бы, что имѣеть четыре ноги?—Это было-бы ужъ не треножникъ, а четыреножникъ. А есть-ли такое существо, котораго имя напоминало-бы треножникъ, но которое имѣло-бы четыре оконечности?—Есть: Эдипъ ¹⁾. Макъ, укропъ и колючій кактусъ ²⁾ употребляются въ пищу лишь вмѣстѣ съ другими овощами. Но если кто прибавитъ маку, растерши его хорошенько, къ жиру, то сдѣлаетъ пріятное кушанье, къ которому не нужны и другія овощи.

На то, что прежде меня сказали два мужа, достаточно было-бы меня одного.

И молчать хорошо, когда присутствуютъ лучшіе люди.

Умъ видить и умъ слышать: все остальное слѣпо и глухо.

Рука руку моетъ: давай, дитя, и принимай.

Будь трезвень и не будь довѣрчивъ: это необходимыя принадлежности благоразумія.

Все доброе подають намъ боги за труды.

О лукавый человѣкъ! не гонись за мягкимъ, чтобы не получить жесткаго.

Отъ клеветы происходитъ порицаніе, а отъ тяжкаго порицанія—брань.

Только-что сказанное по началу не кажется сказаннымъ хорошо.

Смертному должно представлять о себѣ смертное-же, а не безсмертное.

Все слагается и разлагается, и снова возвращается туда, откуда пришло: земля—въ землю, духъ—къ небу ³⁾. Что здѣсь труднаго? — Отнюдь ничего.

¹⁾ Здѣсь въ греческомъ игра словъ: τρίπους—треножникъ и Οἰδίπους—Эдипъ.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ породахъ колючаго кактуса употреблялась въ пищу внутренняя мякоть ствола.

³⁾ Срав. изреченіе Екклесіаста 12, 7: *и возвратится персть въ землю, якоже бы, и духъ возвратится къ Богу, иже даде его.*

Если кто изыскиваетъ что-либо мудрое, тотъ долженъ думать объ этомъ ночью.

Все серьезное изыскивается болѣе ночью, нежели днемъ.

Относительно всякой вещи распознавай, насколько она полезна будетъ другому.

Ты не словомъ силенъ, но безсиленъ молчаніемъ.

Не раскаяваться должно мудрому мужу, но напередъ обдумывать такъ, чтобы потомъ не раскаяваться.

Не раздражайся по поводу всякой малости.

Не гнѣвъ, но умъ долженъ властвовать.

Никто разгнѣванный не обсуждаетъ вещей правильно.

Заботливость болѣе приноситъ пользы друзьямъ, нежели хорошія природныя дарованія.

Самый характеръ служить для однихъ людей добрымъ, а для другихъ—злымъ геніемъ.

Кто не желаетъ быть въ завидномъ положеніи? Съ другой стороны ясно, что никто изъ тѣхъ, кому не завидуютъ, не свободенъ отъ какого-либо недостатка. Слѣпаго увидѣвъ, всякій пожалѣетъ, но завидовать ему не станетъ никто.

Ничего нѣтъ на землѣ тягостнѣе женщины: счастливъ тотъ, кто не знаетъ ея.

Жениться—это значить тоже, что положить наудачу трижды шесть или трижды три, потому что если ты возьмешь жену хорошую характеромъ и въ другихъ отношеніяхъ не отяготительную, то ты счастливъ въ женитьбѣ; если-же — любящую часто выходить изъ дому, болтливую и расточительную, то не жену будешь имѣть, а разряженное несчастье на всю жизнь.

Добродѣтель благоразумной жены состоитъ въ томъ, чтобы не оскорблять ничѣмъ своего супруга.

Нѣтъ такого мѣста, которое-бы дѣлало или всѣхъ злыми, или всѣхъ добрыми.

Я задыхаюсь отъ негодованія, когда слышу, что кто-либо, самъ будучи не благороденъ по характеру, злословитъ благородство и съ презрѣніемъ къ нему относится: ибо что можетъ быть общаго между зеркаломъ и слѣпымъ человѣкомъ?

Къ ближнимъ приходи въ свѣтлой одеждѣ и будешь мно-

гимъ казаться человѣкомъ благоразумнымъ, хотя-бы ты въ дѣйствительности и не обладалъ благоразуміемъ.

Умереть я не хочу, но безразлично отношусь къ тому, что я смертенъ.

Природа человѣческая подобна надутымъ мѣхамъ. *

Будучи благочестивъ, ты не потерпишь никакого зла, когда умрешь: духъ твой будетъ пребывать на небѣ.

Ничто не утаится отъ Божества: знай это. Самъ Богъ есть зритель нашихъ дѣлъ; и нѣтъ ничего, чего-бы не могъ совершить Богъ ¹⁾).

О дочь! какое твое и мое несчастіе! Я растилъ тебя до зрѣлыхъ лѣтъ, уготовляя въ сожительство юношѣ, и потерялъ тебя. Юноша этотъ хочетъ взять себѣ въ супруги другую дѣвицу, а другаго я и не знаю, за кого бы ты вышла замужъ.

Будь въ такомъ настроеніи духа, какъ будто-бы ты имѣлъ жить и долгое и короткое время.

Дочь требуетъ обрученія, а обрученіе — приданаго и другихъ издержекъ.

Если будешь имѣть чистый умъ, то и всѣмъ тѣломъ будешь чистъ.

Благочестивая жизнь служитъ наилучшею поддержкою для смертныхъ.

Трусливый человѣкъ бываетъ смѣлъ лишь тогда, когда находится далеко отъ опасности, когда-же приближается она, то онъ бѣжитъ отъ нея.

Гдѣ страхъ, тамъ и уваженіе.

Побитый Фригіецъ бываетъ лучше и услужливѣе.

Будемъ вкушать отъ того, что Зевсъ подаетъ.

Не вкусная вещь — человѣкъ ²⁾).

Ц. Ж.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Это изреченіе уже приводимо было въ статьѣ: „Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи“, въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1885 г. № 6, отд. филос., стр. 260.

²⁾ Изъ Діогена Лаэртія, Атенея, Стобея и др. См. у Муллаха въ цит. соч. стр. 441—147.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Декабря № 24. 1885 года.

Содержаніе: Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Амвросію, Епископу Харьковскому и Ахтырскому.—Отношеніе г. Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 22 ноябра н. г. за № 13467 на имя Преосвященнаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода —Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁸⁴/₈₅ учебный годъ.—Списокъ лицъ, коимъ предоставлено право преподаванія церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ.—Епархіальныя пзвѣщенія.—Резолюція Преосвященнаго Амвросія Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСНАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Амвросію, Епископу Харьковскому и Ахтырскому.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 21 августа сего года, за № 3504, о томъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 31 мая и 3 іюля текущаго года, Высочайше соизволилъ въ 30 день іюля сего года на продолженіе производства по всей Имперіи, въ теченіи одного года, сбора пожертвованій въ пользу учрежденнаго при Константинопольской патриархіи центральнаго духовнаго училища на островѣ Халки, и 2) предложеніе г. исполнявшаго обязанности синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 20 августа текущаго года за № 3759, о томъ, что согласно вышеозначенному опредѣленію Святѣйшаго Синода, сдѣлано было сношеніе съ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ касательно воспрещенія печатать объявленія, коими доводится до всеобщаго свѣдѣнія приглашенія къ воздвигнiю поклоненія св. мощамъ и инымъ предметамъ религіознаго чествованія, безъ разрѣшенія на то со стороны Святѣйшаго Синода. Вслѣдствіе сего управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ, что имъ сдѣлано циркулярное распоряженіе, чтобы какъ въ повременныхъ изданіяхъ, такъ и на отдѣльныхъ листахъ не печатались

безъ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, означенныя выше объявленія.

Справка: 1) циркулярнымъ указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 9 октября 1883 года, дано знать по духовному вѣдомству, для свѣдѣнія и должнаго, въ чемъ слѣдуетъ, исполненія, — о нижеслѣдующемъ: прибывшему отъ вселенскаго патріарха, архимандриту Серафиму, для сбора въ Россіи пожертвованій на учрежденное при патріархіи духовное училище, разрѣшить предъавлять въ Россіи, для чествованія и поклоненія, врученныя ему вселенскимъ патріархомъ части мощей Святаго Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, Святаго Апостола Матѳея, Святаго Николая Чудотворца, Святаго Іоанна Златоустаго и иныхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, — о чемъ сдѣлать надпись въ выданной ему сборной книгѣ, съ тѣмъ, чтобы архимандритъ Серафимъ на предъавленіе означенной святыни, для чествованія и поклоненія усердствующихъ, испрашивалъ въ епархіяхъ благословеніе мѣстныхъ архіереевъ; епархіальнымъ-же преосвященнымъ предоставить назначать, по собственному ихъ усмотрѣнію, одну изъ городскихъ церквей, для храненія упомянутыхъ святынь, съ подобающею честію.

2) 17-го января сего года г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ было предложено Святѣйшему Синоду посланіе вселенскаго Патріарха на имя Святѣйшаго Синода о разрѣшеніи архимандриту Серафиму продолжать сборъ въ Россіи пожертвованій въ пользу духовнаго училища при Константинопольской патріархіи. Святѣйшій Синодъ 31 мая — 3 іюля сего года опредѣлилъ: 1) продолжить еще на одинъ годъ срокъ для сбора пожертвованій въ Россіи въ пользу учрежденнаго при Константинопольской патріархіи духовнаго училища, на что и предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее соизволеніе, и 2) въ виду дошедшихъ до Святѣйшаго Синода свѣдѣній о томъ, что св. мощи предъавляются архимандритомъ Серафимомъ, для чествованія, не только въ указанныхъ мѣстными епархіальными архіереями храмахъ, но и въ домахъ, безъ всякаго на то дозволенія; а равно, безъ всякаго со стороны Святѣйшаго Синода разрѣшенія, печатаются какъ въ повременныхъ изданіяхъ, такъ и на отдѣльныхъ листахъ объявленія о св. мощахъ, чѣмъ нарушается должное къ нимъ почтеніе, — не разрѣшать впредь архимандриту Серафиму предъавлять, для чествованія, св. мощи, при производствѣ имъ сбора пожертвованій, и предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору снестись съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о томъ, чтобы со стороны сего министерства сдѣлано было распоряженіе о воспрещеніи печатать объявленія, коими доводятся

до всеобщаго свѣдѣнія приглашенія къ воздаянію поклоненія св. мощамъ и инымъ предметамъ религіознаго чествованія, безъ разрѣшенія на то со стороны Святѣйшаго Синода. Приказали: о вышеизложенномъ дать звать по духовному вѣдомству циркулярно печатными указами. Ноября 1 дня 1885 года.

Отношеніе г. Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 22 ноября н. г. за № 13467 на имя Преосвященнаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

Г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода отношеніемъ, отъ 22 ноября н. г. за № 13467, увѣдомляя Его Преосвященство, что, согласно опредѣленіямъ Святѣйшаго Синода, отъ 25 февраля — 11 марта, ^{10/27} ноября 1882 года и ⁸ 27 февраля 1884 года, поручивъ, вмѣстѣ съ симъ, конторѣ Московской синодальной типографіи отослать въ Харьковскую духовную консисторію по десяти экземпляровъ вновь напечатанныхъ въ той типографіи противораскольническихъ брошюръ одиннадцати наименованій: а) Разсмотрѣніе свидѣтельствъ и святоподобій, приводимыхъ безпоповцами въ защиту ихъ мнимой церкви, существующей безъ іерархіи и таинствъ, б) О вѣчности Церкви Христовой и ея таинъ, в) Свидѣтельства о разностяхъ въ чтеніи сѣмвола вѣры, г) Свидѣтельства о трегубомъ аллилуія, д) О безпоповщинской исповѣди, е) Различіе уставовъ о поклонахъ и церковномъ пѣніи, существовавшихъ въ древнія времена и во времена московскихъ патріарховъ, ж) О таинствѣ св. причащенія по ученію старообрядцевъ безпоповщинскаго согласія, з) Бесѣды о свидѣтельствахъ и святоподобіяхъ, приводимыхъ поповцами въ защиту ихъ глаголагаемаго священства, и) Свидѣтельства о древности перстосложенія именованнаго и троеперстнаго, і) Свидѣтельства древлеписменныхъ и древлепечатныхъ книгъ о правильномъ начертаніи и произношеніи достопоклоняемаго имени Христа Спасителя Иисусъ, к) Бесѣды о пришествіи пророковъ Іліи и Еноха и объ антихристѣ, съ приложеніемъ другихъ, соприкосновенныхъ имъ бесѣдъ и статей, — просить Его Преосвященство не оставить распоряженіемъ о разсылкѣ тѣхъ книгъ священникамъ тѣхъ церквей, приходы которыхъ наиболѣе заражены расколомъ. При чемъ присовокупляетъ, что, въ случаѣ недостатка препровождаемыхъ экземпляровъ означенныхъ выше брошюръ, съ требованіями объ отпускѣ оныхъ слѣдуетъ обращаться въ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ и что таковыя брошюры могутъ быть отпускаемы по нижеслѣдующимъ цѣнамъ: первая и вторая по *четыре* коп.,

третья, четвертая, пятая и шестая по *пяти* коп., седьмая по *шести* коп., восьмая и девятая по *десяти* коп., десятая по *двѣнадцати* коп. и одиннадцатая по *шестнадцати* коп., за экземпляръ въ печатной оболочкѣ.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ отъ 2—16 октября 1885 года за № 2039, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству преподано благословеніе Святѣйшаго Синода съ выдачею установленныхъ грамотъ слѣдующимъ лицамъ Харьковской епархіи:

Харьковскому 1-й гильдіи купцу Николаю *Жевержееву*; Харьковскому 2-й гильдіи купцу Василию *Федорову*; Харьковскому мѣщанину Ивану *Соболеву*; отставному рядовому Ивану *Бочковскому*; Харьковскому цеховому Федору *Чижку*; Харьковскому 2-й г. купцу Василию *Богданову*; жещѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Юліи *Данилевской*; вдовѣ тайнаго совѣтника Лидіи *Хрущевой*.

Преподано благословеніе безъ грамотъ:

Старостѣ церкви слоб. Савинець, Изюмскаго уѣзда, крестьянину Игнатию *Отцевичу*; вдовѣ штабсъ-капитана Аннѣ *Матушинской*.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁸⁴/85 учебный годъ.

1. Личный составъ служащихъ.

Въ личномъ составѣ служащихъ въ училищѣ, сравнительно съ концомъ 18⁸³/84 учебнаго года, произошли слѣдующія перемѣны:

а) По призыву прошлыхъ лѣтъ, всѣ помощницы воспитательницъ, по окончаніи годичнаго срока своей службы, выбыли изъ училища и на ихъ мѣсто, по представленію начальницы училища, опредѣлены Совѣтомъ на 18⁸⁴/85 учебный годъ окончившія курсъ въ июлѣ 1884 года дѣвицы: Александрова Анна, Дикарева Софья, Дюкова Пелагія, Лашенкова Александра, Насѣдкина Юлія, Сильванская Марія и Черняева Анна.

б) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 12 января 1885 года, преподаватель А. Ф. Вертеловскій уволенъ, по прошенію, отъ должности секретаря педагогическихъ собраній въ училищѣ; должность эта, согласно заявленію предсѣдателя Совѣта, закрыта и обязанности, съ нею соединявшіяся, возложены на дѣлопроизводителя Совѣта, безъ особаго за это вознагражденія.

в) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 18 декабря 1884 года,

дѣлопроизводитель, оный же и писмоводитель Совѣта, К. К. Сашинъ, по прошенію, уволенъ отъ занимаемыхъ имъ должностей и на его мѣсто опредѣленъ діаконъ Кладбищенской Іоанно-Усѣкновенской церкви, Сеофанъ Чернявскій.

г) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 4 августа 1884 года, уволена, по прошенію, учительница русскаго языка въ первыхъ трехъ классахъ училища, Е. А. Горбачевская, и на ея мѣсто, постановленіемъ отъ 9-го того-же августа, опредѣленъ преподаватель Харьковской духовной семинаріи по предмету латвискаго языка, преподающій, съ разрѣшенія г. Попечителя Харьковскаго учебнаго округа, русскій языкъ въ Харьковской женской гимназіи г-жи Григорцевичъ, кандидатъ богословія В. М. Извольскій.

д) Вслѣдствіе увеличенія числа уроковъ по физико-математическимъ наукамъ въ старшихъ классахъ училища съ переводомъ воспитанницъ IV параллельнаго класса въ V-й, преподаватель этихъ наукъ, А. И. Эльтековъ, находя невозможнымъ совмѣщать всѣ эти уроки съ другими своими занятіями, отказался отъ пяти уроковъ арифметики въ IV и V нормальномъ классахъ, каковыя уроки, постановленіемъ Совѣта отъ 3 сентября 1884 года, отдавы преподавателю математики въ Харьковской духовной семинаріи, кандидату физико-математическаго факультета. И. В. Кудревичу.

е) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 30 іюля 1884 года, уволена, по прошенію, воспитательница училища, Е. И. Попова, а постановленіемъ Совѣта отъ 10 августа того-же года уволены, по прошеніямъ, воспитательницы училища: В. Д. Капустина и А. И. Петрова; на эти три свободныя вакансіи, тѣмъ же постановленіемъ Совѣта отъ 10 августа 1884 года, опредѣлены, окончившія въ 1877 году курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ съ званіемъ домашнихъ учительницъ, дѣвчцы: А. Г. Троицкая, З. И. Нельговская и М. И. Энедова.

ж) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 7 февраля 1885 года, уволена, по прошенію, воспитательница училища, М. И. Энедова, и на ея мѣсто опредѣлена, окончившая въ 1878 году курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы, дѣвчца А. И. Левандовская.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ переѣздовъ, къ концу отчетнаго учебнаго года образовался слѣдующій составъ служащихъ въ училищѣ лицъ:

а) Составъ Совѣта.

Предсѣдатель Совѣта, священникъ Харьковскаго Каѳедральнаго собора. Тимоѣей Ивановичъ *Буткевичъ* — магистръ богословія, жалованья получаетъ 300 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 26 августа 1883 года.

Начальница училища, дѣвчца Евгенія Николаевна *Гейнцъ*, окончила курсъ въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвчцъ, жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ и столѣ, — 500 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 1-го августа 1883 года.

Инспекторъ классовъ, священникъ Інокандръ Іоновичъ *Оникевичъ*, кандидатъ богословія, жалованья получаетъ 500 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 30 марта 1873 года.

Членъ Совѣта отъ духовенства, священникъ Харьковской Николаевской церкви, Панкратій Дмитріевичъ *Ивановъ*, студентъ Харьковской духовной семинаріи, жалованья получаетъ 120 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 23 сентября 1881 года.

Членъ Совѣта отъ духовенства, священникъ Харьковской Свято-Духовской церкви, Николай Платоновичъ *Мощенко*, студентъ Харьковской духовной семинаріи, жалованья получаетъ 120 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 5 сентября 1883 года.

Попечительница училища, Александра Васильевна *Гордѣенко* служатъ безвозмездно; въ настоящей должности съ 1871 года.

Почетный блюститель по хозяйственной части, Харьковскій купецъ, Николай Александровичъ *Чижинъ*, служитъ безвозмездно; въ настоящей должности съ 7 ноября 1883 г.

И. д. дѣлопроизводителя училищнаго совѣта, онъ же и писмоводитель, діаконъ кладбищенской Иоанно-Усѣкновенской церкви, Теофанъ Дмитріевичъ *Чернявскій*, окончилъ курсъ въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ, жалованья по объѣмъ должностямъ получаетъ 300 руб. и за совершеніе Богослуженія въ училищной церкви 60 р., всего 360 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 18 декабря 1884 года.

Б) Преподаватели и преподавательницы обязательныхъ предметовъ:

Закона Божія въ VI, обонхъ отдѣленіяхъ V и VI классахъ, инспекторъ классовъ, священникъ Никандръ *Онисевичъ*, кандидатъ богословія, жалованья получаетъ за 12 уроковъ 900 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 30 марта 1873 года.

Того же предмета въ I, II и III-мъ классахъ, — священникъ Харьковской кладбищенской Иоанно-Усѣкновенской церкви, Георгій Ивановичъ *Волобуевъ*; онъ же совершаетъ богослуженіе въ училищной церкви; окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, жалованья получаетъ за 12 уроковъ 600 руб. и за совершеніе Богослуженія 120 руб., всего 720 въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1871 года.

Русской словесности въ IV, V нормальномъ и VI классахъ, преподаватель того же предмета въ Харьковской духовной семинаріи, коллежскій совѣтникъ Александръ Алексѣевичъ *Снегиревъ*, кандидатъ богословія, жалованья получаетъ за 10 уроковъ 750 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 18 августа 1876 года.

Того же предмета въ V параллельномъ классѣ, преподаватель греческаго языка въ Харьковской духовной семинаріи, коллежскій ассесоръ Михайлъ Васильевичъ *Добронравовъ*, кандидатъ богословія, жалованья получаетъ за 3 урока 225 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 9-го августа 1883 года.

Русскаго языка въ I, II и III классахъ, — преподаватель латвискаго языка въ Харьковской духовной семинаріи, надворный совѣтникъ Василій Михайловичъ *Извольскій*, кандидатъ богословія, жалованья получаетъ за 12 уроковъ 900 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1884 года.

Арифметики въ V параллельномъ и VI классахъ, геометріи, физики и космографіи—коллежскій совѣтникъ Александръ Павловичъ *Эльтековъ*, докторъ хіміи, жалованья получаетъ за 14 уроковъ 1050 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 4 августа 1876 года.

Арифметики въ IV и V нормальномъ классахъ, преподаватель физико-математическихъ наукъ въ Харьковской духовной семинаріи, надворный совѣтникъ Иванъ Викторовичъ *Кудреничъ*, кандидатъ Харьковского университета по физико-математическому факультету, жалованья получаетъ за 5 уроковъ 375 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 3 сентября 1884 года.

Арифметики въ I, II и III классахъ — дѣвица Ольга Константиновна *Рудинская* окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ жепскомъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы, жалованья получаетъ за 12 уроковъ 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 27-го августа 1880 года.

Гражданской исторіи въ IV, обоихъ отдѣленіяхъ V и VI классахъ, — преподаватель церковной исторіи въ Харьковской духовной семинаріи, коллежскій совѣтникъ Алексѣй Ѳедоровичъ *Вертеловскій*, кандидатъ богословія, жалованья получаетъ за 13 уроковъ 975 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1875 года.

Географіи въ IV, обоихъ отдѣленіяхъ V и VI классахъ—преподаватель исторіи въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, Валентинъ Васильевичъ *Ланинъ*, кандидатъ Харьковского университета по историко-филологическому факультету, жалованья за 11 уроковъ получаетъ 825 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 30 января 1884 года.

Того-же предмета въ II и III-мъ классахъ,—воспитательница училища, дѣвица Людмила Евфимовна *Дьякова*, слушала спеціальныя курсы по исторіи и географіи въ Харьковской женской гимназіи, жалованья за 4 урока получаетъ 200 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 25 сентября 1881 года.

Педагогика въ обоихъ отдѣленіяхъ V и въ VI классахъ, — преподаватель философіи и педагогика въ Харьковской духовной семинаріи, коллежскій совѣтникъ Николай Николаевичъ *Стриговъ*, кандидатъ богословія, жалованья за 4 урока получаетъ 300 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1877 года.

Чистописанія, черченія и рисованія во всѣхъ классахъ, губернскій секретарь Деметій Осиповичъ *Лановскій*, выдержалъ спеціальный экзаменъ въ испытательной комиссіи при Харьковскомъ университетѣ, жалованья за 12 уроковъ получаетъ 420 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 21 августа 1874 года.

Церковнаго пѣнія во всѣхъ классахъ,—священникъ Харьковской Троицкой церкви, Стефанъ Ивановичъ *Петровскій*, окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, за 8 уроковъ въ недѣлю жалованья получаетъ 250 рублей въ годъ; въ настоящей должности съ 1-го августа 1861 года.

Учительница рукодѣлій, дѣвица Меланія Дмитриевна *Чернявская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квар-

тирѣ и столѣ, 180 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1877 года.

Учительница рукодѣлій, вдова помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, Александра Ивановна *Соколова*, обучалась въ частномъ пансіонѣ въ г. Витебскѣ; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ и столѣ, 180 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 17 августа 1880 г.

(Продолженіе будетъ.)

СПИСОКЪ

лицъ, коимъ, на основаніи § 10 Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, предоставлено съ утвержденія Его Преосвященства, право преподаванія простаго (унисоннаго) церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ съ обозначеніемъ времени выдачи свидѣтельства на сіе право.

1) Изюмскаго уѣзда слоб. Шандриголовой псаломщикъ Петръ Ивановъ *Шемигоновъ* и почетный гражданинъ Иванъ Алексѣевъ *Павловъ* получили свидѣтельства 3-го октября; Зміевского уѣзда слоб. Ново-Серпухова, крестьянинъ Трофимъ Максимовъ *Полышкинъ* Изюмскаго уѣзда слоб. Савинецъ, крестьянинъ Косьма Касьяновъ *Сдноволовъ*; 5) сынъ псаломщика Ѳедоръ Ивановъ *Улановъ*, сынъ псаломщика Максимъ Ивановъ *Данилевскій*, сынъ псаломщика Иванъ Васильевъ *Романцовъ*, сынъ діакона Иванъ Дмитріевъ *Лядскій* и сынъ діакона Василій Дмитріевъ *Лядскій* получили свидѣтельства 23-го ноября.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Аннинскаго молитвеннаго дома хутора Андреевки, Волчанскаго уѣзда, Петръ *Оранскій* опредѣленъ священникомъ къ Дмитріевской церкви села Шевелевки Изюмскаго уѣзда.

— Священникъ Харьковской Вознесенской церкви Григорій *Томашевскій* утвержденъ духовникомъ 1-го и 2-го благочинническихъ округовъ г. Харькова.

— Псаломщикъ Казанской церкви села Нижней-Орели, Зміевского уѣзда, Ѳедоръ *Ѳедоровъ* опредѣленъ штатнымъ діакономъ къ означенной церкви.

— Псаломщикъ Троицкой церкви слоб. Гусаровки, Изюмскаго уѣзда,

Алексѣй *Чернявскій* рукоположенъ въ діакона и утвержденъ штатнымъ діакономъ при той-же церкви.

— Сынъ псаломщика *Василій Бацмановъ* опредѣленъ псаломщикомъ на псаломщицкое мѣсто къ Покровской церкви села Старой-Водолаги Валковскаго уѣзда.

Сынъ діакона *Стефанъ Стефановскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Дмитріевской церкви села Шевелевки, Изюмскаго уѣзда.

— Къ Покровской церкви слоб. Дмитріевки, Изюмскаго уѣзда, допущенъ временно къ исправленію должности псаломщика безмѣстный причетникъ *Павель Столяревскій*.

— Псаломщикомъ къ Троицкой церкви села Васильевки, Лебедянскаго уѣзда, опредѣленъ бывший воспитанникъ Ахтырскаго духовнаго училища *Петръ Ступницкій*.

— Безмѣстный псаломщикъ *Калашниковъ* по резолюціи Его Пресвященства опредѣленъ штатнымъ псаломщикомъ при Рождество - Богородичной церкви села Алексѣевки, Сунскаго уѣзда.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Священническое—въ сел. Рясномъ, Богодуховскаго уѣзда.

— *Діаконскія*: Въ слоб. Каплуновкѣ, Богодуховскаго уѣзда; въ слоб. Станичномъ, Валковскаго уѣзда; Минковкѣ, того же уѣзда; Крочкахъ, Изюмскаго уѣзда; Бугаевкѣ, того же уѣзда; въ г. Богодуховѣ, при Покровской церкви; въ Заводахъ, Волчанскаго уѣзда.

— *Псаломщицкія*: Въ слоб. Лютовкѣ, Богодуховскаго уѣзда; въ г. Ахтыркѣ при соборной церкви, въ с. Полянномъ, Ахтырскаго уѣзда; въ с. Штеповкѣ, Лебедянскаго уѣзда; въ с. Нижнемъ-Бурлучкѣ, Волчанскаго уѣзда; въ с. Старо-Покровскомъ, Зміевскаго уѣзда.

Резолюціею Пресвященнѣйшаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, послѣдовавшей на прошеніи инспектора Высочайше утвержденнаго въ 1858 году С.-Петербургскаго Страховаго Общества А. Піотровскаго, рекомендуется духовенству Харьковской епархіи обратить вниманіе на предлагаемое имъ обезпеченіе существованія семействъ умершихъ лицъ путемъ страхованія ихъ жизни. По заявленію г. инспектора, дѣло это развилось въ большихъ размѣрахъ между духовенствомъ Кіевской, Волынской и Полтавской губерній.

Обыкновенное страхование на случай смерти.

Премія за страхование капитала въ 1,000 рублей, уплачиваемаго по смерти застрахованнаго лица.

Возр. при заключеніи	Годичная премія.		Полугодовая премія.		Четырехмѣсячная премія.		Трехмѣсячная премія.		Возр. при заключеніи	Годичная премія.		Полугодовая премія.		Четырехмѣсячная премія.		Трехмѣсячная премія.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.		ЛѢТ	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.
15	15	40	7	90	5	30	4	—	38	26	80	13	70	9	30	7	—
16	15	80	8	10	5	50	4	20	39	27	70	14	20	9	60	7	30
17	16	20	8	30	5	60	4	30	40	28	70	14	70	9	90	7	50
18	16	60	8	50	5	70	4	40	41	29	70	15	20	10	20	7	80
19	17	—	8	70	5	90	4	50	42	30	80	15	80	10	60	8	—
20	17	40	8	90	6	—	4	60	43	32	—	16	40	11	—	8	30
21	17	80	9	10	6	20	4	70	44	33	30	17	—	11	50	8	70
22	18	20	9	30	6	30	4	80	45	34	70	17	70	12	—	9	10
23	18	50	9	50	6	40	4	90	46	36	10	18	50	12	50	9	40
24	18	90	9	70	6	50	5	—	47	37	70	19	30	13	—	9	80
25	19	30	9	90	6	70	5	10	48	39	30	20	10	13	50	10	20
26	19	70	10	10	6	80	5	20	49	40	90	20	90	14	10	10	70
27	20	—	10	30	6	90	5	30	50	42	70	21	80	14	70	11	10
28	20	40	10	50	7	10	5	40	51	44	50	22	70	15	30	11	60
29	20	90	10	70	7	20	5	50	52	46	40	23	70	16	—	12	10
30	21	40	11	—	7	40	5	60	53	48	50	24	80	16	70	12	60
31	21	90	11	20	7	60	5	80	54	50	60	25	90	17	40	13	20
32	22	50	11	50	7	80	5	90	55	52	90	27	—	18	20	13	80
33	23	10	11	80	8	—	6	10	56	55	—	28	10	18	90	14	30
34	23	80	12	20	8	20	6	20	57	57	20	29	20	19	70	14	90
35	24	50	12	50	8	50	6	40	58	59	50	30	40	20	50	15	50
36	25	30	12	90	8	70	6	60	59	62	—	31	70	21	30	16	10
37	26	—	13	30	9	—	6	80	60	64	70	33	—	22	30	16	80

Примѣръ: Отецъ семейства, 35 лѣтъ, желаетъ застраховать для своей жены и дѣтей капиталъ въ 10,000 рублей, который долженъ быть уплаченъ по его смерти.

При этомъ годичная премія составитъ -	-	-	-	245 руб.
полугодовая	-	-	-	125 "
четырехмѣсячная	-	-	-	85 "
трехмѣсячная	-	-	-	64 "

Подробныя свѣдѣнія по сему предмету сообщаются по словесному или письменному запросу бесплатно главнымъ агентствомъ для южнаго округа С.-Петербургскаго Общества страхованій. Кіевъ, Крещатикъ, № 7 (здѣ С.-Петербургскій международный коммерческій Банкъ), а также инспекторомъ Александромъ Яковлевичемъ Пютровскимъ, въ г. Кіевѣ, Нестеровская, домъ Бубнова № 10.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: Приверженность и благоговѣніе православныхъ къ высшему духовному сану.—О виѣбогослужебныхъ бесѣдахъ.—Сооруженіе православныхъ храмовъ въ Туркестанскомъ краѣ.—Православная миссія на Новой землѣ.—Изъ быта шугундистовъ.—Вразумительный случай.—Счисленіе раскольниковъ.—Іерусалимскій орденъ.—О церковно-приходскихъ школахъ.—Новая монета.—Иностранцы въ Россіи.—Духовенство въ Англіи.

— Нашъ простой народъ, не смотря на цѣлыя десятилѣтія развращающаго вліянія со стороны непризванныхъ радѣтелей о его умственномъ „развитіи“, сохранилъ въ своемъ характерѣ всѣ свѣтлыя черты, которыя составляютъ его лучшее украшеніе, именно трогательную привязанность къ Церкви и искреннее, доходящее до благоговѣнія, почтеніе къ ея высшимъ служителямъ. Въ отчетѣ о состояніи Херсонской епархіи между прочимъ преосв. Никаноръ говоритъ, что „приверженность и благоговѣніе православныхъ къ высшему духовному сану умиляли и поражали. Въ рѣдкомъ селеніи, при приближеніи архіерея къ церкви, народъ не становился повально на колѣни, что мы съ своей стороны не поощряли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ добротствомъ народа продѣланы, для архіерейскаго проѣзда, новыя дороги; въ нѣкоторыхъ скрыты цѣлыя горы, чего народъ прежде не хотѣлъ сдѣлать ни для собственнаго удобства, ни по настоянію свѣтскихъ властей“.

Замѣчательно, что это почтеніе къ православнымъ архинастырямъ раздѣляютъ и иновѣрцы, и даже евреи. Въ томъ же отчетѣ преосв. Никаноръ говоритъ слѣдующее: „Пріятнымъ долгомъ считаю признательно вспомнить и то, какъ встрѣчали насъ иновѣрцы, нѣмецкіе колонисты римско-католическаго вѣроисповѣданія и евреи. Въ двухъ селеніяхъ нѣмецкихъ колонистовъ пришлось намъ перепрягать лошадей. Въ одномъ мѣстный старшина, а въ другомъ мѣстный священникъ приглашали насъ въ свои дома, гдѣ радушно угощали насъ чаемъ и т. п. Г. старшинѣ и его семейнымъ я предложилъ книги новаго заветъа, русскій псалтырь, иконка и крестики. Все это принято было не только охотно, но и съ благоговѣніемъ. Когда же на улицѣ сталъ я раздавать дѣтямъ крестики, то дѣти принимали съ такою же порывистою радостію, какъ и наши православныя дѣти. На выѣздѣ нѣмцы колонисты устроили даже нѣчто въ родѣ триумфальныхъ воротъ съ разноцвѣтными флагами; на лиманахъ, по которымъ намъ слѣдовало проѣхать, устроили цѣлыя новыя дамбы; лошадей, ко-

нечно, давали не только лучшихъ, но и отлично-хорошихъ, вообще оказывали самое привлекательное радушіе. За что мы людямъ, послужившимъ намъ въ наши проѣзды, и обоимъ названнымъ селеніямъ выражаемъ сердечную признательность. Что же касается евреевъ, то они на всемъ нашемъ пути, во всѣхъ мѣстахъ своего жительства, встрѣчали насъ не иначе, какъ по-русски хлѣбомъ солью, говорили намъ и въ одиночку и всѣмъ соборомъ представителей привѣтственныхъ рѣчи; просили нашихъ молитвъ предъ Богомъ о дождѣ и урожаѣ, разумно разсуждая, что если Богъ дастъ хлѣбъ русскимъ, то хлѣбъ будетъ и у евреевъ; очень охотно принимали отъ насъ книжечки псалтырей на русскомъ языкѣ; вообще выражали даже порывистое радушіе. За что и еврейскимъ обществамъ и представителямъ ихъ, которые любезно встрѣчали насъ хлѣбомъ-солью и привѣтствіями, выражаемъ нашу сердечную признательность, призывая милость Божию на всѣхъ“.

— Въ „Вологодскихъ Е. В.“ (№ 19) помѣщена статья: „О внѣбогослужебныхъ бесѣдахъ священника съ прихожанами при Спасо-Угольской церкви, Вологодскаго уѣзда“. Авторъ статьи—священникъ М. Образцовъ прежде всего заявляетъ, что онъ хочетъ передать, какъ велъ и ведетъ бесѣды, „съ единственною цѣлью—вызвать взаимный обмѣнъ мыслей относительно того, какъ лучше и цѣлесообразнѣе вести религіозныя бесѣды съ простымъ народомъ, получить указанія, ладно-ли ведется у него начатое дѣло, слышать совѣты, основанные на опытахъ, что исправить и какъ продолжать...“ Далѣе авторъ между прочимъ высказываетъ, что существующіе сборники такихъ бесѣдъ, напр. Маврицкаго и А. Лебедева, по его мнѣнію, неполнѣе удачны. Начавши регулярно говорить проповѣди въ церкви, онъ для образца хотя и бралъ какой-нибудь печатный „сборникъ“, но всегда измѣнялъ и примѣнялъ готовую проповѣдь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и слушателямъ, и, кромѣ того, старался всегда ее *говорить*, а не *читать*. „Сознаю, что всего-бы лучше простая, устная проповѣдь, такъ какъ живая и сердечная рѣчь слушается охотнѣе, имѣетъ больше вліянія на слушателей... но говорить изустно въ церкви за богослуженіемъ страшусь, такъ какъ не имѣю ораторскихъ способностей“. Внѣбогослужебныя собесѣдованія организовались такимъ образомъ. Между утренней и обѣдной бываетъ промежутокъ около часу. О. Образцовъ воспользовался имъ и сталъ заходить въ сторожку, куда собирались на это время богомольцы. Во время восточной войны онъ сообщалъ имъ всѣ свѣдѣнія о ходѣ военныхъ событій, а съ 1879 г., когда при церкви за-

веденъ былъ складъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, стали читать и объяснять имъ разныя краткія брошюры, чѣмъ возбудили въ прихожанахъ охоту и покупать ихъ. Нѣкоторыя книги, напр. „Доброе слово земледѣльцамъ“, „Изъ быта крестьянъ“—Владиславлева, по желанію слушателей, прочитывались нѣсколько разъ. Теперь же, когда „бесѣда“ сдѣлалась и для пастыря и для паствы непремѣнною потребностью,—дѣло ведется слѣдующимъ образомъ. По окончаніи утрени собираются въ школу и ученики и взрослые. Послѣ молитвы слушатели садятся за ученическіе столы, на скамьи, на окна, на полъ..., водворяется тишина. Прежде всего читается по-русски дневное Евангеліе, причемъ, насколько возможно просто, понятно и подробно, излагаются относящіеся сюда: вѣроученіе, исторія, обряды, и изъ всего дѣлается тотъ или другой нравственный выводъ. „Вообще—продолжаетъ авторъ—забочусь, чтобы въ бесѣдахъ преобладали жизненность и живость, всѣ отвличенности по возможности обхожу, болѣе всего останавливаюсь на вопросахъ практическихъ, вызываемыхъ тѣми или другими современными, мѣстными потребностями или недостатками, которые мнѣ, какъ мѣстному жителю, хорошо извѣстны. Послѣ объясненія Евангелія и вызванныхъ содержаніемъ его тѣхъ или иныхъ разсужденій, кратко повторяю главные мысли. Наконецъ, чтобы бесѣда глубже занедалась въ памяти слушателей, обращаюсь къ нимъ съ вопросами. Затѣмъ, если еще до обѣдни есть свободное время, то читается или разсказывается житіе болѣе чтимаго св. угодника Божія. Въ послѣднее время разсказывается по порядку священная исторія ветхаго завѣта, причемъ особенно важныя мѣста, преимущественно рѣчи библейскихъ лицъ и слова Господа, читаются по русской Библии. Порядокъ исторіи библейскій. Разсказывается все подробно, кромѣ такихъ подробностей, какія заключаются напр. въ книгѣ Бытія: XIX, 5—8, 31—38, XXX, 1—24, гл. XXXIV и проч. Отъ послѣдовательности въ разсказахъ ветхозавѣтной исторіи было отступлено въ недѣлю Ваий, страстной пятнокъ, недѣлю антипасхи и 6 апрѣля, когда были разсказаны праздничныя исторіи. Для наглядности бесѣдъ обращается вниманіе слушателей на имѣющіяся въ церкви соотвѣтствующія иконы и др. священныя изображенія, причемъ удобныя къ переноскѣ переносятся въ классную комнату“.

Въ заключеніе авторъ задается вопросомъ: какіе-же замѣчаются результаты этихъ бесѣдъ? Какое вліяніе онѣ производятъ на слушателей? „Вѣрное заключеніе объ этомъ, по его мнѣнію, трудно еще сдѣлать. Дѣло новое. Нелегко даже опредѣлить, насколько

усвояется сказанное. Пока можно сказать только то, что эти бесѣды нашему сельскому люду нравятся и возбуждаютъ въ немъ живой интересъ⁶.

— Мѣстными административными и епархіальными властями въ настоящее время обращено особенное вниманіе на скорѣйшее возведеніе и сооруженіе православныхъ храмовъ въ Туркестанскомъ краѣ. Въ городѣ Ташкентѣ окончена въ настоящее время вчернѣ постройка приходской церкви и приступлено къ производству окончательной ея отдѣлки, съ тѣмъ чтобы окончательное ея сооруженіе привести въ исполненіе въ концѣ уже будущаго года. По утвержденнымъ проектамъ и смѣтамъ расходъ на постройку этой церкви исчисленъ въ 181,000 руб., причѣмъ работы производятся хозяйственнымъ способомъ, подъ наблюденіемъ учрежденнаго для сего особаго временнаго комитета. Точно также въ текущемъ году приступлено къ постройкѣ православной церкви и въ городѣ Перовскѣ. Городъ этотъ, устроенный нами изъ бывшаго Кокандскаго военнаго поста Акъ-Мечети, въ настоящее время обратился исключительно въ городъ мусульманскій, имѣющій четыре мечети и величественный мазаръ на мѣстѣ погибшихъ въ войнѣ съ русскими туземцевъ; русская же церковь помѣщается въ убогомъ, ветхомъ зданіи, не соотвѣтствующемъ ни потребностямъ мѣстнаго православнаго населенія, ни господствующей въ имперіи религіи. На этомъ основаніи еще въ 1875 году признано было необходимымъ построить тамъ храмъ, соотвѣтствующій назначенію, но осуществленіе этой мысли ежегодно откладывалось по неимѣнію средствъ и только въ настоящемъ году приступлено къ постройкѣ церкви, окончательное сооруженіе которой ожидается также въ концѣ будущаго года. Наконецъ въ будущемъ году предполагается приступить къ постройкѣ еще новой церкви въ укрѣпленіи Петро-Александровкѣ. Въ настоящее время для удовлетворенія нуждъ христіанскаго населенія всего Аму-дарьинскаго отдѣла существуетъ въ этомъ укрѣпленіи только одна церковь, помѣщающаяся во временно устроенномъ для сего баракѣ. Поэтому постройка церкви представляется настоятельно необходимою. По составленному проекту и смѣтѣ стоимость церкви на 450 человекъ и колокольни при ней опредѣлена въ 58,000 руб.

— Живая церковно-религіозная потребность ощущается между тѣмъ даже въ такихъ заброшенныхъ уголкахъ, какъ Новая Земля на Ледовитомъ океанѣ *). Архангельское епархіальное начальство

*) Островъ Новая Земля изслѣдованъ въ дѣльну отъ юга къ сѣверу на 1,500 верстъ. Послѣднее мѣсто, до котораго доплывали моряки, названо словомъ „про-

недавно командировало туда одного изъ протоіереевъ г. Архангельска для приведенія въ извѣстность количества новоземельскаго населенія и исполненія христіанскихъ требъ у него. Изслѣдованіе показало существованіе и на этомъ ледяномъ островѣ душъ, жаждущихъ утѣшенія религіи, и потому епархіальное начальство пришло къ заключенію:

„Ежегодно командировать въ Новую Землю священника съ причетникомъ, или іеромонаха съ послушникомъ, вмѣнивъ имъ въ обязанность отправляться туда съ первымъ весеннимъ и возвращаться съ послѣднимъ осеннимъ рейсомъ парохода, а равно представлять соображенія объ условіяхъ и мѣрѣ возможности постояннаго нахожденія тамъ причта и устройства монашескаго скита и изслѣдовать, какія могутъ быть изысканы мѣстныя средства для постояннаго содержанія тамъ причта и скита. Слѣдуетъ также сдѣлать попытку, не окажется ли возможность въ самоѣдскихъ приходяхъ епархіи готовить самоѣдскихъ мальчиковъ чрезъ постоянное участіе при богослуженіяхъ въ качествѣ пономаря и чтеца, для занятія должности псаломщика на Новой Землѣ, а со временемъ и должности священника. Къ будущему лѣту необходимо исправить часовню, находящуюся на Новой Землѣ для совершенія въ оной командиркуемыми духовными лицами богослуженій и требъ, съ устройствомъ въ ней иконостаса; а такъ какъ эта часовня очень мала, то озаботиться устройствомъ, вмѣсто нея, церкви, а равно устройствомъ дома для помѣщенія причта и чума на кладбищѣ для служенія панихидъ; за неимѣніемъ же средствъ въ распоряженіи епархіальнаго вѣдомства на командировку священнослужителей, исправленіе часовни, устройство церкви, причтоваго дома и чума на кладбищѣ—просить денежнаго вспоможенія, для осуществленія сихъ предположеній, у казны, не оставляя въ то же время заботы объ изысканіи къ этому мѣстныхъ средствъ“.

— „Кіев. Епарх. Вѣдомости“ передаютъ слѣдующую исторію изъ быта штундистовъ. Притоны штундистовъ, гдѣ они, по большей части, распространяютъ свое ученіе, это—сахарные заводы. Сюда сходится смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній и даетъ штундистамъ новыхъ учениковъ, новыхъ послѣдователей баптизма. На рубежѣ Сквирскаго и Радомысльскаго уѣздовъ, главнымъ притономъ и гнѣздомъ штундистовъ считается Корнинскій сахарный заводъ. Насадитель штундизма въ с. Турбовѣ, Сквирскаго уѣзда. Баркломъ Диденко, шай“. Далѣе его, по причинѣ полярныхъ льдовъ, не могъ проплыть ни одинъ мореплаватель.

своимъ намѣстникомъ въ Турбовкѣ оставилъ своего односельца Иродіона Можара; самъ-же перешелъ въ Корнинскій сахарный заводъ, сдѣлался здѣсь магазинеромъ и главнымъ пропагандистомъ анабаптистскаго ученія. Сюда стекаются со всѣхъ сторонъ всѣ тѣ, которымъ по сердцу пришлось ученіе Барклома и которыхъ гоняютъ православные, какъ негодныхъ еретиковъ. Здѣсь-то эти отщепенцы отъ православной вѣры, отверженные обществами, находятъ не только пріютъ, но и радушный пріемъ у старшаго брата. Здѣсь они до безумія упиваются потокомъ лживыхъ рѣчей старшаго брата, вѣрятъ этимъ рѣчамъ и совершенно сходятъ съ ума, почитая себя избранниками Божиими, апостолами, пророками, друзьями Христа, Божиими братьями, святыми мужами и т. п. Здѣсь они до того зачитываются протестантскихъ брошюръ и до того увлекаются соблазнительными рѣчами Барклома, что готовы каждую минуту летѣть на небо, туда, гдѣ возсѣдаетъ найстаршій братъ — Богъ. Здѣсь каждый изъ учениковъ Барклома мнитъ себя совершеннымъ, и ему кажется, что стоитъ только захотѣть взойти на небо, такъ ангелы Божіи возьмутъ и понесутъ его прямо въ обителице найстаршаго брата и товарища его — Бога. Недавно одинъ изъ послѣдователей Барклома, Филипъ Кривенко, сдѣлалъ попытку взойти живымъ на небо, о чемъ и высказался предъ своими односельцами. Тѣ, конечно, не хотѣли вѣрить; но Кривенко старался убѣдить ихъ, что они дѣйствительно увидятъ его восходящимъ на небо. „Такъ якъ птычка звымусь да й поличу въ небо“, — хвалился Кривенко своимъ односельцамъ. „Хыба анцы-болотъ (т. е. чертъ) прышле чайку, да вона схватыть тебе за чубайку (т. е. за чубъ), — схватыть за волоса да понесе ажъ нидъ небеса“, — шутили парни, слушая бредни Кривенка. — „Э, що вы знаете! Мене визьме на небо Самъ Исусъ Христосъ, — ось якъ у евангеліи сказано“, — отвѣчаетъ Кривенко, раскрывая карманный Новый Завѣтъ и по немъ читаетъ въ евангеліи отъ Іоанна слѣдующія слова: „Когда я вознесенъ буду отъ земли, — всѣхъ привлеку къ себѣ“ (Ев. Іоан. XII, 32). — „А кого-жъ то всихъ? Знаете вы?“ — сказалъ Кривенко вопросительно и тутъ-же отвѣтилъ: — „Всихъ, — значыть, бративъ Божихъ. Ну, отъ и мене Сыиъ Божій визьме на небо“. — „Колы-жъ цѣ буде?“ спросили у Кривенка парни. — „Колы Богъ дастъ“, — былъ отвѣтъ Кривенка.

Вскорѣ послѣ этого парни стали замѣчать, что Кривенко ходитъ сумный (т. е. печальный) и часто воздѣваетъ руки къ небу, да такъ съ воздѣтыми руками и стоитъ неподвижно долгое время,

повидимому, все дожидается, пока Сынь Божій пошлетъ къ нему ангеловъ, чтобы вознести его на небо. Летитъ-ли птица какая-нибудь въ воздухъ, или облако плыветъ по небу, Кривенко начинаетъ пристально всматриваться въ этотъ предметъ: авось ангелъ Божій летитъ. Но ангела нѣтъ и нѣтъ!.. Сумуетъ Кривенко и во время работы и во время отдыха, все думаетъ какую-то грустную думу, съ нею проводитъ день, съ нею и спать ложится, и съ нею-же встаетъ, и опять на работу идетъ все сумный.. Сумя такимъ образомъ на работѣ внутри сахарнаго завода, какъ-то разъ Кривенко засмотрѣлся на вертящіяся машины, и вдругъ завертѣлось у него въ головѣ: ему показалось, что въ заводъ вошелъ цѣлый полкъ ангеловъ, которые окружили его со всѣхъ сторонъ и приветствовали, какъ брата. Затѣмъ всѣ эти ангелы превратились въ рой огромныхъ мухъ, начали летать и гудѣть; далѣе они превратились въ мотыльковъ и стали порхать вокругъ него, а потомъ, о чудо! они сдѣлались черными барашками и стали прыгать на каменный полъ почти съ саженой высоты и, упавая на полъ, превращались опять въ ангеловъ и улетали на небо. Дивится Кривенко на такое чудо и радуется, что сподобился подобнаго видѣнія.. Вдругъ, о счастье! одинъ изъ ангеловъ, только-что превратившійся изъ барашка, кричитъ ему: „Пылыпъ! Пылыпъ! скакай сюда, визьму на небо“!..— „Боюсь, страшно! я убьюсь; бачъ камень, да пегла“!.. (киричь) шепчетъ Кривенко.— „Братъ! А ты развѣ забылъ слова писанія: „На рукахъ понесутъ тебя, да не предкнешься о камень ногою твоею“ (Ис. ХС, 17), говоритъ ангелъ и машетъ рукой. Вдругъ два ангела схватываютъ Кривенка подъ руки и летятъ съ нимъ. .

И Кривенко полетѣлъ на каменный полъ почти съ саженой высоты, едва успѣвъ крикнуть слегка. Его нашли почти бездыханнаго, плавающимъ въ лужѣ крови. Приведя въ чувство посредствомъ холодной воды, его осторожно положили на носилки и повесели въ больницу.

— „Вологодскія епархіальныя вѣдомости“ сообщаютъ, что въ Вятской епархіи недавно былъ такой случай: Во время продолжительнаго бездожлія и страшной засухи прошлымъ лѣтомъ, почти всѣ селенія Ухтымскаго прихода носили по своимъ полямъ иконы и служили молебствія; молитва ихъ не осталась безплодною. По примѣру другихъ и жители селенія Евтинскаго намѣревались также въ началѣ минувшаго іюля принять иконы, для чего 8 іюля они собрали и деньги, сдавъ подъ сѣнокосъ участокъ пустопорожной

принадлежащей обществу земли. Но на послѣднемъ совѣтѣ въ этотъ день голоса молодежи пересилили стариковъ. Большинствомъ порѣшено было лучше пропить эти деньги. Выпили и подъ вліяніемъ вина пошутили, когда въ видѣ росы окропилъ ихъ небольшой дождикъ, въ томъ смыслѣ, что ладно, молъ, и сдѣлами, что выпили, потому что вотъ чего они желали, то и получаютъ безъ всякой молитвы. Но на другой-же день, 9 числа, въ то самое время, когда предположено было принять свв. иконы, они жестоко поплатились за свое неразуміе. При ясномъ небѣ, откуда ни взялось надъ ихъ селеніемъ и полями небольшое бѣлое облако, изъ котораго со страшнымъ вихремъ разразился градъ, выбившій въ селеніи всѣ окна и уничтожившій по полю всю рожь. Что всего поразительнѣе, градъ, вичего не оставившій въ ихъ озимомъ полѣ, обратнымъ вѣтромъ воротился тотчасъ къ нимъ-же и совершенно уничтожилъ у нихъ и все яровое поле, не задѣвъ ни одного сосѣдняго. Такимъ образомъ и безъ того бѣдные при нынѣшнихъ неурожаяхъ жители селенія Евтинскаго положительно остались безъ куска хлѣба и съ раскаяніемъ рассказываютъ всѣмъ о своемъ неразуміи.

— По почину братства св. Димитрія Ростовскаго произведено тщательное счисленіе раскольниковъ въ Ярославской епархіи, и по этому счету ихъ оказалось 9,670 душъ обоого пола. Замѣчательно, что въ общемъ числѣ раскольниковъ главнымъ образомъ преобладаютъ женщины (до 7,000), но притомъ большею частью старыя. По мнѣнію мѣстнаго епархіальнаго органа, еслибы даже предположить, что за этой цифрой открытыхъ раскольниковъ находится столько-же скрытыхъ или тайныхъ, то и при такомъ предположеніи количество отщепенцевъ отъ Церкви будетъ весьма незначительнымъ въ сравненіи съ миліоннымъ населеніемъ всей епархіи.

— Изъ Іерусалима сообщаютъ „Спб. Вѣдомостямъ“, что патріархомъ Никодимомъ созданъ новый орденъ изъ креста, до сихъ поръ служившаго благословеніемъ для особенно потрудившихся на пользу Церкви христіанъ. Этотъ крестъ золотой и носится на груди, внутрь его вкладывается небольшая частица какихъ-либо изъ іерусалимскихъ святынь. При прежнихъ патріархахъ пожалованіе этого креста какому-нибудь паломнику или полезному для Палестины дѣятелю имѣло только видъ благословенія и дара, который долженъ былъ напоминать вѣрующему о святой землѣ. Въ настоящее - же время, вмѣстѣ съ крестомъ выдается и патентъ на него, т. е. крестъ возведенъ патріархомъ Никодимомъ на степень ордена. Всѣ

получающіе такой крестъ носятъ названіе „крестоносцевъ“. Между пожалованными теперь много женщинъ. Первыми „крестоносцами“ изъ русскихъ считаются двѣ дочери Б. П. Мансурова.

— Самый бѣглый взглядъ на епархіальныя вѣдомости убѣдитъ всякаго, что интересъ къ церковно-приходскимъ школамъ не только не остываетъ и въ пастыряхъ и въ пасомыхъ, но возрастаетъ съ такою очевидностью, которая и предубѣжденнаго можетъ убѣдить, что ц.-приходскія школы отвѣчаютъ вполне извѣстной потребности въ русскомъ народѣ.

По мѣстамъ рвеніе духовенства по устройству церковно-приходскихъ школъ доходитъ до какого-то энтузіазма. Такъ, въ Волынской епархіи священнослужители одного благочинническаго округа, собравшись, по приглашенію благочиннаго, для обсужденія вопроса объ открытіи и устояствѣ ц.-пр. школъ, положили, какъ это видно изъ составленнаго ими акта собранія, открыть нещремѣнно, не позже какъ съ 1 января 1886 года, означенныя школы въ каждомъ приходѣ, гдѣ только нѣтъ никакихъ школъ. Въ приходѣхъ-же гдѣ есть приписныя церкви, обязательно открыть школы при каждой церкви; гдѣ нѣтъ псаломщиковъ, могущихъ заниматься обученіемъ, тамъ священнослужители обязываются подыскать лицъ, могущихъ заняться преподаваніемъ; обязываются давать, въ случаѣ нужды, помѣщенія для школъ въ своихъ домахъ; обязываются, кромѣ постояннаго надзора за школами, слѣдить и заниматься съ дѣтьми прихожанъ при всякомъ удобномъ случаѣ; а по отношенію къ взрослымъ — обязываются каждый воскресный и праздничный день время отъ 4—8 часовъ посвящать организаціи, такъ называемой, воскресной школы, бесѣдамъ и чтеніямъ въ нихъ, въ надеждѣ отвлечь крестьянъ отъ кабака, доселѣ единственнаго мѣста ихъ развлеченія и праздничнаго вечерняго отдыха. И дай Богъ имъ выполнить это обязательство! А силы будутъ, пока въ духовенствѣ не исчезнутъ личности, подобныя упоминаемому въ № 41 „Ц. В.“ о. Оивейскому, не остановившемуся даже предъ такимъ, можно сказать, подвигомъ, какъ принятіе на себя крестьянскаго тягла, чтобы только побудить крестьянъ учредить ц.-приходскую школу. Въ Подольской епархіи, какъ видно изъ отчета, помѣщеннаго въ мѣстн. епарх. вѣд., 131 школа обязана своимъ существованіемъ исключительно только членамъ причта. Въ Вятской епархіи тоже, по мѣстамъ, члены причта отъ себя нанимаютъ помѣщеніе для ц.-пр. школы, жертвуютъ на отопленіе, освѣщеніе, учебныя принадлежности. Въ селѣ Скупомъ, Воронежской епархіи, священникъ

Богомоловъ обязался содержать ц.-пр. школу на свой счетъ. Духовенство III округа Аткарскаго уѣзда положило ежегодно жертвовать на ц.-пр. школы 33 р. 50 к. При такихъ примѣрахъ любви и энергіи къ дѣлу духовенства, можно надѣяться, что вопросъ о матеріальной обеспеченности ц.-пр. школъ не будетъ казаться роковымъ настолько, что успѣхъ ихъ какъ будто-бы зависитъ отъ опредѣленнаго только казеннаго жалованья учителямъ, какъ думаетъ авторъ статьи: „Что нужно для успѣха ц.-прих. школъ?“, помѣщенной въ № 21 „Цензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

Можетъ быть, при подобномъ усердіи къ дѣлу ц.-пр. школъ, и нѣкоторымъ лицамъ изъ духовенства Полтавской епархіи не пришлось-бы опасаться неудовольствія крестьянъ, жаловаться на недостатокъ учебниковъ, какъ на причину неуспѣшности школьныхъ занятій, и искать ходатайства предъ присутствіемъ по крестьянскимъ дѣламъ, для побужденія крестьянъ давать средства для ц.-пр. школы. Не нуждаются-же крестьяне Литовской епархіи въ побужденіяхъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, а сами добровольно составляютъ приговоры объ открытіи и поддержкѣ ц.-пр. школъ. Въ одномъ только № 41 „Лит. Епарх. В.“ можно найти такія постановленія отъ семи деревень. Да и въ другихъ епархіяхъ найдется не мало такихъ приговоровъ. Напримѣръ въ Воронежской—прихожане Цапковскаго сельскаго общества приговоромъ положили дать школѣ помѣщеніе, съ отопленіемъ, и для перваго раза 30 р. изъ общественныхъ суммъ на учебныя принадлежности; прихожане слободы Косатой приговорили дать для ц.-пр. школы въ своемъ селѣ отопленіе, сторожа и ежегодно вносить на учебныя пособія 15 р.; прихожане села Новоганькина, Бугурусланскаго уѣзда, Самарской епархіи, устроили для ц.-пр. школы домъ о девяти окнахъ, крытый желѣзомъ, со всѣми учебными принадлежностями; прихожане селенія Номохоновскаго, въ Забайкальской области, назначили общественнымъ приговоромъ изъ общественныхъ суммъ 200 руб. ежегоднаго пособія мѣстной ц.-пр. школѣ. Но самымъ замѣчательнымъ фактомъ въ этомъ родѣ является приговоръ прихожанъ м. Зиньковецы, Подольской епархіи. По словамъ отчета о состояніи ц.-пр. школъ Подольской епархіи, помѣщеннаго въ мѣстныхъ епарх. вѣд. общество мѣстечка Зиньковецы, вслѣдствіе убѣжденія мѣстнаго священника, не смотря на то, что члены этого общества въ большинствѣ католики, постановило открыть ц.-пр. школу и ежегодно, кромѣ отопленія и прислуги, отпускать на нее 150 руб.

— Съ 1-го января будущаго года, какъ извѣстно, будетъ чеканиться

золотая и серебряная полноцѣнная монета новаго образца. На лицевой сторонѣ монеты, какъ слышно, будетъ профильное, вправо обращенное, изображеніе Царствующаго Императора, съ надписью вокругъ: „Б. М. [имя] Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій“. Обратная сторона будетъ представлять государственный гербъ, съ обозначеніемъ внизу достоинства монеты и годъ ея чеканки. На ребрѣ монеты будетъ изображено углубленными буквами содержаніе въ ней чистаго металла. По свѣдѣніямъ „Новостей“, кромѣ измѣненія рисунка на монетахъ будетъ увеличена толщина монетныхъ кружковъ, отчего діаметръ ихъ уменьшится. Въ настоящее время діаметръ полумперіала равенъ 89 точкамъ, рубль — 1 дюйму 39 точкамъ, полтины одному дюйму и 12 точкамъ и четвертака — 95 точкамъ. Въ монетахъ же новаго чекана предполагается уменьшить діаметръ полумперіала до 84 точекъ, рубля — до 1 дюйма 32 точекъ, полтинника до 1-го дюйма 5 точекъ, четвертака до 89 точекъ. Кромѣ вышесказанныхъ монетъ, предполагается возобновить чеканку имперіаловъ, прекратившуюся въ 1805 году. Діаметръ послѣднихъ будетъ равняться 96 точкамъ. Монетной единицею государства останется, какъ и прежде, серебряный рубль, содержащій въ себѣ 4 золотника, 21 долю чистаго серебра; имперіаль же будетъ содержать 69,36 долей. Затѣмъ, предполагается измѣнить самую пробу золотыхъ и серебряныхъ полноцѣнныхъ монетъ. Въмѣсто существующей нынѣ пробы $8\frac{8}{16}$ для золота и $83\frac{1}{3}$ — 96 для серебра, новая проба будетъ выражаться въ десятичныхъ доляхъ, а именно: какъ для полноцѣннаго серебра, такъ и для золота будетъ одна проба 9,000, подобно тому, какъ это принято въ государствахъ, входящихъ въ составъ латинскаго монетнаго союза. Всѣми этими нововведеніями будетъ достигнуто уничтоженіе ляжа на золотыя монеты *) и дастся возможность нашимъ полумперіаламъ, совершенно равнымъ 20 франковымъ монетамъ, обращаться въ видѣ монеты на заграничныхъ рынкахъ, а не перенавляться при вывозѣ за границу, какъ это дѣлается теперь.

— Съ наступленіемъ новаго года предполагается измѣнить существующія положенія объ иностранцахъ, для чего предпринять уже пересмотръ соответствующихъ статей законовъ о приобрѣтеніи иностранными подданными недвижимой собственности въ городахъ и земельныхъ угодій внѣ городовъ. По слухамъ, проектируется без-

*) Въ настоящее время, какъ всякому извѣстно, 5 рублей золотомъ (полумперіаль) равняется не пяти серебрянымъ рублямъ, а пяти рублямъ пятнадцати копѣйкамъ.

условно воспретить иностранцамъ, хотя бы и принявшимъ русское подданство, приобретать земли и угодья въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ иностранными государствами, измѣнивъ и 1030 статью закона объ иностранцахъ, въ силу которой иностранцы, принявшіе русское подданство, пользуются всѣми правами наравнѣ съ природными русскими подданными, въ томъ смыслѣ, чтобы права по этой статьѣ были распространяемы лишь на тѣхъ иностранныхъ выходцевъ, которые, по принятіи русскаго подданства, проживуть въ Россіи не менѣе 10 лѣтъ. Что-же касается мѣстностей и окраинъ, находящихся на особомъ положеніи, то проектируется установить общимъ правиломъ, что льготы, даруемыя поселенцамъ въ малонаселенныхъ мѣстахъ и окраинахъ, распространяются лишь на природныхъ русскихъ и на тѣхъ изъ иностранцевъ, которые болѣе 10 лѣтъ состоятъ уже въ русскомъ подданствѣ. При водвореніи переселенцевъ изъ бывшихъ иностранныхъ подданныхъ на земляхъ, находящихся на особомъ положеніи, предполагается не дозволять имъ образованія отдѣльныхъ обществъ. Въ предупрежденіе обособленности этихъ послѣднихъ и для сліянія ихъ съ русскимъ населеніемъ, мѣстнымъ властямъ вмѣнено будетъ въ обязанность наблюдать затѣмъ, чтобы въ колонизируемыхъ мѣстностяхъ всѣ вообще переселенцы образовали общія волости. Положенія эти будутъ внесены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта въ законодательномъ порядкѣ, причемъ будетъ представлено и особое положеніе относительно приѣма иностранныхъ выходцевъ на государственную службу, какъ въ рядахъ арміи, такъ и по гражданскимъ вѣдомствамъ.

— Самое обеспеченное духовенство въ Англіи. Церковныя имущества тамъ приносятъ ежегоднаго дохода до 60 милліоновъ рублей, что въ частности даетъ слѣдующія цифры доходовъ отдѣльныхъ лицъ англиканской іерархіи: архіепископъ Кэнтерберійскій имѣетъ до полутора ста тысячъ рублей, архіепископъ Йоркскій до ста тысячъ руб., епископы отъ двадцати до ста тысячъ руб., настоятели каѳедральныхъ соборовъ (деканъ) отъ 6,000 до 30,000 руб.; и доходы сельскаго духовенства считаются тысячами рублей, дохода иногда до десяти и болѣе тысячъ рублей по нашему курсу.

СЕЛЬСКИЙ ВѢСТНИКЪ

еженедѣльная народная газета,

издаваемая при „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

Программа: Извѣстія о Государѣ Императорѣ и Членахъ Его Августѣйшаго Семейства.

Законы и распоряженія высшаго Правительства, какъ относящіеся до крестьянскаго быта, такъ и всѣ тѣ, знаніе коихъ можетъ быть полезно для сельскаго населенія.

Разныя извѣстія о внутреннихъ дѣлахъ въ Россійской Имперіи, какъ-то: объ урожаяхъ, о торговыхъ цѣнахъ на хлѣбъ и другіе необходимѣйшіе предметы; о заведеніяхъ, открываемыхъ для народной пользы; о мастерствахъ и ремеслахъ; объ изобрѣтеніяхъ и улучшеніяхъ по сельскому хозяйству и народной промышленности; о повальныхъ болѣзняхъ, пожарахъ и другихъ несчастіяхъ. Наставленія и указанія относительно сохраненія здравія: о предосторожностяхъ отъ пожаровъ, скотскихъ надежей и другихъ бѣдствій; объ устройствѣ заведеній, полезныхъ въ сельскомъ быту, и т. под.—Сообщенія изъ волостей.—Отвѣты редакціи съ разъясненіемъ на вопросы подписчиковъ по дѣламъ сельскаго быта.

Объявленія (съ платой со строкъ мелкой печати 15 к.).

„Сельскій Вѣстникъ“ разсылается бесплатно во всѣ волостныя правленія

Для ПОСТОРОННИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ подписная цѣна на 1886-й годъ:

Для городскихъ въ Петербургѣ 1 рубль и за доставку на домъ 1 рубль.

Для иногороднихъ 1 рубль и за пересылку по почтѣ 60 к. А лица, желающія получать „Сельскій Вѣстникъ“ чрезъ волостныя правленія, платятъ за весь годъ съ почтовою пересылкою 1 рубль. Такииъ подписчикамъ газета будетъ высылаться изъ редакціи на ихъ имя прямо въ волостныя правленія.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Правительственнаго Вѣстника“ въ С.-Петербургѣ.

ОТЪ МОСКОВСКАГО МАГАЗИНА ЦЕРКОВНЫХЪ ВЕЩЕЙ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА ФИЛИМОНОВА

въ Харьковѣ.

Уголъ противъ Собора, рядомъ съ магазиномъ Алшатовой.

Въ магазинѣ всегда вмѣстѣ громадный выборъ готовыхъ священническихъ и діаконскихъ облаченій парчевыхъ и вышитыхъ по бархату, атласу и муарь-газету, а также имѣются: воздухи, плащаницы и хоругви, паникадила, подсвѣшники, семисвѣшники, пятисвѣшники, тройники, вѣнцы, кресты, сосуды съ приборами, блюда сборныя, антидорныя, всеищныя, панихищныя, лампады, кадила, бронза, крестовыя, дароносицы, чаши водосвятительныя, ковчегъ и пр. изъ мельхиора и пакладнаго серебра; имѣются также парча золотая и серебряная, настоящая и аплика, всевозможныя отдѣлки для ризъ и прочія вещи. По желанію настоятелей церквей, церковныхъ старостъ и прихожанъ совмѣстно, дѣлается расчѣтка въ полученіи денегъ. Подробице прейсъ-курранты высылаются немедленно и бесплатно.

Павелъ Филимоновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

на 1886 годъ.

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года пздается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Православной Восточной и Русской жизни. 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ Русской церковной исторіи. 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ. 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли. 5) Статьи публицическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни. 6) Очерки, рассказы, описанія, знакомяція съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ. 7) Бытовые очерки, рассказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни. 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокъ и Западъ, особенно у славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библіографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжная лѣтопись: ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи; объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная плата: съ пересылкою въ Россію и доставкою въ С.-Петербургъ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**, съ пересылкою за границу **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ**. Адресоваться: въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургъ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: А. Васильновъ.—А. Пономаревъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ КНИГА:

„Чего надо желать для нашей Церкви“. По поводу отзывовъ на книгу „Бѣлое духовенство и его интересы“. Составлено подъ редакціей *Н. В. Елагина*. Выпускъ II. С.-Петербургъ. 1885 года. Цѣна изданія 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к. Складъ изданія: Въ *Петербургѣ*: въ книжномъ магазинѣ Тузова—на Большой Садовой, противъ гостиннаго двора. Въ *Москвѣ*: въ магазинѣ Феранцтова, на Николаевской улицѣ.

Здѣсь-же продаются книги: «Бѣлое духовенство и его интересы», цѣна 1 руб. за пересылку 15 коп.; «Чего надо желать для нашей Церкви». Выпускъ I. Цѣна 1 р. 50 к., за пересылку 20 к. За всѣ три книги, съ пересылкою 5 руб.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

ПРИ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

(ТОМЪ III).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Окружнаго Штаба, Немецкая ул., д. № 26
1885.

УКАЗАТЕЛЬ

статей, содержащихся въ „Листкѣ для Харьковской епархіи“ при богословско-философскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1885 годъ.

А. Определенія Святѣйшаго Синода:

О книгѣ Платонова: „Отвѣтъ автора „Анти-Энциклики“ на послѣдовавшее противъ нея со стороны католичества возраженіе“ (стр. 1).— Обь измѣненіи маршрута для крестнаго хода съ чудотворною иконою Божіей Матери изъ села Каплуновки въ г. Богодуховъ и обратно (стр. 1).— О книгѣ: „Къ животворящему Гробу Господню“ (стр. 37).—О назначеніи ежегодныхъ панихидъ по въ Бозѣ почивающей Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ на 19 октября (стр. 69).—О воспрещеніи книги: „Сонъ Пресвятой Богородицы въ градѣ Внеліемѣ“ (стр. 115).—Обь исправляющихъ должности ректоровъ и инспекторовъ духовныхъ семинарій (стр. 115).— Обь отпускѣ лѣса изъ казенныхъ дачъ на постройку зданій для церковно-приходскихъ школъ (стр. 116).—О празднованіи тысячелѣтія кончины просвѣтителя славянъ св. Меодія (стр. 145).—Обь отмѣнѣ ношенія свѣтскихъ знаковъ отличія духовными лицами при совершеніи Богослуженія (стр. 146).—О закрытіи присутствія по дѣламъ православнаго духовенства и измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій касательно устройства церковныхъ приходовъ и состава причтовъ (стр. 146).—Обь учрежденіи при Св. Синодѣ особаго Совѣта для завѣдыванія церковно-приходскими школами (стр. 149).—По поводу ходатайства Московскаго губернскаго земскаго собранія обь измѣненіяхъ въ устройствѣ городскихъ и сельскихъ приходовъ (стр. 173).—О воспрещеніи нехристіанамъ изготовлять предметы чествованія христіанъ и торговать таковыми (стр. 181).—О примѣненіи п. 4 ст. 45 уст. о герб. сборѣ къ прошеніямъ лицъ духовнаго званія (стр. 182).—О награжденіи лицъ духовнаго званія за заслуги по духовному вѣдомству (стр. 183).— О выдачѣ свидѣтельствъ на расторженіе бра-

ковъ женамъ нижнихъ чиновъ (стр. 201).—О выпискѣ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ (стр. 202), съ журналомъ учебнаго при Св. Синодѣ комитета (стр. 515).—О воспрещеніи священно-служителямъ принимать званіе членовъ правленій и совѣтовъ сельскихъ ссудосберегательныхъ товариществъ (стр. 203).—Объ испытаніяхъ студентовъ духовныхъ семинарій, ищущихъ учительскихъ мѣстъ въ духовныхъ училищахъ (стр. 203).—О воспитанникахъ духовныхъ семинарій и училищъ изъ дѣтей армейскаго и гвардейскаго духовенства (стр. 205).—О способѣ избранія духовника семинаріи и нормальномъ возрастѣ, экзаменахъ и баллахъ для воспитанниковъ семинарій (стр. 206).—О порядкѣ назначенія учителей приготовительныхъ классовъ въ духовныя училища и вообще объ устройствѣ и постановкѣ сихъ классовъ (стр. 208).—О примѣненіи 1 п. 945 ст. уст. угол. судопр. къ дѣламъ о женахъ и вдовахъ священнослужителей (стр. 227).—Объ освобожденіи духовенства отъ провѣрки по метрическимъ книгамъ крестьянскихъ посемейныхъ списковъ, по требованіямъ волостныхъ правленій, съ циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ (стр. 228).—О принятіи Свято-Михайло-Алеонской Закубанской пустыни подъ покровительство Великаго Князя Михаила Николаевича (стр. 229).—О дополнительныхъ къ уставу Православнаго Палестинскаго общества статьяхъ, съ копіей оныхъ статей (стр. 230).—Объ учрежденіи женской общины съ больницею, школою и богадѣльнею, при Богородице-Рождественской церкви села Козельщины, Кобелякскаго уѣзда (стр. 251).—О порядкѣ замѣщенія должностей законоучителей въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія (стр. 313).—По вопросу о томъ, могутъ-ли быть избираемы священно-церковно-служители членами воинскихъ прикутствій (стр. 341).—О взносахъ съ діаконовъ, не получающихъ казеннаго содержанія (стр. 373).—О требуемыхъ ст. 63 уст. о воин. пов. удостовѣреніяхъ для учителей церковно-приходскихъ школъ (стр. 393).—По нѣкоторымъ вопросамъ, въ виду предстоящаго введенія въ полное дѣйствіе Высочайше утвержденного 22 августа 1884 года устава духовныхъ семинарій (стр. 411).—О введеніи въ дѣйствіе новыхъ уставовъ духовныхъ семинарій и училищъ по учебной части (стр. 439).—О вызовѣ лицъ для замѣщенія священническихъ вакансій въ Иркутской епархіи (стр. 469).—Объ устраненіи неудобствъ, происходящихъ отъ произнесенія въ недѣлю о слѣнномъ поученіи вѣлѣдъ за чтеніемъ Св. Евангелія и производства затѣмъ денежнаго въ храмахъ сбора пожертвованій въ пользу Маріинскаго попечительства для приязненія слѣнныхъ (стр. 470).—О доставленіи изъ всѣхъ епархій свѣдѣній о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности (стр. 491).—О продолженіи сбора пожертвованій въ пользу духовнаго училища на островѣ Халки (стр. 549).—О сообщеніи духовными консисто-

ріями воинскимъ начальникамъ свѣдѣній о случаяхъ посвященія въ священный санъ и принятія на мѣста псаломщиковъ лицъ изъ запаса арміи (стр. 549-же).—О точномъ исполненіи распубликованныхъ въ № 51 „Церковнаго Вѣстника“ за 1883 годъ мѣръ противъ незаконныхъ сборщиковъ (стр. 551).—О доставленія духовными консисторіями въ уѣздныя воинскія присутствія свѣдѣній о лицахъ, поступающихъ на должности псаломщиковъ и рукополагаемыхъ въ священный санъ (стр. 552).

Б. Распоряженія Епархіального Начальства:

Предписаніе настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, настоятелю Харьковскаго кафедральнаго собора и благочиннымъ Харьковской епархіи относительно прочтенія въ подвѣдомыхъ имъ церквахъ „воззванія къ жертвователямъ“ на возстановленіе разрушеннаго Свято-Духовскаго храма въ г. Якобштадтѣ, Курляндской губерніи (стр. 210).—Подтвержденіе духовенству Харьковской епархіи прежняго распоряженія объ устраниніи беспорядковъ и пререканій между крестьянами и духовенствомъ, происходящихъ при погребеніи усопшихъ (стр. 399).—Подтвержденіе о точномъ исполненіи при совершеніи браковъ лицъ православныхъ съ лицами другихъ христіанскихъ исповѣданій 67-й ст. зак. гражд. свода 1857 г. т. X ч. I (стр. 494).

В. Епархіальныя извѣщенія:

— О назначеніяхъ, опредѣленіяхъ на должности, увольненіяхъ отъ должности, посвященіяхъ, награжденіяхъ, о вакантныхъ мѣстахъ и пр. (стр. 8, 44, 70, 89, 118, 151, 184, 209, 232, 253, 289, 319, 348, 375, 402, 419, 445, 471, 498, 518, 538, 558 и 574 и 594).

Г. Смѣсь.

— О состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁸³/₈₄ учебный годъ (окончаніе) (стр. 2—8 и 38—43).

— Списокъ лицъ, копій, на основаніи § 10 Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, представлено, съ утвержденія Его Пресвященства, право преподаванія протаго (унионнаго) церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ, съ обозначеніемъ времени выдачи свидѣтельствъ на сіе право (стр. 9, 90, 291).

— Вѣдомость о количествѣ свѣчей, отпущенныхъ церквамъ изъ склада комиссіонера-священника Алексѣя Лобковскаго, Старобѣльскаго уѣзда 5-го округа, за 1884 годъ (стр. 10).

— Отъ Правленія Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода (стр. 71 и 538).

— Списокъ пожертвованій на пострадавшую отъ пожара церковь при Харьковской духовной семинаріи (стр. 11, 71, 119, 236).

— Списокъ лицъ Харьковской епархіи, коимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству преподано благословеніе Св. Синода, съ выдачею установленныхъ грамотъ и безъ оныхъ (стр. 38, 444, 445 и 590).

— Вѣдомость о количествѣ свѣчей, забранныхъ *монастырями* Харьковской епархіи въ Харьковскомъ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ, за 1884 годъ (стр. 45).

— Свѣдѣніе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго X епархіальнымъ съѣздомъ, за вторую половину 1884 года (стр. 72).

— Годовыя вѣдомости о продажѣ свѣчей въ церкви 2 округа Юпанскаго уѣзда, составленныя комиссіонеромъ-священникомъ Василюмъ Ерофаловымъ, за № 1884 и 1883 годы (стр. 73).

— Вѣдомость о количествѣ купленныхъ свѣчей въ епархіальномъ заводѣ для церквей 1 Волчанскаго округа въ 1884 году (стр. 74).

— Вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода на 1 января 1885 года (стр. 90).

— Письмо академика М. О. Миѣшина къ Преосвященнѣйшему Амвросію, Епископу Харьковскому и Ахтырскому, отъ 23 февраля 1885 года (стр. 117).

— Отъ Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго общества (стр. 120, 152, 256, 314, 342, 374, 401, 448, 572).

— Вѣдомость о количествѣ свѣчей, отпущенныхъ изъ Вѣлопольскаго склада епархіальнаго завода, съ 1 января 1884 года по 1 января 1885 года, находящагося въ завѣдываніи комиссіонера, священника Александра Луценкова (стр. 128).

— Посланіе Св. Правительствующаго Синода къ чадамъ Православной Россійской Церкви (стр. 171).

— Списокъ лицъ, кои Всемилостивѣйше удостоены, въ 24 день марта 1885 года, наградъ Высочайше же жалуемыхъ (стр. 209).

— Отношеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода къ Преосвященнѣйшему Амвросію Епископу Харьковскому, отъ 18 апрѣля за № 1833, (стр. 252).

— Списокъ воспитанницъ I, II и III классовъ Харьковскаго епархі-

ального женскаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1884/85 учебный годъ (стр. 254).

— Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища за 1884/85 учебный годъ (стр. 281).

— Списокъ воспитанницъ VI класса Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, окончившихъ курсъ съ правами на званіе домашнихъ учительницъ и награжденныхъ книгами (стр. 285).

— Списокъ учениковъ Харьковскаго духовнаго училища (стр. 286).

— Отъ Правленія Харьковской духовной семинаріи (стр. 292, 324, 380, 517, 560).

— Отъ Совѣта Харьковскаго женскаго епархіальнаго училища (стр. 292, 324, 448, 473, 517 и 557).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской духовной семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1884/85 учебный годъ (стр. 315).

— Списокъ лицъ, утвержденныхъ Харьковскимъ епархіальнымъ начальствомъ въ должности наблюдателей за правильнымъ ходомъ учебныхъ занятій въ церковно-приходскихъ школахъ епархіи (стр. 323).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Ахтырскаго духовнаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній, бывшихъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1884/85 учебного года (стр. 343).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Кулянскаго духовнаго училища, составленный послѣ годичныхъ экзаменовъ за 1884/5 учебный годъ (стр. 346).

— Рапортъ экзаменаціонной по церковному пѣнію комиссіи (стр. 351).

— Отзывъ о катихизическихъ поученіяхъ священника Сумской Пророко-Ильинской церкви, Андрея Ставровскаго (стр. 353).

— Свѣдѣніе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго X епархіальнымъ съѣздомъ (стр. 375).

— Вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода на 1 іюля 1885 года (стр. 377).

— Отчетъ о кружечномъ въ пользу слѣпыхъ сборѣ по Харьковской губерніи за 1885 годъ (стр. 395).

— Протоколъ засѣданія губернскаго комитета общественнаго здравія, по вопросу о мѣрахъ противъ угрожающей холеры, препровожденный начальникомъ губерніи при отношеніи на имя Его Преосвященства (стр. 400).

— Журналы съѣзда духовенства Кулянскаго училищнаго округа бывшаго 11—12 іюня 1885 г. (стр. 414).

— Циркулярное отношеніе г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода о доставленіи свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ, принадлежащихъ церквамъ и учрежденіямъ духовнаго вѣдомства (стр. 440).

— Журналь сѣзда духовенства Ахтырскаго училищнаго округа отъ 3—4 сентября 1885 года (стр. 494).

— Отъ Совѣта Пятигорскаго общества помощи недостаточнымъ большимъ (стр. 501).

— О кружечномъ сборѣ въ пользу слѣпыхъ, поступившемъ въ теченіи недѣли о слѣпомъ 1885 года въ кружки по 5-му округу благочинія Старобѣльскаго уѣзда (стр. 516).

— Православнаго Палестинскаго общества воззваніе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ (стр. 533).

— Сѣздъ духовенства 2-го благочинническаго округа Старобѣльскаго уѣзда (стр. 536).

— Отчетъ о дѣятельности Комитета для сбора пожертвованій бѣднымъ церквамъ и приходамъ Харьковской епархіи съ 18 октября 1885 года (стр. 553).

— Росписаніе очереднаго проповѣданія Слова Божія протоіереями и священниками города Харькова и подгороднихъ селеній въ кафедральномъ соборѣ въ воскресные и праздничные дни и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіи 1886 года (стр. 570).

— Указъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Пресвященному Амвросію, Епископу Харьковскому и Ахтырскому, отъ 1 ноября 1885 года (стр. 587).

— Отношеніе г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, отъ 22 ноября 1885 года за № 13467, на имя Пресвященнаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго (стр. 589).

— Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 18⁸⁴/85 учебный годъ (стр. 590).

— Списокъ лицъ, коимъ предоставлено право преподаванія церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ (стр. 594).

Д. Извѣстія и замѣтки:

(Изъ мѣстной хроники и извлеченія изъ другихъ періодическихъ органовъ печати)

Одобреніе Св. Синодомъ „Отвѣта въ защиту Анти-Энциклики“. — Прошлое церковно-приходской школы на Западѣ. — Отношеніе высшаго церковнаго правительства къ нуждамъ церковно-приходской школы. — Современныя релігіозныя потребности. — Статистическія свѣдѣнія о начальныхъ училищахъ. — Число шундистовъ въ южныхъ губерніяхъ. — Отношеніе православныхъ къ шундистамъ. — По поводу тысячелѣтняго чествованія памяти св. Меодія. — Русскія церкви за границей. — Новый попечитель Харьков-

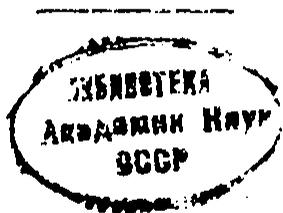
скаго учебнаго округа.—Новый городской голова въ Харьковѣ.—Предпри-
нимаемая въ Харьковѣ противъ появленія холеры мѣры.—Новый способъ
истребленія жука-кузки.—Вниманію сельскихъ хозяевъ.—Возваніе Право-
славнаго Палестинскаго Общества.—Некрологъ.—Уставъ Общества для
распространенія Св. Писанія въ Россіи.—Тиражъ билетовъ 1-го государ-
ственнаго съ выигрышами займа (стр. 12—36).—Недостатокъ книгъ для
церковныхъ и училищныхъ библиотекъ въ Якутской епархіи.—По поводу
имѣющаго быть празднованія 1000 лѣтней годовщины кончины св. Ме-
еодія.—Пожертвованія въ пользу классовъ потнаго пѣнія, учрежденныхъ
при Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ.—Заботы правительства о церковно-
приходскихъ школахъ.—Отношеніе къ этимъ школамъ народа.—Отноше-
ніе свѣтскаго общества къ женскимъ епархіальнымъ училищамъ.—Жен-
ское профессиональное образованіе.—Дѣтскія книжки.—Примѣръ, досто-
пный подражанія.—О нравственномъ прогрессѣ.—Отчеты Православнаго
Палестинскаго и православнаго миссіонерскаго Общества.—Пожаръ право-
славнаго храма въ Якобштадтѣ.—Успѣхи православія въ Прибалтійскомъ
краѣ.—Продѣлки ксендзовъ.—Польскія прокламаціи.—Балканскіе славя-
не.—Годишный актъ въ Харьковскомъ университетѣ.—Ремесленное учили-
ще въ Харьковѣ.—Мірскіе дѣтскіе пріюты.—О способѣ отдачи въ аренд-
ное содержаніе казенныхъ оброчныхъ статей.—Причины малоуспѣшности
крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства.—Общественная запашка.—Госу-
дарственная роспись доходовъ и расходовъ на 1885 годъ.—Некрологъ (стр.
46—67).—Измѣненія въ учрежденіи объ Императорской Фамиліи.—Га-
зетные толки по поводу церковно-приходскихъ школъ.—Отношеніе нѣко-
торыхъ земствъ къ церковно-приходскимъ школамъ.—О чтеніи для наро-
да.—Движеніе въ православіе въ Прибалтійскомъ краѣ.—По поводу пред-
стоящаго празднованія въ честь св. Меѳодія.—Новые монастыри.—Высо-
кіе примѣры самоотверженія.—Сила слова Божія.—Съѣздъ представите-
лей штундизма.—Значеніе благодѣльнаго и благоговѣнно совершаемаго бо-
гослуженія для борьбы съ штундою.—Эксплуататоры религіознаго чув-
ства.—Некрологъ (стр. 75—87).—По поводу предстоящаго празднованія
тысячелѣтія кончины св. Меѳодія.—Вызовъ въ Петербургъ Виленскаго
римско-католическаго епископа и ссылка его въ Ярославль.—Лютеранскій
фанатизмъ.—Стремленіе латышей и эстовъ къ обращенію въ православіе.—
Объемъ дѣятельности центрального управленія при Св. Синодѣ по дѣламъ
церковно-приходскихъ школъ.—Отношеніе крестьянъ къ церковно-приход-
ской школѣ.—Открытіе церковно-приходской школы въ с. Ворожбѣ.—
Распространенность „Троицкихъ Листковъ“, какъ назидательнаго чтенія.—
Забота Астраханскаго архипастыря объ организаціи и развитіи народныхъ
чтеній.—Дешевое изданіе русскихъ писателей.—Живое церковное слово.—

Состояніе Харьковскихъ городскихъ начальныхъ училищъ.—Харьковский технологическій институтъ.—Возстановленіе приходовъ.—Слѣдствіе небрежнаго отношенія къ охраненію причтовыхъ капиталовъ.—По поводу правъ духовенства на поземельную собственность.—Евреи и ихъ отношеніе къ церковнымъ землямъ.—Открытіе отдѣленія крестьянскаго банка въ Харьковѣ.—Волостной судъ.—Некрологи (стр. 92—113).— По поводу предстоящаго празднованія 1000-лѣтія со дня кончины св. Меодія, епископа Моравскаго.—Годичное собраніе общества любителей церковнаго пѣнія.—Старинное церковное пѣніе.—Попытки паны къ возвращенію свѣтской власти.—Изданіе славяно-русской подвижной азбуки, съ молитвой Господней и краткими молитвословіями, для церковно-приходскихъ школъ.—Одна изъ главныхъ причинъ упадка религіозности и нравственности въ нашемъ обществѣ — Некрологи.—38 тиражъ 2 внутренняго съ выигрышами займа, произведеннаго 1 марта 1885 года (стр. 129—144).—Открытіе новой епархіи.—Постриженіе въ монашество.—Успѣхи православія на о. Дагенѣ.—Положеніе православныхъ въ Эстляндской губерніи.—Высочайшее пожертвованіе на сооруженіе православнаго храма въ Якобштадтѣ на мѣстѣ сторѣвшаго.—Послѣднее пребываніе Высочайшихъ Особъ въ С.-Петербургѣ.—Объ иконахъ, приписываемыхъ обыкновенно св. евангелисту Лукѣ.—Поддѣлка раскольничьихъ книгъ.—Бѣглый раскольничій священникъ.—Новое лжеученіе.—Некрологъ.—Объявленія (стр. 159—170).—Празднованіе въ Харьковѣ тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Меодія, архіепископа Моравскаго, просвѣтителя славянъ.—О празднованіи тысячелѣтія славянскихъ просвѣтителей Меодія и Кирилла въ г. Ахтыркѣ.—Празднованіе памяти св. Меодія въ С.-Петербургѣ.—Переводъ „Анти-Энциклики“ на французскій языкъ (стр. 186—200).—Значеніе праздника свв. просвѣтителей славянъ Меодія и Кирилла.—Настоятельная нужда просвѣщенія народа въ духѣ православной Церкви.—Изъ прошлаго Свято-Духовскаго монастыря и храма въ г. Якобштадтѣ.—Некрологъ (стр. 213—226).—Перенесеніе чудотворной иконы Озерянской Божіей Матери изъ Харькова въ Куряжскій монастырь и иоученіе, сказанное въ этотъ день.—Поднесеніе прихожанами наперснаго креста своему пастырю.—Празднованіе въ Харьковѣ столѣтія со дня дарованія дворянству и городамъ грамотъ на права и привилегіи.—Извѣщеніе о печатаніи французскаго перевода „Анти-Энциклики“.—Некрологъ (стр. 237—249).—Отъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ объ изданіи „Памятниковъ русской старины“.—О закрытіи особаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства и о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ постановленій, касающихся устройства церковныхъ приходовъ и состава причтовъ.—Плоды дѣятельности церковно-приходскихъ школъ.—Церковь и сельскія власти.—Мѣры противъ усупленія и распро-

страненія пьянства.—Объ отношеніи римско-католическихъ епископовъ къ православно-русскому дѣлу.—Примѣръ совращенія воссоединившихся греко-уніатовъ въ римскій католицизмъ.—Пчеловодство, какъ подспорье въ быту духовенства и крестьянъ (стр. 263—279).—Освященіе закладки храма православной миссіи въ Токио, Японіи (корреспонд. „Вѣры и Разума).—Постриженіе въ монашество.—Содѣйствіе развитію и укрѣпленію системы церковно-приходскихъ школъ.—Взглядъ свѣтской печати на дѣло просвѣщенія христіанскихъ язычниковъ.—Движеніе въ православіе на островѣ Даго.—По поводу польско-католической пропаганды.—Вопросъ объ освобожденіи рабочихъ отъ занятій въ праздничные дни.—Премія общества любителей церковнаго пѣнія.—Одна изъ притягательныхъ силъ раскола.—Пожаръ въ Гродно.—Переселенческое движеніе въ Ахтырскомъ уѣздѣ.—Вліяніе пьянства на заболѣваніе холерой.—Общественная приходская благотворительность.—Дѣйствія крестьянскаго банка.—Открытіе Сибирскаго университета.—Некрологъ (293—311).—Годичное общее собраніе Харьковскаго отдѣленія Миссіонерскаго общества.—Мнѣніе свѣтской печати о церковно-приходской школѣ.—Годичное собраніе членовъ Православнаго Палестинскаго общества.—По поводу возобновляемаго храма въ Якобштадтѣ.—О. Наумовичъ.—Новое палское посланіе.—Сборъ съ доходовъ съ денежныхъ капиталовъ.—Правила и форма для студентовъ университета (стр. 325—340).—Закладка часовни въ Харьковѣ въ память въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра II.—Несостоявшееся пилигримство въ Велеградъ.—Оближеніе славянъ.—Фанатизмъ враговъ славянства.—Харьковскій технологическій институтъ.—Двѣ церковно-приходскія школы Харьковской епархіи.—Результаты учебнаго года въ С.-Петербургской и Московской духовныхъ академіяхъ.—Успѣхи православной миссіи.—Предстоящіе съѣзды архипастырей въ Казани и Иркутскѣ.—25-лѣтній юбилей митрополита Исидора.—О. Наумовичъ.—Пожертвованія.—Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ.—Православное Пресвятой Богородицы братство Грузинскаго экзархата.—Внѣ-классныя чтенія о римскомъ католичествѣ.—Забота духовенства о народномъ просвѣщеніи.—Тиражъ 1-го внутренняго займа, произведенный 1 іюня въ С.-Петербургѣ (стр. 357—372).—Къ характеристикѣ современнаго состоянія православной Боснійско-Герцеговинской церкви.—Положеніе славянъ въ Венгріи.—Преслѣдованіе старо-русской партіи въ Галиціи.—Католическая пропаганда въ Болгаріи.—Предстоящій юбилей.—Движеніе въ православіе на островѣ Дагденъ.—Возбужденіе Китайцами Гольдовъ противъ миссіонеровъ.—Изъ учебнаго міра.—О соборѣ архипастырей въ Казани.—Послѣдніе пожары въ Россіи.—Некрологъ (стр. 380—391).—По поводу бывшаго въ Казани съѣзда архипастырей.—Заботы

духовенства о просвѣщеніи.—Объ отношеніяхъ приходскихъ попечительствъ и братствъ къ церковно-приходскимъ школамъ.—Пожертвованіе на построеніе храма въ Якобштадтѣ.—Новые кредитные знаки.—Уставъ вновь открытой близъ г. Твери школы пчеловодства (404—410).—Посвѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами Императора Австрійскаго и мнѣнія печати по поводу этого свиданія.—Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Кіевѣ.—О духовныхъ завѣщаніяхъ въ пользу духовныхъ учреждений.—О состояніи православія въ иноподданныхъ приходяхъ Сибирскихъ епархій.—Новый православный храмъ въ св. землѣ.—Новый странно-пріимный домъ въ Одессѣ.—Дѣятельность братства Св. Димитрія въ Ярославлѣ.—Продажа русскихъ иконъ и картинъ въ Черногоріи.—Новыя правила о торговлѣ крѣпкими напитками.—Къ предстоящей безкормицѣ (стр. 421—438).—Слово въ день Успенія Божіей Матери, произнесенное въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ протоіереемъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ Андреемъ Дюковымъ.—Юбилей Высокопреосвященнѣйшаго С.-Петербургскаго митрополита Исидора.—Высочайшій рескриптъ Высокопреосвященнѣйшему Исидору въ 21 день августа.—Крестъ для предношенія при священнослуженіи Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора.—Секта „Андреевскій толкъ“ и сужденія о причинахъ ея возникновенія.—Устройство братствъ для распространенія и утвержденія въ народѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія.—Примѣръ благотворной дѣятельности сельскаго священника.—Присоединеніе къ православію.—Собесѣдованіе съ паломниками въ Кіевѣ.—Проектъ зданія въ память славянскихъ Первоучителей.—Приговоры противъ сквернословія.—Тиражъ 2-го внутренняго займа, произведенный 2-го сентября въ С.-Петербургѣ (стр. 450—467).—О клеветѣ и лжи (слово въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня).—Открытіе Харьковскаго технологическаго института.—Освященіе часовни въ память почившаго въ Возѣ Императора Александра II.—Освященіе церкви въ слободѣ Лушкаряной, Ахтырскаго уѣзда.—Предполагавшійся въ Москвѣ новый соборъ Ѳедосѣевцевъ.—Народно-просвѣтительная дѣятельность братствъ.—О церковно-приходскихъ школахъ.—Кинешемскіе подпольники.—Закладка каменнаго храма въ Якобштадтѣ.—Объ улучшеніи матеріальнаго положенія сельскихъ учителей.—Некрологи (стр. 475—490).—Новыя испытанія для православной Церкви на славянскомъ югѣ.—Постановленія съѣзда преосвященныхъ юго-западнаго края.—Впечатлѣніе, произведенное съѣздомъ преосвященныхъ въ Казани.—Ходатайство Святѣйшаго Синода о кредитѣ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній.—По поводу епархіальныхъ съѣздовъ духовенства.—О церковно-приходскихъ школахъ (стр. 502—513).—Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ.—Къ вопросу о пре-

кращеніи работъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.—Штрафы за пьянство.—Забота о поднятїи церковнаго пѣнія при богослуженїи.—Къ вопросу о причинахъ возникновенїя штунды на югѣ Россїи.—О діаконахъ, какъ учителяхъ церковно-приходскихъ школъ.—Присужденіе Уваровскихъ наградъ.—Злоупотребленія по сбору пожертвованій на Афонскіе монастыри.—Православїе въ Японїи (стр. 520—531).—Къ вопросу объ устройствѣ православныхъ храмовъ въ акустическомъ и гигиеническомъ отношенїяхъ.—Новые источники епархіальныхъ доходовъ.—Мѣры для ослабленїя сектантства вообще и штундизма въ особенности.—Дѣятельность бывшаго сѣзда епископовъ въ Сибїри.—Командировка профессора Машанскаго на Востокъ.—Открытіе противораскольническаго братства въ Томскѣ.—Борьба съ овражками.—О поддержанїи и развитїи въ народѣ прїобрѣтенныхъ имъ въ школъ познаній.—О государственныхъ расходахъ и доходахъ.—Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенїя на 1886 годъ.—Некрологъ (стр. 540—547).—Къ вопросу о воспитанїи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ.—Лѣтніе курсы церковнаго пѣнія.—По поводу всеобщаго пѣнія въ церквахъ.—Къ вопросу о причинахъ возникновенїя нашихъ русскихъ сектъ.—О современныхъ нуждахъ духовной паствы и обязанностяхъ духовенства, вызываемыхъ ими.—Просвѣтительная дѣятельность Холмскаго Св.-Вогородицкаго братства.—Армянскій патріархъ.—Объ уничтоженїи гражданскихъ чиновъ.—О дворянскомъ земельномъ банкѣ (стр. 561—568).—Заботы епархіальной власти о церковномъ пѣнїи.—Что нужно для успѣха церковно-приходскихъ школъ?—Къ вопросу объ обученїи сельскихъ дѣтей церковно-славянскою грамотѣ.—Образцовыя церковно-приходскія школы при духовныхъ семинаріяхъ.—Новое братство.—Некрологъ (стр. 575—585).—Приверженность и благоговѣніе православныхъ къ вышему духовному сану.—О внѣбогослужебныхъ бесѣдахъ.—Сооруженіе православныхъ храмовъ въ Туркестанскомъ краѣ.—Изъ быта штундистовъ.—Вразумительный случай.—Счисленіе раскольниковъ.—Іерусалимскій орденъ.—О церковно-приходскихъ школахъ.—Новая монета.—Иностранцы въ Россїи.—Духовенство въ Англіи (стр. 597).

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

ВѢРА И РАЗУМЪ

въ 1886 году.

Благодареніе Богу, журналъ „Вѣра и Разумъ“ въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ со времени своего появленія въ свѣтъ успѣлъ обратить на себя вниманіе нашего образованнаго общества. Его главная задача, при уваженіи къ философіи, какъ наукѣ, освѣщать ея пути свѣтомъ христіанства и при благоговѣніи къ христіанству выяснять его основанія философскими познаніями и философскимъ мышленіемъ,—эта задача понята и оцѣнена какъ должно. Ободренная такимъ сочувствіемъ общества, редакція журнала „Вѣра и Разумъ“ съ новою ревностію принимается за продолженіе своего изданія въ будущемъ 1886 году. Программа журнала по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) церковнаго, 2) философскаго и 3) листка для Харьковской епархіи.

Журналъ будетъ выходить ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Монастырѣ; въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Вирюковыхъ, Московская № 7; въ Москвѣ: къ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералпонта; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получить немногіе остающіеся экземпляры ея изданія за прошлый и настоящій годы по прежней цѣнѣ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полу-мѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~И~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.